

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Зейналов Р.Г. Рецепция римского права и ее значение для формирования основных начал
балтийского частного права..... 3

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Козырев А.М. Федерализм в Российской Федерации: перспективы развития..... 7
Шульженко Ю.Л. Конституционализм периода реального социализма в СССР..... 11
Шуман А.В. К вопросу о полномочиях органов местного самоуправления по содержанию права
муниципальной собственности 16

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Ключникова Я.А., Венгеровский Е.Л. Правовая сущность эколого-ориентированных предприятий
с учетом развития тенденций социального предпринимательства в России 21
Колодяжный К.Н. Различия правового регулирования ответственности перевозчика согласно
СМГС и ЦИМ: сравнительно-правовой анализ..... 24
Секина О.И. Строительный подряд: риски и страхование 29

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Кузнецов Л.Д. Направления налоговой политики государства 34
Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Правовое обеспечение создания Единого информационного
пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере таможенного регулирования..... 39

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ходулина Ю.А. Трудовой договор - основной инструмент управления персоналом..... 42

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО

Джандубаева Т.З., Ерофеева К.Ю. Глобальное изменение климата: пути правового регулирования в
Бразилии 46
Ирошников Д.В. Паспорт продовольственной безопасности региона в правовом механизме
обеспечения продовольственной безопасности..... 49
Тимофеева О.В. О реализации конституционного права жителей населенных пунктов
на благоприятную окружающую среду в земельном и градостроительном законодательстве... 54

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ивенин В.О. Нормотворческие предложения по уголовно-правовому обеспечению запрета
на воспрепятствование и вмешательство в осуществление оперативно-розыскной
деятельности..... 60
Киселев С.С. Совершенствование механизма защиты несовершеннолетних от склонения к суициду:
виктимология и право 68
Патрушев Е.В. Виктимогенные факторы насильственной преступности в местах лишения
свободы..... 73
Семенова Д.М. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за множественность
преступлений в целях гарантирования прав и свобод человека и гражданина 81

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Содилов Ш.Д. Принцип взаимности по вопросам экстрадиции 85
Чехарина В.И. Принцип социальной справедливости в доктрине и решениях конституционного
трибунала Польши 88

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зевакина Д.Д. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования незаконного
предпринимательства 93

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Журавлев В.В. Управление транспортным средством в состоянии опьянения в разрезе крайней
необходимости..... 98

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-71270 выдано 10.10.2017

ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.legal-science.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия
Багреева Елена Геннадиевна, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ
Барабанова Светлана Васильевна, доктор юридических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет
Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет
Галушкин Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Академик РАН, Российская академия естественных наук
Казачкова Земфира Мухарбиевна, доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции
Калининченко Павел Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет)
Липатов Эдуард Георгиевич, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Институт государства и права РАН
Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Махтаев Махтай Шапиевич, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент, Российский университет дружбы народов
Мордoveц Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции
Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, Московский городской педагогический университет
Рузакова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ
Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент, Российский университет дружбы народов
Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Цареградская Юлия Константиновна, доктор юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Чаннов Сергей Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Четвериков Артем Олегович, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Чихладзе Леван Теймуразович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов
Шохин Сергей Олегович, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет)
Щукина Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 30.12.2018

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Contents

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.

HISTORY OF STUDIES ON LAW AND STATE

Zeynalov R.G. Reception of Roman law and its importance for the formation of the main principles of the Baltic private law	3
--	---

CONSTITUTIONAL LAW. CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCESS. MUNICIPAL LAW

Kozyrev A.M. Federalism in the Russian Federation: development prospects	7
Shulzhenko Yu.L. Constitutionalism of the period of real socialism in the USSR	11
Schumann A.V. To the question of the powers of local governments on the content of municipal property rights	16

CIVIL LAW. ENTREPRENEURIAL LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Klyuchnikova, Ya.A., Vengerovsky, E.L. The legal essence of environmentally-oriented enterprises, taking into account the development of trends in social entrepreneurship in Russia	21
Kolodyazhny K.N. Differences in the legal regulation of the carrier's liability under the SMGS and CIM: comparative legal analysis	24
Sekina OI Construction contract: risks and insurance	29

FINANCIAL RIGHT. TAX LAW. BUDGET LAW

Kuznetsov LD Directions of state tax policy	34
Novikov AB, Ragozin N.A. Legal support for the creation of a Common Information Space of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the field of customs regulation	39

LABOR LAW. THE RIGHT OF SOCIAL SECURITY

Khodulina Yu.A. Employment contract - the main tool for personnel management	42
--	----

LAND LAW. NATURE RIGHTS. ECOLOGICAL LAW. AGRARIAN LAW

Dzhandubaeva T.Z., Erofeeva K.Yu. Global Climate Change: Regulatory Paths in Brazil	46
---	----

Iroshnikov D.V. Food security passport of the region in the legal mechanism of food security	49
Timofeeva O.V. On the implementation of the constitutional right of residents of settlements to a favorable environment in land and city planning legislation	54

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Ivenin V.O. Normative proposals for criminal law enforcement of the prohibition of obstruction and interference with the implementation of operational investigative activities	60
Kiselev S.S. Improving the mechanism for protecting minors from inclining to suicide: victimology and law	68
Patrushev E.V. Viktimogennye factors of violent crime in prisons	73
Semenova D.M. On the issue of differentiation of criminal responsibility for the multiplicity of crimes in order to guarantee the rights and freedoms of man and citizen	81

INTERNATIONAL LAW. EUROPEAN LAW

Sodikov Sh.D. The principle of reciprocity on extradition	85
Chekharina V.I. The principle of social justice in the doctrine and decisions of the constitutional tribunal of Poland	88

CRIMINALISTICS. JUDICIAL-EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL RESEARCH ACTIVITIES

Zevakina D.D. Criminal law and forensic aspects of the investigation of illegal business	93
--	----

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCESS

Zhuravlev V.V. Driving while intoxicated in the context of emergency	98
--	----

Рецепция римского права и ее значение для формирования основных начал балтийского частного права

Зейналов Роман Геннадьевич

аспирант кафедры истории права и государства, Российского университета дружбы народов, larisaz.69@mail.ru

Предметом исследования статьи является рассмотрение рецепции римского права на территориях Остзейского края.

В литературе по истории балтийского права долгое время господствовала следующая точка зрения на проблему рецепции римского права. Хронологически процессы рецепции подразделялись на два периода, рубежом между которыми признавалось принятие Свода 1864 г. При этом, первый период, до 1864 г., считался как первичная рецепция, а второй, связанный с составлением Свода 1864 г, как вторичная рецепция.

Цель статьи показать, что на протяжении длительного времени римское право играло большую роль в балтийском праве, особенно на первом этапе рецепции.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитические методы.

В статье автор предпринял попытки проанализировать первичную рецепцию римского права и ее значение для формирования основных начал балтийского частного права.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем для изучения вопросов, связанных с исследованием проблем первичной и вторичной рецепций римского права и ее влияния на развитие балтийского частного права в XIX веке.

Ключевые слова: частное балтийское право, Свод 1864 года, римское право, рецепция, кодификация.

Проблема рецепции римского права на территориях Остзейского края является самостоятельным предметом исследования. В литературе по истории балтийского права долгое время господствовала следующая точка зрения на проблему рецепции римского права. Хронологически процессы рецепции подразделялись на два периода, рубежом между которыми признавалось принятие Свода 1864 г. При этом, первый период, до 1864 г., считался как первичная рецепция, а второй, связанный с составлением Свода 1864 г, как вторичная рецепция [1, с. 110-111]. Не оспаривая установленных предшествующими исследованиями хронологических рубежей рецепции, в силу которых она подразделяется на первичную и вторичную, в статье мы попытаемся еще раз разобраться в существе имеющихся споров, ведущихся с начала XIX в., не только в среде представителей балтийской правовой мысли, но и представителей российской и европейской юридической науки по существу проблем чистоты и объема рецепции.

Римское право можно рассматривать аксиологически как систему правовых норм, институтов и правовых ценностей, определяющих прогресс и цивилизационное развитие воспринимающего их правопорядка. Именно эти понятия лежат в основе гражданско-правовых кодификаций европейских стран. Применительно к рецепции римского права в XIX в. под «римским правом» мы рассматриваем три сферы: пандектное право, догму римского права, а также *ius commune*. Кроме того, под «римским правом» в науке понимается ещё и особое правовое мышление ставящее в центр права, и в особенности права частного, правоспособного гражданина, юридический статус которого гарантирован наличием гражданских свобод и принципом правового равенств [2, с. 53].

Традиционно восприятие римского права европейскими правопорядками описывается понятием «рецепция», хотя существует и иная концепция А. Уотсона о так называемой «легальной трансплантации», или переносе (*legal transplants*) [3, с. 61]. Определяя свой подход к проблеме рецепции мы, тем не менее, отдаем предпочтение именно рецепции римского права как методологически наиболее разработанной теории восприятия римского права.

До вступления Свода 1864 г. в силу во всех трех Остзейских губерниях применялось римское право в форме «*ius commune*», писал в 1838 г. Ф-Г.

Бунге [4, с. 228]. То же утверждение повторяется у него и во втором издании общего изложения частного права Лифляндии и Эстляндии 1847 г. [5, с. 281-282]. Действие римского права подтверждалось Ф-Г. Бунге также и для Курляндии [6, с. 241].

Анализируя работы Ф-Г. Бунге, можно сказать, что регулирование правовых институтов частного права во всех трех Остзейских губерниях без различия производилось с применением римского права еще на до кодификационном этапе развития законодательства. До вступления свода 1864 г. в силу во всех трех Остзейских губерниях применялось римское право в форме «*ius commune*», писал в 1838 г. Ф-Г. Бунге [7, с. 228]. То же утверждение повторяется у него и во втором издании общего изложения частного права Лифляндии и Эстляндии 1847 г. [8, с. 281-282]. Действие римского права подтверждалось Ф-Г. Бунге также и для Курляндии [9, с. 241].

Необходимо отметить, что Ф-Г. Бунге шел здесь вслед за мнением К.О. фон Мадаи и О. Мейкова, утверждавших несколько ранее, что римское право довольно давно было реципировано и имело силу в Остзейском крае продолжительное время [10, с. 94-96]. Однако никто из перечисленных авторов не высказал сомнений относительно того, что предлагаемые на основе римского права решения уже устарели или не согласовывались с остальным остзейским правом.

Некоторые авторы даже высказывали определенное сожаление, что последовавшая в середине 60-х гг. XIX в. кодификация остзейского частного права отделила все прежде существовавшее право, действовавшее «руководствуясь традициями римского права» и не одобряли произведенные изменения, расценивая произошедший отказ от римского права как нарушение правовой традиции [11, с. 3].

Высказанное сожаление имело под собой основания. Показывая реальную степень влияния римского права к началу XIX в. в Остзейском крае Ф-Г. Бунге писал: «... в той же мере, что правосудие все более оказывалось в руках получивших образование юристов, римское право также постепенно завоевало такой практический авторитет, что почти превзошло местные права» [12, с. 22].

Почти вся профессура Дерптского университета начала XIX в. единогласно заявляла о правовой практике в том духе, что римское право предпочиталось местным источникам и применялось в таком объеме, что в некоторых областях права было перенято полностью [13, с. 32]. Такую же ситуацию констатировал Ф-Г. Бунге в Лифляндии, где, по мнению большинства практикующих юристов, в качестве субсидиарного действовало только римское право [14, с. 29-30].

К сожалению, мы не можем в настоящее время ни подтвердить, ни опровергнуть высказанные представителями юридической науки Остзейского края мнения относительно засилья римского права в практике, присоединяясь здесь к современным прибалтийским специалистам, которые совершенно справедливо сетуют на отсутствие более де-

тальной проверки этих высказываний на основании судебной практики того времени из-за скудости или даже отсутствия какой-либо глубокой разработки таких источников [15, с. 44].

Однако помимо широты применения римского права, в поле для дискуссии оставался еще вопрос о «чистоте» применяемого столь широко римского права. И тот же Ф-Г. Бунге здесь замечал, что с патримониального периода (до заката Средневековой Ливонии в 1561 г.) в этих провинциях имело применимость и утвердилось до новейшего времени так называемое «общее немецкое право», – в той форме, как оно сформировалось из слияния римского, канонического и исходного немецкого права посредством науки и практики [16, с. 30]. А другой прибалтийский правовед К. А. Нойман подчёркивал, что в остзейских губерниях было реципировано не римское право в форме *Corpus iuris civilis*, а общее право – смешение римского, канонического и немецкого права [17, с. 68].

Таким образом, из приведенных примеров видно, что вопросу действия римского права в Остзейских губерниях в балтийской доктрине права уделялось достаточно большое внимание. Можно даже утверждать, что ведущие представители правовой мысли Остзейского края буквально призывали бороться с избыточным применением римского права. Доказательством этого являлось и то, что на практике практикующие юристы

больше обращались к римскому праву и это вполне понятно. К. О. фон Мадаи, которого крайне беспокоил вопрос применения местного права, характеризовал римское право как опасного соперника провинциальным правам. Внутреннее совершенство, которое отличает римское право, как указывал профессор, определенность его принципов, последовательность, которую невозможно недооценить и которая везде «благоотворно просвечивает», всегда превращает римское право в опасного соперника местных прав. Естественно, сокрушался по этому поводу К. О. фон Мадаи, что судья, которому римское право известно более в обширном объеме и более основательно, чем какое-либо другое, невольно предпочитает и применяет именно это, пренебрегая правовыми положениями местного права. В то время как римское право, указывал К. О. фон Мадаи, должно было оставаться только субсидиарным и вспомогательным, оно наоборот часто становилось главной правовой основой, так что местное право приобретало характер субсидиарного и дополняющего [18, с. 845]. Поэтому вовсе неудивительно, что ведущие представители юридической балтийской мысли Ф-Г. Бунге, Х.Х. Дабелов и К.О. фон Мадаи столь активно выступали за ограничение господства римского права. В частности, отрицательное отношение к активному использованию римского права со стороны Ф-Г. Бунге выразилось в том, что он намеренно не рассматривал римское право в своих научных трудах по гражданскому праву Остзейских губерний. В соответствующих местах он лишь ограничивался примечанием, что здесь применимы правовые нормы римского права [19, с. 35,48].

Однако, по мнению К.О. фон Мадаи, таким образом нельзя было препятствовать применению римского права на практике, так как данный образ изложения применимости римского права «оставлял всё ещё слишком много свободы выбора» [20, с. 846-847]. Означал ли подобный подход сопротивление простому «переносу» правовых институтов римского права, подвергнутый, в последующем, критике в концепции рецепции Ф. Виакером? Ведь именно благодаря римскому праву, с точки зрения последнего, произошло возрождение правовой науки, придание научного характера знаниям о праве («онаучивание») и формирование особого профессионального правового мышления. В результате юристы – носители римской правовой традиции совершенствовали национальный правопорядок [21, с. 40].

Возможно, подобное восприятие римского права в Остзейском крае XIX в. следует воспринимать как «поздняя рецепция», предлагаемая Ф. Виакером [22, с. 117-118], правда с некоторыми оговорками. Полагаясь на концепцию Ф. Виакера, мы можем выделить две основных формы рецепции римского права в Прибалтике: практическую рецепцию (состоящую в перенесении конкретных правовых норм и институтов римского права на остзейскую почву) и научную рецепцию. И активно сопротивляясь первой форме, ведущие представители юридической мысли Остзейского края, отнюдь не отвергали преимущественное значение последней и именно ей, как показали последующие события, они уделяют основное внимание в своей деятельности. Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Первичная рецепция римского права в Остзейских губерниях заключалась в перенесении конкретных правовых норм и институтов римского права на остзейскую почву, что позволяет охарактеризовать этот процесс как практическую рецепцию.

2. Кодификационные процессы остзейского частного права середины XIX в. способствовали переводу рецепции в её вторую фазу – научную рецепцию.

Литература

1. Егоров Ю. Рецепция права в истории Эстонии (XIII-XIX вв.). Теоретический аспект // *Studia iuridica* II: Теоретические проблемы истории права (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та). Тарту, 1989. № 847. С. 100–111, 104; Siimets-Gross H. Roman Law in the Baltic Private Law Act – the Triumph of Roman Law in the Baltic Sea Provinces? // *Juridica International: Law Review University of Tartu* XII (2007). P. 180–189.

2. Avenarius M. Fremde Traditionen des römischen Rechts: Einfluß, Wahrnehmung und Argument des «rimscoe pravo» im russischen Zarenreich des 19. Jahrhunderts. Wallstein, 2014. S. 53.

3. Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. 2nd. ed. University of Georgia Press, 1993. P. 59, 61.

4. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. I Teil. Dorpat: Kluge, 1838. S. 228.

5. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. Zw. Ausg. I Teil. Reval: Kluge, 1847. S. 281-282.

6. Bunge F. G. v. Das curländische Privatrecht. Dorpat: Kluge, 1851, S. 241.

7. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. I Teil. Dorpat: Kluge, 1838. S. 228.

8. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. Zw. Ausg. I Teil. Reval: Kluge, 1847. S. 281-282.

9. Bunge F. G. v. Das curländische Privatrecht. Dorpat: Kluge, 1851, S. 241.

10. Madai C. O. v.: Rechtsfälle: II. Das Daguerrotypbild // Theoretisch-practische Erörterungen aus den in Liv-, Esth- und Curland geltenden Rechten. Bd. IV. Dorpat, 1845. S. 94–96; Meykow O. Lehre. S. 149–183.

11. Seraphim F. Zur Lehre. S. 1, 40; Erdmann C.E. System Bd. I. S. III.

12. Bunge F. G. v. Das Römische Recht in den Deutschen Ostseeprovinzen Rußlands. Einladungsschrift zur Feier des Tages, an welchem vor tausend dreihundert Jahren die Institutionen und Pandekten des Römischen Rechts Gesetzeskraft erhalten haben. Dorpat: Schünmann, 1834. S. 22.

13. Dabelow C.C. Ueber die wissenschaftliche Behandlung. S. 209–210; Bunge F.G. v. Wie kann der Rechtszustand Liv-, Esth- und Curlands am zweckmässigsten gestaltet werden? Riga und Dorpat: Frantzen, 1833. S. 32; Madai C. O. v. (Rezension): F. G. Bunge, Das Liv- und Estländische Privatrecht // Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft. Hrsg. A. L. Richter, R. Schneider, Jg. 5, 1841. S. 830, 833; Erdmann C. E. System. Bd. I. S. 6.

14. Bunge F.G. v. Das liv- und estländische. Zw. Ausg. I Teil. S. 29, 30.

15. Siimets-Gross H. Das “Liv-, Est- und Curlaendische Privatrecht” (1864/65). S. 44.

16. Bunge F.G. v. Das liv- und estländische. Zw. ausg. I Teil. S. 30.

17. Neumann C.A. Etwas über das Römische. S. 68.

18. Madai C.O. v. Rezension. S. 845.

19. Bunge F. G. Das curländische Privatrecht. S. 112, 128, 212, 332, 416 ff.; Bunge F. G. Das Liv- und estländische Privatrecht S. 35, 48, 66, 134 ff.

20. Madai C.O. v. Rezension. S. 846-847.

21. Wieacker F. A History. P. 40.

22. Ibid. P. 117-118.

The reception of roman law and its importance for the formation of the basic principles of the baltic private law Zeynalov R.G.

Peoples friendship University of Russia

Object of research of article is consideration of the reception of Roman law in the territories of the Baltic region.

In the literature on the history of Baltic law for a long time dominated by the following point of view on the problem of reception of Roman law. Chronologically, the reception processes were divided into two periods, the boundary between which was recognized the adoption of the Code of 1864. At the same time, the first period, until 1864, was considered as the primary reception, and the second, associated with the compilation of the Code of 1864, as a secondary reception.

The purpose of the article is to show that for a long time Roman law played a big role in the Baltic law, especially at the first stage of the review.

The research methodology consists of comparative, formal-legal, analytical methods.

In the article the author attempts to analyze the primary reception of Roman law and its importance for the formation of the basic principles of the Baltic private law .

The conclusions of the study can be used in the future to study issues related to the study of the problems of primary and secondary recipes of Roman law and its impact on the development of Baltic private law in the NINETEENTH century.

Key words: the Baltic private law, Set in 1864, the Roman law, reception, codification.

References

1. Yu. Egorov. Law Reception in Estonian History (XIII-XIX Centuries). Theoretical aspect // *Studia iuridica II: Theoretical problems of the history of law* (Uchen. Zap. Tartu State University.). Tartu, 1989. No. 847. P. 100-111, 104; H. Roman law in the Baltic Sea Provinces? // *Juridica International: Law Review University of Tartu XII* (2007). R. 180-189.
2. Avenarius M. Fremde Traditionen des römischen Rechts: Einfluß, Wahrnehmung und Argument des "rimskoe pravo" im russischen Zarenreich des 19. Jahrhunderts. Wallstein, 2014. S. 53.
3. Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. 2nd. ed. University of Georgia Press, 1993. p. 59, 61.
4. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. I Teil. Dorpat: Kluge, 1838. S. 228.
5. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. Zw. Ausg. I Teil. Reval: Kluge, 1847. S. 281-282.
6. Bunge F. G. v. Das curländische Privatrecht. Dorpat: Kluge, 1851, S. 241.
7. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. I Teil. Dorpat: Kluge, 1838. S. 228.
8. Bunge F. G. v. Das liv- und estländische Privatrecht. Zw. Ausg. I Teil. Reval: Kluge, 1847. S. 281-282.
9. Bunge F. G. v. Das curländische Privatrecht. Dorpat: Kluge, 1851, S. 241.
10. Madai C. O. v. : Rechtsfälle: II. Das Daguerrotypbild // *Theoretisch-practische Erörterungen aus den in Liv-, Esth- und Curland geltenden Rechten*. Bd. IV. Dorpat, 1845. S. 94–96; Meykow O. Lehre. S. 149-183.
11. Seraphim F. Zur Lehre. S. 1, 40; Erdmann C.E. System Bd. I. S. III.
12. Bunge F. G. v. Das Römische Recht in den Deutschen Ostseeprovinzen Rußlands. Einladungsschrift zur Feuer des Tages, anchors welchem vor tausend dreihundert Jahren die Institut und Pandekten des Römischen Rechts Gesetzeskraft erhalten haben. Dorpat: Schönmann, 1834. S. 22.
13. Dabelow C.C. Ueber die wissenschaftliche Behandlung. S. 209–210; Bunge F.G. v. Wie kann der Rechtszustand Liv-, Esth- und Curlands am zweckmässigsten gestaltet werden? Riga und Dorpat: Frantzen, 1833. S. 32; Madai C. O. v. (Rezension): F. G. Bunge, Das Liv-und Esthländisches Privatrecht // *Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft*. Hrsg. A. L. Richter, R. Schneider, Jg. 5, 1841. S. 830, 833; Erdmann C. E. System. Bd. I. S. 6.
14. Bunge F.G. v. Das liv- und esthländische. Zw. Ausg. I Teil. S. 29, 30.
15. Siimets-Gross H. Das "Liv-, Est- und Curlaendische Privatrecht" (1864/65). S. 44.
16. Bunge F.G. v. Das liv- und esthländische. Zw. ausg. I Teil. S. 30.
17. Neumann C.A. Etwas über das Römische. S. 68.
18. Madai S.O. v. Rezension. S. 845.
19. Bunge F. G. Das curländische Privatrecht. S. 112, 128, 212, 332, 416 ff .; Bunge F. G. Das Liv-und esthländische Privatrechtü S. 35, 48, 66, 134 ff.
20. Madai S.O. v. Rezension. S. 846-847.
21. Wieacker F. A History. P. 40.
22. Ibid. P. 117-118.

Федерализм в Российской Федерации: перспективы развития

Козырев Азамат Маратович

аспирант кафедры государственного права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова kozyreff@gmail.com

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы российского федерализма. Автор раскрывает особенности института федерального вмешательства со стороны Президента РФ, а также институт полномочных представителей. Затрагиваются национальные аспекты федеративных отношений в России. Автор указывает на важность полномочий Президента РФ как главы федеративного государства.

Ключевые слова: Федерация, федеративные отношения, институт полномочных представителей, федеральный инспектор, региональная политика.

В Российской Федерации существует 85 субъектов Федерации. Однозначно, что каждый субъект в России имеет свои особенности, имеющие отношение к таким сферам жизни как экономика, культура, демография, религия, климат и многим другим. Актуальность рассматриваемой теме добавляет тот факт, что в марте 2014 года в России прибавилось еще два субъекта – Республика Крым и город Севастополь. В этом свете изучение проблем федерализма не только не утратило своей значимости, но и приобрело новый импульс. Главный и ключевой вопрос федерализма был и есть – эффективное взаимодействие федерального центра с другими субъектами РФ.

Отметим, что сегодня действует государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 307 [1]. Данная программа ставит цель обеспечить сбалансированное развитие регионов.

Также Правительство РФ утвердило [2] Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Согласно данному документу, «государственная региональная политика направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни» [3].

Что касается тенденций и перспектив развития федерализма в России, то отметим усиление централизаторских тенденций, которое явно дестабилизирует государственное устройство. Очевидно, что дисбаланс власти провоцирует ухудшение федеративных отношений. Это можно наблюдать, если взглянуть на деятельность Президента РФ, который вынужден решать государственные проблемы «в ручном режиме». Основной причиной такой государственной практики Президента РФ является то что население многих субъектов РФ проявляет недоверие органам власти конкретных регионов.

Именной поэтому, в современной России большое значение играют полномочия Президента РФ как главы федеративного государства. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Президентские полномочия тесно связаны со взаимодействием органов муниципальной власти и институтом полномочных представителей. Задача создания «промежуточных» уровней государственного управления особенно остро встала вви-

ду специфики взаимоотношений между федеральной, региональной и муниципальной властью. Не меньше влияние оказало значительное количество равноправных субъектов РФ, а также проблемы их взаимодействия между собой и с федеральным центром.

Весьма интересным явлением в контексте федеративных отношений в России является институт федерального вмешательства со стороны Президента РФ, под которым следует понимать совокупность норм, регламентирующих основания, форму и порядок деятельности органов федеральной власти, направленные на деятельность органов государственной власти субъектов РФ в случае нарушения конституционных норм.

Отметим, что федеральное вмешательство («федеральная интервенция») распространено в законодательстве многих стран. Так, за главами федеральной исполнительной власти зарубежными конституциями может быть закреплено право на федеральное вмешательство. Согласно ст. 37 Основного Закона ФРГ, «если земля не выполняет возложенных на нее основным законом или другим федеральным законом федеральных обязанностей, федеральное правительство с согласия бундесрата может принять необходимые меры, чтобы в порядке федерального принуждения побудить землю к выполнению своих обязанностей» [4]. Согласно ст. 6 Конституции Аргентины, «федеральное правительство осуществляет вмешательство в дела провинций для того, чтобы гарантировать республиканскую форму правления или отразить вторжение извне, а также по просьбе установленных властей провинций для их поддержания или восстановления, если они были свергнуты в результате мятежа или нападения другой провинции» [5].

Что касается Конституции РФ, то в ней не содержится норм, непосредственно закрепляющих основания для федерального вмешательства в дела субъектов РФ. В ней лишь можно усмотреть общие основания для подобного вмешательства.

Характерной чертой федеративной ответственности в РФ является то обстоятельство, что она применяется не только за нарушение конституционных норм, но и в случае отклонения от курса на укрепление государственного единства Федерации со стороны высших должностных лиц регионов.

Важно понять, что вменение конституционной ответственности должно носить легитимный характер. Чтобы она приобрела легитимность само действие должно быть отражено в правовой форме. Именно поэтому, федеральное вмешательство должно иметь место только тогда, когда нарушаются конституционные нормы и федеральные законы. Именно этим конституционная ответственность отличается от политической ответственности, которая применяется по каким-либо политическим мотивам (так называемая «политическая целесообразность»).

В научной литературе уже встречаются предложения о введении в российское законодательство понятия «конституционно-правовая ответ-

ственность субъектов федерации» [6], под которым следовало бы понимать такое правовое состояние, которое возникает из-за нарушения конституционно-правовых норм.

Интерес для выявления специальных президентских полномочий представляет институт полномочных представителей (федеральных инспекторов). Согласно пункту «к» статьи 83 Конституции РФ [7] Президент имеет право назначать своих полномочных представителей в любых функциональных, территориальных и отраслевых сферах государственного управления.

Стоит заметить, что законодательно правовой статус федеральных инспекторов и их место в структуре власти строго не определен, а нормативные акты, регулирующие деятельность федеральных инспекторов, не содержат норм, раскрывающих правовой статус федеральных инспекторов. Единственным актом, фиксирующим правовой статус полномочных представителей, является Распоряжение Администрации Президента РФ от 22 марта 2005 года №384 «Об утверждении Типового положения о главном федеральном инспекторе в субъекте Российской Федерации аппарата Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе» [8].

В целом, главные федеральные инспекторы имеют в своем «правовом арсенале» небольшой объем прав, состоящий в основном из права запрашивать и получать материалы от органов власти всех уровней, использовать банк данных администрации Президента РФ и федеральных органов государственной власти. Сюда также относится право на доступ к правительственной системе связи и коммуникаций, организацию проверки исполнения законодательства, внесение предложений о создании совещательных и консультативных органов.

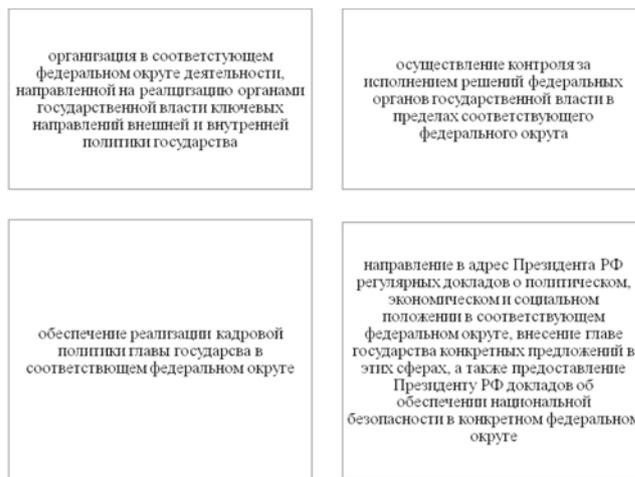

Рис. 1. Задачи, возложенные на институт полномочных представителей (федеральных инспекторов)

Не менее важным и острым стоит национальный вопрос и роль Президента РФ в данной области. Все мы помним, как остро стоял вопрос о самостоятельности таких республик как Татарстан и Чечня в 90-е годы XX века. Аналогичная ситуация

сегодня с упомянутым выше Крымом. Опасность заключается здесь не в том, что борьба за свою национальность является угрозой конституционному строю. Наоборот, в России много субъектов РФ с различным национальным составом, которые мирно сосуществуют в составе Федерации. Опасность здесь кроется больше в идее сепаратизма, которая в мировом сообществе ассоциируется чуть ли не с международным преступлением.

И мы видим, какую огромную роль в данном вопросе играет глава государства. В течение почти двух десятилетий, Президент РФ, используя свои обширные полномочия (в том числе «экстраординарные»), «собирал» все национальные республики в единую Федерацию. При Президенте РФ даже действует Совет по межнациональным отношениям, целью которого является сосуществование всех этносов в составе России на принципах толерантности. 19 декабря 2012 года Совет принял Стратегию национальной политики, которая содержит ключевые моменты по решению национального вопроса. Например, «сокращение уровня социально-экономической дифференциации регионов; совершенствование межбюджетных отношений в целях обеспечения дополнительных условий для реализации принципов социальной справедливости и равноправия граждан, гражданского мира и согласия» [9].

Таким образом, Совет по межнациональным отношениям и сам глава государства являются важнейшими действующими лицами по обеспечению государственной национальной политики. Более того, в такой федеративной стране как Россия вообще невозможно обеспечить стабильное развитие государства без реализации конституционно закрепленных принципов демократической национальной политики. Политика ассимиляции, колонизации, патронажа должна уступить более современным формам сотрудничества таким как, паритет и партнерство субъектов РФ не только в отношениях между собой, но и между федеральной властью.

Безусловно, что роль региональной политики в последние годы возрастает. Во многом, данная тенденция является следствием скопившихся экономических диспропорций между российскими регионами. Достижение целей и задач, заявленных в государственной программе «Региональная политика и федеративные отношения» и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, должно обеспечить целостность российской государственности.

Развитие новой модели федеративного устройства возможно только в результате модернизации системы имеющихся федеративных отношений с учетом как экономических, так и политических реалий. При этом, развитие новой модели федерализма невозможно без эффективного реформирования юридической основы российского федерализма.

Одним из шагов на пути к модернизации федеративных отношений может стать укрупнение субъектов Российской Федерации на основе внут-

риэкономической интеграции. Оптимальным было бы существование 40-50 субъектов в Российской Федерации. Подобной точки зрения придерживаются некоторые отечественные исследователи.

В частности, Н. М. Добрынин пишет, что результатом федеративных реформ должно стать формирование «региона нового типа, характеризующегося новой системой регионального управления, широким объемом полномочий и развитым экономическим базисом, поддерживающим функционирование субъектного статуса» [10].¹

Важным шагом на пути улучшения взаимодействия между Федерацией и ее субъектами является принятие федерального закона, фиксирующего принципы и границы заключения двустороннего договора, порядок его подписания и введения в действие. В рамках данного федерального закона важно определить:

1. предметы ведения Федерации, которые не могли бы передаваться в ведение субъектов;
2. порядок разработки проектов правовых актов, принимаемый российским парламентом по предметам совместного ведения;
3. виды нормативно-правовых актов, которые принимаются федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения;
4. порядок реализации полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов;
5. роль региональных парламентов по вопросам подготовки проектов федеральных законов по предметам совместного ведения.

В заключение отметим, что федеративное устройство являются неизбежным и необходимым средством взаимодействия центра и субъектов РФ. Во многом это связано как с национальными аспектами государственного устройства, так и с территориальными (масштаб) особенностями России. Россия отличается от других федеративных государств тем, что она имеет сильную президентскую власть. Полномочия президента РФ играют важную роль в вопросе укрепления государственности и консолидации разных этносов и групп. Российской Федерации подходит только такая форма устройства государства. Поэтому необходимо дальнейшее развитие существующей модели федеративного устройства посредством реформирования ее юридической основы, а также укрепления государственных институтов, деятельность которых направлена на эффективную работу главы государства.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Региональная политика и федеративные отношения» //

¹ Добрынин, Н. М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства РФ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Добрынин Н. М. – Тюмень, 2004. С. 24-25.

Собрание законодательства Российской Федерации от 05 мая 2014 года № 18 (часть I) ст. 2153.

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 ноября 2008 года № 47 ст. 5489.

3. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/aboutecon/> (дата обращения 08.04.2018 г.)

4. Бланкенагель А. Общее разграничение компетенции между федеральными землями и государственность земель в Германии / А. Бланкенагель // Статус субъектов федерации / Конференция 28- 29 марта. Сессия 1. — Казань, 2003. — С. 19.

5. Глигич-Золотарева М.В. Разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти: зарубежный опыт / М.В. Глигич-Золотарева // Журнал российского права. — 2003. — № 4. — С. 14.

6. Фурсова А.А. Институт федерального вмешательства как форма конституционно-правовой ответственности субъектов РФ // Вестник Воронежского института МВД России, Выпуск № 2, 2008. С. 3.

7. Пункт «в» статьи 83 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

8. Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации от 22 марта 2005 года №384 «Об утверждении Типового положения о главном федеральном инспекторе в субъекте Российской Федерации аппарата Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе» – Режим доступа: <http://www.www.saratov.gfi.ru/>. – 06.08.2010

9. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Президент РФ. 2012. 19 дек.

10. Добрынин, Н. М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства РФ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Добрынин Н. М. – Тюмень, 2004. С. 24-25.

11. Политические учения XX-XXI вв. / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренов С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко С.Н. Москва, 2015.

12. Муромцев Г.И., Кривельская О.В. Соотношение административного и конституционного права в зарубежных странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 100-108.

Federalism in the Russian Federation: prospects of development

Kozyrev A.M.

North Ossetian State University after K. L. Khetagurov

An actual issues of Russian federalism is described in this article.

The author reveals the peculiarities of the Institute of Federal intervention by the President of the Russian Federation and the institution of Plenipotentiaries. The national aspects of Federal relations in Russia is analyzed in the article. The author points out the importance of powers of the President of the Russian Federation as the head of the Federal state.

Keywords: Federation, Federal relations, Institute of Plenipotentiaries, Federal inspector, regional policy.

References

1. Government Decree of 15.04.2014 N 307 "On the approval of the state program of the Russian Federation" Regional Policy and Federal Relations // Collected Legislation of the Russian Federation of 05 May 2014 No. 18 (Part I), Art. 2153.
2. Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-p (as amended on February 10, 2017) "On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020" // Collected Legislation of the Russian Federation of November 24, 2008 No. 47 Art. 5489.
3. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/aboutecon/> (appeal date 08/04/2018)
4. Blankenagel A. The General Distribution of Competences between the Federal Lands and the Statehood of Lands in Germany / A. Blankenagel // Status of the Subjects of the Federation / Conference March 28-29. Session 1. - Kazan, 2003. - p. 19.
5. Gligich-Zolotareva M.V. Delimitation of competences and powers between the levels of public authority: foreign experience / M.V. Gligich-Zolotarev // Journal of Russian Law. - 2003. - № 4. - p. 14.
6. Fursov A.A. Institute of Federal Intervention as a Form of Constitutional Legal Responsibility of the Subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Issue No. 2, 2008. P. 3.
7. Item "c" of Article 83 of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // SZ RF. 2009. № 4. Art. 445.
8. Order of the Administration of the President of the Russian Federation of March 22, 2005 No. 384 "On Approval of the Model Regulations on the Chief Federal Inspector in the Subject of the Russian Federation of the Office of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District" - Access Mode: <http://www.www.saratov.gfi.ru/>. - 06.08.2010
9. On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 // President of the Russian Federation. 2012. 19 dec.
10. Dobrynin, N. M. New Federalism: A Conceptual Model of the Government of the Russian Federation: author. dis. ... Dr. Juridical Sciences / Dobrynin N. M. - Tyumen, 2004. S. 24-25.
11. Political teachings of the XX-XXI centuries. / Egorov V.G., Abramov A.V., Alekseev R.A., Alyabyeva T.K., Berezkina O.S., Vititnev S.F., Kozyakova N.S., Lavrenov S.Ya., Sinchuk Yu.V., Fedorchenko S.N. Moscow, 2015.
12. Muromtsev G.I., Krivelskaya O.V. Correlation of administrative and constitutional law in foreign countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence. 2012. No. 2. S. 100-108.

Конституционализм периода реального социализма в СССР

Шульженко Юрий Леонидович

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН, constitution@igrpan.ru

Актуальность избранной темы обусловлена той ролью, которую имеет конституционализм, являясь одним из важнейших показателей нашего общества, его демократического федеративного государства с республиканской формой правления, основанного на принципе разделения властей. Цель статьи – анализ состояния конституционализма СССР в период реального социализма (1936-1977 гг.). Выявление здесь решений, которые бы могли эффективно использоваться с соответствующими поправками в современной государственно-правовой практике. Используются как общенаучные методы, так и частнонаучные и, прежде всего, догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой. Высказана авторская позиция о самом понятии «конституционализм», путем выделения трех его основных сторон: наличие конституции; практической; теоретической. Показана специфика регулирования вопросов конституционализма в Основном законе СССР 1936 г. – вступление СССР в новый этап развития; сохранение классово-экономической сущности – диктатуры пролетариата; закрепление руководящей роли коммунистической партии (ВКП(б)); конституционное урегулирование института экономической системы; расширение прав и свобод граждан; отмена ограничений в политических правах граждан и др. Практический конституционализм рассматриваемого периода характеризуется как фиктивный – многие записанные в Конституции СССР демократические по своему характеру положения, касающиеся, в первую очередь, прав и свобод граждан, в жизни не реализовывались, грубо нарушались. В теоретическом плане конституционализм для стран капитализма трактовался как прогрессивное явление, а для СССР социализма – отрицался, считался неприемлемым.

Ключевые слова: Верховный Совет СССР, выборы, диктатура пролетариата, коммунистическая партия, конституция, конституционализм, статус личности, экономическая система.

Исходным для данной статьи является позиция ее автора по такому сложному, спорному вопросу, как понятие «конституционализм». Она в наиболее краткой, обобщенной форме состоит в том, данное понятие имеет три стороны. Во-первых, первоосновой здесь является сам факт наличия или отсутствия конституции. Во-вторых, конституционализм имеет практическую форму, в том случае, когда существует в обязательном порядке реальная конституция, и что особенно важно то, как на практике действует то, что она устанавливает, закрепляет. В-третьих, теоретический конституционализм – сумма знаний общества по данному вопросу.

Статья посвящена анализу состояния конституционализма в период реального социализма, когда шел и процесс построения развитого социалистического общества в нашей стране. Временные рамки – 1936-1977 гг. Здесь имел место как практический, так и теоретический конституционализм. Прежде всего отметим, что на его состояние наисущественнейшее влияние оказали социально-экономическая, государственно-правовая ситуации в СССР в этот период. Она в целом была достаточно сложной, неоднородной. Так, в годы Отечественной войны 1941-1945 гг. произошел отказ от обычных форм и методов руководства, управления и переход к мобилизационной модели. Сразу после окончания войны – в первую очередь восстановление всего разрушенного, а в государственно-правовой сфере в частности – возрождение довоенной системы государственных органов. Значительная часть этого периода связана с культом личности Сталина. Так, во второй половине 30-х гг. XX в. ужесточилось отношение к инакомыслящим. После окончания Отечественной войны очередной виток усиления контроля над обществом, репрессий, охвативших в первую очередь верхушку руководства, а также и широкий круг граждан. Это и спровоцированное, фальсифицированное «ленинградское» дело в 1949 г.; и далее дело «Еврейского антифашистского комитета» и дело «врачей».

Важной вехой здесь стал XX съезд КПСС в 1956 г., на котором был осужден культ личности Сталина, массовые репрессии 30-40-х гг. XX в., заявлено официально о том, что подавляющее большинство репрессированных – это честные люди. Наше общество вступило в этап так называемой «хрущевской оттепели», когда осуществлялся ряд мер демократической направленности. Важно отметить и то, что все эти годы – годы

острой борьбы в рядах КПСС, ее руководства. В 1957 г это, например, это попытка группы членов Политбюро во главе с Н.А. Булганиным отправить в отставку Н.С. Хрущева; в 1964 г. – освобождение последнего от всех должностей по обвинению в субъективизме и волюнтаризме. Первым, в дальнейшем генеральным секретарем ЦК КПСС становится Л.И. Брежнев. С этого момента начинается новый этап советского общества, связанный в первую очередь с укреплением, расцветом командно-административного руководства, и наряду с этим попыткой осуществления ряда эффективных реформ в сфере экономики.

Первоосновой советского конституционализма, как практического, так и теоретического в этот период была Конституция СССР 1936 г. Ее сразу же стали именовать сталинской. В отечественной литературе 30-х гг. прошлого века четко звучал тезис о том, что сталинская Конституция "закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип: от каждого – по его способностям, каждому – по его потребностям" [1, с. 331].

Основной закон СССР 1936 г. четко стоит на позиции сохранения классово-экономической сущности – диктатуры пролетариата. Но говорится об этом по сравнению с прошлым четко и прямо через формулу о Советском Союзе как политической основе СССР, которые возникли, развивались в ходе свержения власти эксплуататоров, завоевание, установление диктатуры пролетариата. Впервые в Конституции закреплена специфика социалистического конституционализма – руководящая роль Коммунистической партии (ВКП(б)). Но сделано это не напрямую, а косвенно – через право граждан СССР объединяться в общественные организации. Установлено, что наиболее активные и сознательные представители рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции на основе добровольности объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза. Она – передовой отряд трудящихся в их борьбе, связанной с построением коммунизма. Она – руководящее ядро всех общественных государственных, организаций трудящихся. Итак, фактически произошло огосударствление партии, превращение ее в государственную структуру. Это и реальное воплощение неоднократно высказываемая ранее в партийных документах, в научной, публицистической литературе необходимости отражения, закрепления в Основном законе руководящей позиции коммунистической партии как юридической и фактической ее сущности.

Следует отметить, что данное положение подверглось острейшей критике на Западе еще на стадии проекта Конституции СССР 1936 г., и продолжалось с еще большей силой в дальнейшем. Обратим здесь внимание на ответ, позицию Сталина: «Я должен признать, что проект новой Кон-

ституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции» [2, с. 331].

Обратим внимание на еще одно нововведение. Впервые на конституционном уровне установлен правовой статус комсомола, профсоюзов, кооперативных объединений, иных общественных организаций. Определена и цель – развитие организационной самостоятельности и политической активности народных масс, а их деятельность должна была отвечать интересам трудящихся. Фактически здесь заложена формула следующего содержания – отсутствие всякой возможности на создание организаций, движений, неназванных в Основном законе, и в первую очередь каких-либо партий, за исключением ВКП(б). Подход советского руководства здесь состоял в том, что свобода политических партий может быть в обществе с антагонистическими классами. В связи с тем, что в СССР нет антагонистических классов, и нет почвы для иных партий. Есть все для существования исключительно одной коммунистической партии, которая стоит на защите двух дружественных классов – рабочих и крестьян.

Устанавливалась экономическая основа СССР – социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, в двух формах такой собственности – государственной и колхозно-кооперативной, объекты последних. Разрешалось мелкое частное хозяйство единоличных крестьян, кустарей, основанное исключительно на личном труде и исключая эксплуатацию чужого труда. Закон охраняет права личной собственности граждан на их трудовые доходы, сбережения, жилой дом, подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, право наследования личной собственности граждан. Особый акцент делался на ведущую роль народно-хозяйственного плана в качестве определителя хозяйственной жизни СССР, его основной направляющей силы. Труд провозглашался обязанностью, делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу "кто не работает, тот не ест". Устанавливался принцип социализма "от каждого по его способности, каждому – по его труду". В результате по сравнению с прошлым получила более четкое законодательное выражение тенденция конституционного регулирования важнейших институтов советской экономической системы.

Основа государственного, федеративного устройства СССР, национальной политики, как и ранее, – принцип добровольности объединения и равноправия союзных республик. Определен предмет ведения СССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления. Решен и вопрос о соотно-

шении суверенитета, законодательства СССР и его субъектов. Вносившиеся в дальнейшем поправки закрепили положения, касающиеся изменения границ, правового статуса республик, расширения территорий в силу ряда причин в 1939–1940 гг.; упразднение Закавказской Федерации, включение республик, входивших в нее, непосредственно в СССР, преобразование Казахской, Карельской, Киргизской, Молдавской автономных республик в союзные и вхождение их в состав СССР; вхождение в состав СССР Латвии, Литвы, Эстонии со статусом союзной республики.

Обратим внимание на то, что наряду с расширением исключительной компетенции Союз ССР сужаются права союзных республик, связанные с участием в выработке общесоюзной политики, ее реализации. Возникшая еще в начале 30-х гг. тенденция к бюрократической централизации, укреплению административно-командной вертикали, сокращению прав и полномочий союзных республик закрепляется в Конституции. Таким образом, республики лишились права обсуждать неконституционные акты, распоряжения союзных ведомств, приостанавливать их действие на своей территории. Отметим также, что Конституции СССР 1936 г. отнесла к компетенции СССР утверждение образования новых автономных республик и автономных областей в составе союзных республик. Прежде всего это касалось исключительной компетенцией союзных республик. За ними сохранялось право решать вопрос об их образовании внутри союзных республик. При этом окончательное решение вопроса переходило к СССР. В целом, несмотря на отдельные недоработки, все это находилось в русле советского практического конституционализма.

Конституция СССР 1936 г. существенно изменила статус гражданина СССР. В первую очередь отменены остатки ограничений в политических правах, установленных в прежних советских основных законах, и в первую очередь в избирательном праве. Закрепляется всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Особо обратим внимание на то, что впервые на конституционном уровне провозглашалось равноправие во всех сферах, отношениях женщин и мужчин. Ранее проблема прав граждан обоего пола решалась в конституциях союзных республик преимущественно к избирательному праву, в Семейном, Земельном и других кодексах, в общесоюзных актах конституционного значения. Урегулирование этого вопроса конституционной нормой – также свидетельство демократизации Конституции СССР.

Основной закон СССР 1936 г. устанавливает новый перечень прав и свобод граждан. Это – право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование; неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и др. Все это следует также отнести к положительным, прогрессивным показателям советского практического конституционализма. Следует также отметить, что в литературе того времени акцентировалось внимание на

том, что гарантиям провозглашенных прав и свобод в Конституции СССР 1936 г. отводилось центральное место. "Сталинская Конституция не ограничивается только фиксированием формальных прав граждан, что характерно для буржуазных конституций, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав, – и в этом еще одна ее особенность" [3, с. 121]. Однако на практике все обстояло намного сложнее, трагичнее. Сфера соблюдения прав и свобод стала местом самых серьезных нарушений, связанных прежде всего с культом личности Сталина.

Устанавливалась новая система органов государственной власти страны. Советы стали называться Советами депутатов трудящихся, что объяснялось более высокой степенью консолидации советского общества, развитием его социальной однородности. Высший орган власти, парламент – Верховный Совет СССР. Он состоял из двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей. Верховный Совет СССР избирал Президиум Верховного Совета СССР. Высший исполнительный и распорядительный орган страны – Совет Министров СССР – Правительство СССР. Высший орган государственной власти в союзной, автономной республике – Верховный Совет, который избирал свой Президиум; высший исполнительно-распорядительный орган – Совет Министров – Правительство. Органы государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станциях, деревнях, хуторах, кишлаках) – Советы депутатов трудящихся; их исполнительные и распорядительные органы в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах – исполнительные комитеты, в небольших поселениях – председатель, заместитель и секретарь Совета. Правосудие возлагалось на Верховный Суд СССР, верховные суды союзных республик, краевые и областные суды, суды автономных республик и автономных областей, окружные суды, специальные суды, народные суды. Высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами и гражданами СССР, осуществляла Генеральная прокуратура СССР.

Верховный Совет СССР наделялся всей полнотой государственной власти в стране. Исключительно ему принадлежало право издавать законы. До этого таким правом наделялся Всесоюзный съезд Советов, ЦИК СССР, его Президиум, СНК. Издаваемые Президиумом Верховного Совета в промежутках между сессиями указы относились к подзаконным актам. Они утверждались Верховным Советом на его ближайшей сессии.

Конституция СССР 1936 г. закрепила новую систему правовой охраны Основного закона СССР – одного из важнейших показателей конституционализма. Верховный Совет СССР стал единственным органом, который мог изменить Конституцию СССР. Такое решение принимается большинством

не менее $\frac{2}{3}$ голосов в каждой из его палат. Заметим, что в Конституции СССР 1936 г. давалось довольно общее, расплывчатое определение контроля за соблюдением Конституции. Эта функция находилась в ведении СССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления. На практике реально она сосредоточилась в руках Верховного Совета СССР – парламента страны и его постоянно действующего органа – Президиума Верховного Совета СССР. При этом отметим, что именно последний стал реально главным органом конституционного контроля. В результате именно в Основном законе СССР 1936 г. мы видим наиболее завершённый, полный вид конституционного закрепления принципа сосредоточения всей полноты власти, включая конституционный контроль, в руках парламента. Устанавливается парламентская система конституционного контроля, функционировавшая долгие годы. Конституционный надзор осуществляла главным образом Прокуратура СССР.

Далее на основе Конституции СССР, в полном соответствии с ней принимаются основные законы во всех союзных республиках. Такое соответствие относится в первую очередь к принципиальным, главенствующим вопросам общественного устройства: Советам депутатов трудящихся в качестве политической основы; закреплению руководящей роли коммунистической партии; федерации как формы государственного устройства; организации, функционированию органов государственной власти; статусу граждан. При этом учитывались и особенности каждой республики. Так, в конституциях республик Средней Азии подчеркивались следующие моменты: воссоединение разорванных в прошлом царизмом народов в единое государство; утверждение социалистической системы хозяйства, социалистической собственности в них не только в результате ликвидации капиталистической, но и также феодальной собственности; специфика быта женщин, особый акцент делался на том, что советский закон стоит на страже фактического раскрепощения женщин. В дальнейшем на основе, в соответствии с Конституцией СССР, конституциями союзных республик принимаются основные законы автономных республик.

Что касается практического конституционализма, то здесь в первую очередь обратить внимание на тот факт, что Конституция в данный период не имела статуса верховного юридического, политического акта советского общества, государства. «Программы, уставы, решения органов Коммунистической партии, а весьма часто и партийных лидеров – вот, что на практике было основным законом страны» [4, с. 131]. Принималось и большое количество актов, направленных, прежде всего, на реализацию конституционных норм. Они содержали и подходы, решения, часто носящие демократическую окраску. Но на практике все это куда-то «пропадало», не реализовывалось. Например, установленное, закреплённое верховенство пар-

ламенты, как важнейшей формы выражения власти народа было на практике нежизнеспособно.

Трагическая ситуация сложилась со статусом личности в советском обществе. Провозглашённые в Конституции, в текущем законодательстве демократические права и свободы на деле не обеспечивались, бесцеремонно нарушались. Человек был бесправным, зависимым, контролировался государством. Атмосфера беззакония – вот что стало показателем советского общества. Особенно это проявилось в годы культа личности Сталина, когда миллионы ни в чём неповинных были расстреляны, сидели в тюрьмах, лагерях.

Таким образом, практический конституционализм рассматриваемого нами периода следует рассматривать как фиктивный. Главнейший показатель этого здесь то, что записанные в Конституции, в иных актах права и свободы демократические по своей сущности на практике, в реальной жизни не реализовывались, а были своего рода ширмой, прикрытием фактического тоталитаризма, господства коммунистической партии.

В теоретическом плане отношение к конституционализму было двоякого рода. С одной стороны, сама его концепция рассматривалась как прогрессивная для буржуазного общества, государства. С другой, для СССР доктрина конституционализма отрицалась, считалась неприемлемой. Следует отметить, что в целом проблематике конституционализма, особенно разработке теории данного вопроса, понятийного аппарата, фактически не уделялось внимание, не выходило за рамки, которые были установлены партийным, государственным руководством. Можно здесь говорить о исследованиях, прежде всего, советской конституции – ее сущности, понятия, природы, правовой охраны. Особо здесь отметим работы Г.С. Гурвича, А.И. Денисова, А.И. Лепешкина, А. Малицкого, С.Н. Равина, П.И. Стучки, Б.В. Щетинина и др. С различной эффективностью велись исследования конкретных институтов советского конституционализма: организации деятельности Советов; советской федерации; избирательной системы; правового статуса личности и др. Здесь увидели свет труды таких ученых-государствоведов, как Г.В. Барабашева, Л.Д. Воеводина, Д.Л. Златопольского, А.И. Кима, М.Г. Кириченко, В.Ф. Котока, В.С. Основина и др.

Литература

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комисс. ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
2. Вопросы ленинизма / Сталин И.В. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1945. – 611 с.
3. Советское государственное право: Учебник для юридических институтов / Под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Юриздат, 1938. 652 с.
4. Шульженко Ю.Л. Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование. М.: Институт государства и права РАН, 2010. 152 с.

5. Политические учения XX-XXI вв. / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренов С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко С.Н. Москва, 2015

**Constitutionalism of the period of real socialism in the USSR
Shulzhenko Yu. L.**

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

The relevance of the chosen topic is due to the role that constitutionalism has, being one of the most important indicators of our society, its democratic federal state with a republican form of government based on the principle of separation of powers. The purpose of the article is to analyze the state of constitutionalism of the USSR during the period of real socialism (1936-1977). Identification here of solutions that could be effectively used with the appropriate amendments in modern state and legal practice. Both general scientific methods and private scientific and, above all, dogmatic, historical and legal, comparative legal methods were used. The author's position is expressed on the very concept of "constitutionalism", by highlighting its three main aspects: the presence of a constitution; practical; theoretical. The specifics of regulating questions of constitutionalism in the 1936 Basic Law of the USSR is shown - the entry of the USSR into a new stage of development; the preservation of the class essence of the dictatorship of the proletariat; consolidation of the leading role of the Communist Party (VKP (b)); constitutional regulation of the institution of the economic system; the expansion of the rights and freedoms of citizens; the abolition of restrictions in the political rights of citizens, etc. The practical constitutionalism of the period under review is characterized as fictitious - many provisions written in the USSR Constitution that are democratic in nature, relating primarily to the rights and freedoms of citizens, were not realized in life, were grossly violated. Theoretically, constitutionalism for the capitalist countries was interpreted as a progressive phenomenon, and for the USSR socialism - was denied, was considered unacceptable.

Keywords: Supreme Soviet of the Soviet Union, elections, dictatorship of the proletariat, communist party, constitution, constitutionalism, personality status, economic system

References:

1. Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratkiy kurs/Pod red. komiss. TsK VKP(b). M.: Gospolitizdat, 1983. 351 s.
2. Voprosy leninizma / Stalin I.V. 11-ye izd. M.: Gospolitizdat, 1945. 611 s.
3. Sovetskoye gosudarstvennoe pravo: Uchebnik dlya yuridicheskikh institutov / Pod obsch. red. A.Ya. Vyshinskogo. M.: Yurizdat, 1938. 652 s.
4. Shulzhenko Yu.L. Otechestvenny konstitutsionalizm. Istorico-yuridicheskoye issledovaniye. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2010. 152 s.
5. Political teachings of the XX-XXI centuries. / Egorov V.G., Abramov A.V., Alekseev R.A., Alyabyeva T.K., Berzina O.S., Vititnev S.F., Kozyakova N.S., Lavrenov S.Ya., Sinchuk Yu.V., Fedorchenko S.N. Moscow, 2015

К вопросу о полномочиях органов местного самоуправления по содержанию права муниципальной собственности

Шуман Алексей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В статье анализируются вопросы и проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления по содержанию права муниципальной собственности. Раскрывается значение категории муниципальной собственности, статус субъектов и объектов права муниципальной собственности.

Ключевые слова: муниципальная собственность, органы местного самоуправления, право муниципальной собственности, местное самоуправление.

Муниципальная собственность как правовой институт является особой формой собственностью и неким имущественным комплексом каждого муниципального образования, так как включает в себя земельные участки и имущество – движимое и недвижимое.

Известно, что официальные упоминания о муниципальной собственности в ее нынешнем понимании содержали законы «О собственности в РСФСР» (1990) и «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991), которые хотя и не давали подробной и развернутой характеристики, давали общую трактовку данной дефиниции, представляя муниципальную собственность, в частности, как достояние населения соответствующей административно-территориальной единицы (села, поселка, района или города) [1].

Данный институт представляет интерес не только для правоведов. В кругах ученых-экономистов зачастую встречается тезис о том, что муниципальная собственность является собой отношения между субъектами муниципальной социально-экономической системы по совместному присвоению ресурсов и результатов общественного производства в виде общественных благ для обеспечения непрерывного воспроизводства системы жизнеобеспечения на определенной территории [2].

При этом муниципальная собственность имеет определенное социально-экономическое назначение, так как выполняет важнейшие функции, в основе которых лежат, прежде всего, три критерия:

- обеспечение экономической деятельности самоуправляющейся территориальной единицы;
- удовлетворение потребностей населения муниципального образования;
- обеспечение воспроизводства местного хозяйства.

Обеспечение экономической деятельности включает в себя определенную совокупность организационно-правовых и финансово-экономических мероприятий, которые связаны с поддержанием доходов муниципального бюджета, обеспечением развития рыночной, социальной и инженерной инфраструктуры муниципального образования, стимулированием малого и среднего бизнеса, содействием развитию внешних контактов муниципалитетов.

Удовлетворение потребностей муниципального образования, его жителей связывается, прежде

всего, с насыщением местного рынка услугами в самых разных отраслях муниципального хозяйства.

Функция муниципальной собственности по воспроизводству потребностей местного хозяйства касается обеспечения условий по воспроизводству в первую очередь самого человека, а также окружающей его среды, среды жизнедеятельности населения самоуправляющихся территорий [2].

Гражданский кодекс Российской Федерации в ч.1 ст. 215 закрепляет следующее положение: имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью [3]. При анализе данного положения и иных норм российского законодательства, устанавливающих и регламентирующих право муниципальной собственности, становится очевидной необходимость более конкретного определения субъекта и объекта права муниципальной собственности.

Законодательство Российской Федерации определяет в качестве субъекта права муниципальной собственности все население муниципального образования и органы местного самоуправления. То есть от имени муниципального образования права собственности законодательно реализуют органы местного самоуправления, а не буквально его населения.

Конституцией РФ муниципальная собственность выделена в самостоятельную и обособленную форму собственности, а также отнесена к публичному типу собственности. Как закреплено в ст. 130 Конституции РФ, местное самоуправление должно обеспечить самостоятельно решение населением вопросов местного значения, и, кроме того, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью [4]. Однако в ней же указано, что именно население выражает свое волеизъявление и выбирает органы местного самоуправления.

В ст. 125 ГК и п. 2 ст. 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» закрепляется норма, согласно которой органы местного самоуправления, а в некоторых, регламентированных законом случаях и все население, осуществляют права собственника в отношении муниципального имущества [3,5].

Органы местного самоуправления являются юридическими лицами, что подтверждается Гражданским кодексом РФ. Следовательно, действуют они самостоятельно от своего имени. От него же происходит приобретение и осуществление прав и обязанностей [3]. Однако таких прав, что следует из Конституции и ГК РФ, нет у самого населения, несмотря даже на уже вышеупомянутое положение о том, что собственником и полноценным субъектом права по-прежнему считается все население муниципального образования.

Ряд субъектов Российской Федерации в настоящее время имеет законы о местном референдуме, способные помочь гражданам этих муниципальных образований непосредственно осуществ-

лять и контролировать процесс управления муниципальной собственностью.

Органы местного самоуправления и их должностные лица имеют определенные полномочия и компетенции, в рамках которых они:

- имеют право принимать решения о составе муниципальной собственности, порядке ее приобретения и отчуждения;
- обязаны вести реестры муниципальной собственности; хранить документы, подтверждающие право муниципальной собственности создавать, реорганизовывать и ликвидировать муниципальные унитарные предприятия и учреждения; осуществлять систематический контроль за эффективностью использования и сохранностью муниципальной собственности.

Именно порядок управления и распоряжения муниципальной собственностью входит в сферу исключительной компетенции органов местного самоуправления. В качестве примера отметим, что механизм приватизации муниципальной собственности должен определяться и реализовываться непосредственно населением или же самостоятельно представительным органом муниципального образования, а доходы от приватизации в полном объеме должны быть зачислены в местный бюджет.

Итак, как мы видим в ст.215 ГК РФ, законодательно установленное определение муниципальной собственности ориентировано именно на субъектный состав данного института.

Положения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» регламентируют состав муниципальной собственности, относя ее к объектам имущество для энерго- и водоснабжения населения; транспортную систему (дороги, мосты) и другие инженерные сооружения; жилищный фонд социального назначения и использования; пассажирский транспорт; имущество, необходимое для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций; пожарную технику и оборудование; муниципальные библиотеки; имущество, необходимое для организации досуга и культурных мероприятий; объекты культурного наследия; имущество, необходимое для развития массовой физической культуры и спорта, для благоустройства и озеленения муниципальной территории, сбора и вывоза бытовых отходов и мусора; земельные участки и имущество, предназначенные для организации ритуальных услуг и содержания мест захоронения; а также, земельные участки, отнесенные к муниципальной собственности, водные объекты и леса [5].

Проанализировав данный перечень, мы можем увидеть, что состав элементов муниципальной собственности достаточно широк, что создает все условия органам местного самоуправления для обретения настоящей и весьма сильной власти.

Кроме того, определен перечень объектов, которые подлежат передаче из государственной собственности в муниципальную [6]. К ним относятся:

- объекты государственной собственности, расположенные на территории городских и районных Советов: жилищный и нежилой фонд, находящийся в управлении местной администрации, а также жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные предприятия, обслуживающие вышеназванные объекты; объекты инженерной инфраструктуры и другие объекты, находящиеся в оперативном управлении местной администрации;

- объекты государственной собственности, находящиеся в ведении органов государственной власти субъектов Российской Федерации и расположенные на территории соответствующих городов: предприятия розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения; оптово-складские мощности; учреждения и объекты здравоохранения, народного образования, культуры и спорта;

- предприятия розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания, находившихся в ведении министерств, ведомств и государственных предприятий [6].

Конкретный перечень соответствующих объектов муниципальной собственности муниципального образования может зависеть от особенностей и специфики его социально-экономического развития, размера территории и иных ключевых факторов, оказывающих влияние на ее объектный состав и формирующими статусное содержание.

Очень часто состав объектом муниципальной собственности формируется в зависимости от ответственности определенными предметами ведения местного самоуправления [7, с. 133]. Например, в муниципальной собственности могут находиться учреждения здравоохранения и образования, что связано с выполнением функций по организации, содержанию и развитию данных муниципальных учреждений. Известно, что на местное самоуправление возложены обязанности по содержанию и эффективному использованию муниципального жилищного фонда и фонда нежилых помещений, а также муниципальному дорожному строительству, озеленению территории, и т.д. Данные примеры, безусловно, не означают, тем не менее, что абсолютно все функции местного самоуправления определяются теми или иными объектами муниципальной собственности.

В законах субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении находят закрепление правовые нормы о муниципальной собственности, определяют понятие, состав, порядок формирования и управления муниципальной собственностью. В большинстве субъектов перечень объектов муниципальной собственности соответствует тому, что указан в ст. 29 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5]. Однако в некоторых он дополняется иными объектами, например, унитарными предприятиями транспорта, торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Встречаются и специфические объекты муниципальной собственности, например, в Московской области это ценные

бумаги, в Республике Дагестан – объекты инженерной инфраструктуры, и т.д.

Конкретизация объектного состава происходит в уставах муниципальных образований.

Отметим, что в настоящее время практика формирования и реформирования органов местного самоуправления идет по пути перспективного разграничения правомочий собственности от правомочия по ее управлению и «распоряжению». Большинство муниципальных образований в своих уставах закрепляет право собственности именно за собой, а полномочия по управлению и распоряжению – за главами и администрацией.

Субъективное право муниципальной собственности носит публичный характер, что предопределяет неопределенность круга его субъектов. Муниципальное образование в гражданском обороте составляет некий «идеальный субъект», никогда не появляющийся перед своим контрагентом «лично».

Итак, реализация субъективного права муниципальной собственности возможна только теми способами, которые дают нам образ субъекта этого права, а критериями, позволяющими определить присутствие такого «образа» в правоотношениях гражданского оборота, выступают имя и интерес.

Безусловен факт, что осуществляя конкретные правомочия владения, пользования и распоряжения муниципальным имуществом, органы местного самоуправления действуют от имени и в интересах муниципального образования. Однако акцент следует сделать на том факте, что реализация данных правомочий не обязательно и не главным образом выражается в гражданско-правовых формах (например, различными сделками). Особое внимание уделяется специфическим формам надлежащего и эффективного управления и контроля, которые являют собой непосредственное осуществление права муниципальной собственности.

Осуществление хозяйственной деятельности является одним из главных направлений развития муниципального образования. Известно, что на базе муниципальной собственности формируется муниципальное хозяйство, границы которого значительно уже, чем у местного. Муниципальное хозяйство представляет собой совокупность предприятий и учреждений, осуществляющих на территории муниципального образования хозяйственную деятельность, которые являются объектом муниципальной собственности либо в формировании уставного капитала которых участвует орган местного самоуправления [2]. Хозяйственная деятельность направлена на удовлетворение общественных потребностей муниципального образования путем производства общественных благ. Однако ее не должны осуществлять органы государственной или муниципальной власти, так как деятельность, ориентированная на оказание услуг и извлечение прибыли не могут и не должны совмещаться, ведь это может создавать реальные

условия для властных злоупотреблений и произвола.

Для эффективного решения многих задач, которые стоят перед муниципальным хозяйством как системным объектом собственности (например, повышение уровня жизни населения), важно знать не только состав муниципальной собственности, но и ее структуру по всем видам и типам, сферам деятельности и отраслям, динамику этой структуры, выявлять и прогнозировать тенденции в ее изменении.

Подводя итог, следует сформулировать два ключевых вывода, в полной мере отражающих суть рассматриваемой проблематики:

- во-первых, органы государственной власти и органы местного самоуправления не должны получать какой-либо доход или извлекать определенную выгоду в рамках осуществления своих властных полномочий;

- во-вторых, данные органы власти в силу своего статуса и полномочий должны быть лишены права осуществления какой-либо деятельности, направленной на извлечение дохода или иной выгоды.

Следует акцентировать внимание на том, что к непосредственным способам осуществления права муниципальной собственности относятся и формы прямой демократии, которые имеют четкое законодательное закрепление и перспективу своего развития и расширения именно на местном уровне. В случаях, предусмотренных законодательством и уставами муниципальных образований, правомочия собственника осуществляется населением непосредственно.

Подводя итог изложенному в данной статье материалу, стоит отметить, что муниципальная собственность, как институт, является одной из основ местного самоуправления. Несмотря на то, что в знакомом нам в настоящее время виде он получил свое закрепление не столь давно, он широко изучен правоведами и экономистами, которые отмечают, что особенностью муниципальной собственности, в отличие от государственной, является специфичность объекта отношений собственности (то есть факторов производства, направленных на удовлетворение потребностей населения) и в особенностях субъектного состава и взаимоотношения между субъектами муниципальной собственности. Муниципальная собственность является базисом для независимой и самостоятельной деятельности местного самоуправления, а также помогает в обеспечении управляемости хозяйством того или иного муниципального образования как единого целого. Можно также отметить, что муниципальная собственность представляет собой основную инструмент социальной защиты и поддержки населения муниципального образования.

Литература

1. Выдрин И.В. Становление и развитие института муниципальной собственности в Российской Федерации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. №5

(105). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17940284> (дата обращения 20.12.2018).

2. Багаутдинова Р.Г. Муниципальная собственность как институт территориально-локализованной социально-экономической системы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №2(58). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9939210> (дата обращения 20.12.2018).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 30.10.2018) // Российская газета, № 202, 08.10.2003. п. 1 ст. 29.

6. Приложение № 3 к Постановлению от 27 декабря 1991 года № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной, области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» (ред. от 24.12.1993) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 3. Ст. 89.

7. Широков А. Н. Муниципальное управление: учебник / А.Н. Широков, С.Н. Юркова. — М., 2017. - С. 133.

On the issue of the powers of local governments on the content of municipal property rights

Shuman A.V.

Ryazan State University named for S.A. Yesenin

The article analyzes the issues and problems of the implementation of the powers of local governments on the content of municipal property rights. It reveals the importance of the category of municipal property, the status of subjects and objects of the right of municipal property.

Keywords: municipal property, local governments, municipal property law, local government.

References

1. Vydrin I.V. Formation and development of the institute of municipal property in the Russian Federation // Scientific Notes of the University of Tambov. Series: Humanities. 2012. №5 (105). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17940284> (appeal date 12/20/2018).
2. Bagautdinova R.G. Municipal property as an institution of a geographically-localized socio-economic system // Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities. 2008. № 2 (58). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9939210> (appeal date 12/20/2018).
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/03/2018) // Rossiyskaya Gazeta, No. 238-239, 08.12.1994.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2 -FKZ, from

- 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Meeting of the legislation of the Russian Federation, 04.08.2014, No. 31, Art. 4398.
5. Federal Law of the Russian Federation of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended on 30.10.2018) // Rossiyskaya gazeta, № 202, 08.10.2003. Clause 1, Article. 29.
 6. Appendix No. 3 to Resolution of December 27, 1991 No. 3020-I "On the delimitation of state property in the Russian Federation to federal property, state property of the republics within the Russian Federation, territories, regions, autonomous region, autonomous districts, cities of Moscow and St. Petersburg and municipal property "(ed. From 12/24/1993) // Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Sonnet of the RSFSR. 1992. № 3. Art. 89.
 7. Shirokov A. N. Municipal government: textbook / A.N. Shirokov, S.N. Yurkova. - M., 2017. - p. 133.

Правовая сущность эколого-ориентированных предприятий с учетом развития тенденций социального предпринимательства в России

Ключникова Ярославна Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), YAKlyuchnikova@fa.ru

Венгеровский Евгений Леонидович,

преподаватель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), ELVengerovskij@fa.ru

В статье проанализированы проблемы правового регулирования деятельности эколого-ориентированных предприятий, связанные с отсутствием нормативного закрепления деятельности такого рода юридических лиц. Кроме этого, в статье разработаны критерии, которые необходимо применять при отнесении предприятий к эколого-ориентированным, а также дано понятие предприятия, осуществляющего деятельность экологической направленности.

Ключевые слова: экологическое предпринимательство, предприятия, субъекты экологического предпринимательства, охрана окружающей среды, стимулирование природоохранной деятельности.

В российском законодательстве отсутствует определение эколого-ориентированного предприятия. В ст. 4 Модельного закона об основах экологического предпринимательства (далее – Модельный закон)² фигурирует понятие «субъекты экологического предпринимательства», к которым отнесены «юридические лица и предприниматели без образования юридического лица любой организационно-правовой формы, у которых производство продукции природоохранного назначения определено в качестве основного направления деятельности в уставных документах и доля этой продукции составляет не менее 75 процентов общего годового объема продукции в стоимостном выражении, которые также специализируются (имеют основной вид деятельности по уставным документам) на выполнении работ и услуг природоохранного назначения». Эти определения принимаются в качестве отправной точки большинства российских исследователей экологического предпринимательства. При этом в преамбуле Модельного закона экологическое предпринимательство определено в качестве производственной, научно-исследовательской, кредитно-финансовой деятельности по производству товаров, выполнению работ и оказанию услуг, имеющей целевым назначением обеспечение сохранения и восстановления окружающей среды и охрану природных ресурсов.

Однако мы полагаем, что понятие «эколого-ориентированное предприятие» более широкое по содержанию, нежели понятие «субъекты экологического предпринимательства».

Для того, чтобы понять сущность эколого-ориентированного предприятия и сформулировать его дефиницию, необходимо исследовать взгляды на данное явление, существующие в науке. Ученые и практики высказывают различные точки зрения относительно того, какие предприятия следует относить к эколого-ориентированным. В.И. Бобошко, А.А. Гусева, И.М. Потравный выделяют следующие критерии отнесения предприятий к экологически ориентированным³:

² Модельный закон об основах экологического предпринимательства: Принят в г. Санкт-Петербурге 13.06.2000 г. Постановлением 15-6 на 15-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Портал: Законы России. URL https://lawrussia.ru/texts/legal_744/doc744a417x494.htm.

³ См.: Бобошко В.И., Гусев А.А., Потравный И.М. Особенности экологически ориентированного малого предпринимательства в России // Экономика природопользования. 2006. № 5. С.31-40.

- в уставе предприятия в качестве основных целей деятельности должно быть указано производство продукции природоохранного назначения и осуществление природоохранных мероприятий;

- предприятия должны участвовать в реализации государственных и муниципальных заказов, которые закреплены в экологических и природно-ресурсных программах на федеральном и региональном уровнях;

- предприятие должно создавать товары и оказывать услуги, имеющие природоохранное и ресурсовосстановительное назначение;

- в общем объеме производства предприятия должно иметь место увеличение доли продукции, работ и услуг, имеющих природоохранное назначение.

По мнению Э.Р. Черняховского экологическим является предпринимательство, которое осуществляет свою деятельность в сфере охраны окружающей среды⁴. Как отмечает А.Р. Нуртдинов, для экологически ориентированных предприятий характерно то, что они в своей деятельности используют ресурсосберегающие и малоотходные технологии, современные экологически безопасные формы производства, в которых превалирует интенсивный характер развития, с применением новейших научных разработок. Эколого-ориентированные предприятия трансформируют трудовой фактор в человеческий капитал, который обладает высокой эколого-экономической культурой и владеет новейшими экологическими и технико-экономическими знаниями и навыками⁵. Я.Я. Яндыганов полагает, что экологическое предпринимательство – это любая активная предпринимательская деятельность, имеющая конечной целью извлечение прибыли только с помощью использования и воспроизводства природных ресурсов, а также их охраны, с учетом выполнения законодательства Российской Федерации, регулирующего предпринимательскую деятельность⁶. Е.В. Чечунова относит к экологическому предпринимательству все виды предпринимательской деятельности, нацеленные на выпуск продукции, выполнение работ и оказание услуг, которые обеспечивают соблюдение природоохранных требований, установленных действующим законодательством⁷. По мнению Е.В. Варенниковой, экологически ориентированное предпринимательство – это инициативная хозяйственная деятельность, осуществляемая с учётом экологических требований и ограничений, имеющая целью избежать и снизить

негативное воздействие на окружающую среду, а также улучшить экологические показатели для получения максимальной прибыли⁸.

При определении круга предприятий, которые можно отнести к экологоориентированным, необходимо учитывать как производственную деятельность предприятия, так и соблюдение им законодательства об охране окружающей среды. Понятие эколого-ориентированного предприятия следует понимать более широко, поскольку интенсивное развитие экологических инноваций создает малоотходные и ресурсосберегающие технологии, природоохранную технику, экологически чистую продукцию, а также формируют у граждан поведение, нацеленное на бережное отношение к природе, окружающей среде. В настоящее время экологоориентированная деятельность предприятия в большинстве случаев рассматривается в большей степени в рамках осуществления производственного процесса, использования природоохранной техники, создания экологически чистой продукции. Но стоит учитывать, что реализация главных экологических целей, в частности, уменьшение потребления любых ресурсов, приведет к уменьшению потребления природных ресурсов и снижению загрязнения окружающей среды. Такие цели могут быть достигнуты тогда, когда на их реализацию будут направлены все виды деятельности предприятия. Эколого-ориентированной направленностью должны быть пронизаны все виды деятельности предприятия: производственная, управленческая, организационная, плановая, маркетинговая, логистическая деятельность, а также иные виды деятельности.

Исходя из сказанного, под экологоориентированным предприятием можно понимать такое предприятие, деятельность которого направлена на максимальное достижение определенных экологических целей в рамках всех видов деятельности этого предприятия. Критерием причисления предприятия к экологоориентированному должно выступать достижение конкретных экологических целей в рамках осуществления предприятием всех видов его деятельности – производственной, организационной, управленческой, в плановой, логистической, маркетинговой и других видов деятельности.

Литература

1. Модельный закон об основах экологического предпринимательства: Принят в г. Санкт-Петербурге 13.06.2000 г. Постановлением 15-6 на 15-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Портал: Законы России. URL https://lawrussia.ru/texts/legal_744/doc744a417x494.htm.

⁸ См.: Варенникова, Е.В. Экологически ориентированное и экологическое предпринимательство как экономические категории // Управление экономическими системами: электронный журнал. 2011. № 4. URL: <http://uecs.mcnp.ru>.

⁴ См.: Черняховский Э.Р. Перспективы развития экологического предпринимательства // Экономика природопользования. 2006. № 4. С. 88-93.

⁵ См.: Нуртдинов А.Р. Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казан. технол. ун-та. 2010. № 6. С. 190.

⁶ См.: Яндыганов, Я.Я. Экологическое предпринимательство в регионе (проблемы, перспективы, эффективность). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1998.

⁷ См.: Чечунова, Е.В. Эффективность экологического предпринимательства в условиях реализации экологических программ (на примере г. Н. Тагил): Автореф... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2000.

2. Бобошко В.И., Гусев А.А., Потравный И.М. Особенности экологически ориентированного малого предпринимательства в России // Экономика природопользования. 2006. № 5. С.31-40.

3. Черняховский Э.Р. Перспективы развития экологического предпринимательства // Экономика природопользования. 2006. № 4. С. 88-93.

4. Нуртдинов А.Р. Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казан. технол. ун-та. 2010. № 6. С. 190.

5. Яндыганов, Я.Я. Экологическое предпринимательство в регионе (проблемы, перспективы, эффективность). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1998.

6. Чечунова, Е.В. Эффективность экологического предпринимательства в условиях реализации экологических программ (на примере г. Н. Тагил): Автореф...канд. экон. наук. Екатеринбург, 2000.

7. Варенникова, Е.В. Экологически ориентированное и экологическое предпринимательство как экономические категории // Управление экономическими системами: электронный журнал. 2011. № 4. URL: <http://uecs.mcnp.ru>.

Legal essence of eco-oriented enterprises taking into account the development of social entrepreneurship trends in Russia

Klyuchnikova Ya.A., Vengerovsky E.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the problems of legal regulation of the activities of eco-oriented enterprises associated with the lack of regulatory consolidation of the activities of such legal entities. In addition, the article developed criteria that must be applied in the classification of enterprises as eco-oriented, as well as the concept of the enterprise engaged in environmental activities.

Keywords: ecological entrepreneurship, enterprises, subjects of ecological entrepreneurship, environmental protection, promotion of environmental activities.

References

1. Model Law on the Basics of Ecological Entrepreneurship: Adopted in St. Petersburg on June 13, 2000 by Resolution 15-6 at the 15th plenary meeting of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States // Portal: Laws of Russia. URL https://lawrussia.ru/texts/legal_744/doc744a417x494.htm.
2. Boboshko V.I., Gusev A.A., Potravny I.M. Features of environmentally oriented small business in Russia // Economics of environmental management. 2006. No. 5. P.31-40.
3. Chernyakhovsky E.R. Prospects for the development of environmental entrepreneurship // Environmental Economics. 2006. No. 4. S. 88-93.
4. Nurtdinov A.R. Institutional environment as a condition for sustainable economic development // Bulletin Kazan. tehnol. un-that. 2010. No. 6. P. 190.
5. Yandyganov, Y.Ya. Ecological entrepreneurship in the region (problems, prospects, efficiency). Ekaterinburg: Publishing House Ural. state econ University, 1998.
6. Chechunova, E.V. The effectiveness of environmental entrepreneurship in the implementation of environmental programs (for example, N. Tagil): Abstract ... Cand. econ sciences. Ekaterinburg, 2000.
7. Varennikova, E.V. Ecologically oriented and ecological entrepreneurship as an economic category // Economic Systems Management: electronic journal. 2011. № 4. URL: <http://uecs.mcnp.ru>.

Различия правового регулирования ответственности перевозчика согласно СМГС и ЦИМ: сравнительно-правовой анализ

Колодяжный Константин Николаевич

аспирант Юридического института, Российского университета транспорта (МИИТ), 7201675@mail.ru

В статье рассматриваются различия положений об ответственности железнодорожного перевозчика на основании анализа международных соглашений СМГС и ЦИМ. На основе проведенного исследования автор делает вывод о том, что положения ЦИМ предоставляет свободу сторонам договора перевозки при осуществлении своих прав и обязанностей и ставит своим приоритетом защиту интересов грузоотправителя и грузополучателя, в то время как положения СМГС являются строго регламентированными и защищают в первую очередь интересы перевозчика.

Ключевые слова: СМГС; ЦИМ; международная железнодорожная перевозка; ответственность перевозчика.

С каждым годом повышается рост железнодорожных транзитных перевозок из Азии в Европу. Перевозки грузов железнодорожным транспортом на данном направлении охватывает территорию нескольких государств, которые имеют собственные правовые нормы, имеющие определенные сходства и различия. Так, Россия является участником СМГС, а страны восточной, центральной и западной Европы – ЦИМ- КОТИФ (в 2009 г. К КОТИФ присоединилась Россия с некоторыми существенными оговорками).

Существование двух самостоятельных правовых актов, регулирующих аналогичную сферу правоотношений, приводит к определенным трудностям, поскольку они строятся на разных правовых принципах и ими обеспечиваются противоположные интересы.

Наиболее интересным для исследования является вопрос различий правовых норм ЦИМ и СМГС в части ответственности перевозчика, поскольку по сравнению с остальными участниками перевозки он является ключевой фигурой среди участников перевозочного процесса. В виду того, что данные правовые акты имеют схожий предмет, различия правового регулирования ответственности перевозчика считаю удобным для понимания рассмотреть по следующим группам:

1. Период ответственности перевозчика.

Определение периода ответственности перевозчика имеет важное значение, поскольку оно связано с возникновением прав и обязанностей сторон, в том числе моментом наступления ответственности перевозчика за сохранность груза.

Так как международные соглашения ЦИМ и СМГС регулируют только договорные обязательства, период ответственности перевозчика определяется нормами заключенного между участниками перевозочного процесса договора железнодорожной перевозки.

Нормы соглашений ЦИМ и СМГС содержат две альтернативные процедуры оформления перевозок: одна - с переоформлением накладных, другая - с оформлением одной накладной на весь путь следования. В случае переоформления накладной период ответственности железных дорог начинается с момента оформления накладной и заканчивается оформлением накладной другого соглашения на соответствующей пограничной станции. Если перевозка груза оформлена накладной

ЦИМ/СМГС, то период ответственности железных дорог действует в течение всего периода перевозки по территории стран - участниц СМГС и ЦИМ - КОТИФ.

Данные соглашения содержат похожее определение договора железнодорожной перевозки, в соответствии с которым перевозчик обязуется за вознаграждение перевести вверенный ему отправителем груз до станции назначения по согласованному отправителем и перевозчиком маршруту⁹.

По общему правилу договор железнодорожной перевозки считается заключенным с момента принятия железной дорогой груза вместе с надлежаще оформленной накладной. Такой подход к определению момента заключения договора поддерживают положения СМГС: они с полной точностью указывают на реальность данного договора, поскольку права и обязанности сторон перевозки возникают в момент принятия железной дорогой груза вместе с накладной, которая одновременно является товарораспорядительным документом. СМГС устанавливает довольно четкие требования к содержанию накладной и к его форме, а также регламентирует языки, на которых может осуществляться ее заполнение.

ЦИМ содержит схожий подход к определению момента заключения договора железнодорожной перевозки, фактом подтверждения которой также выступает железнодорожная накладная, вместе с тем он имеет следующие особенности:

а. ЦИМ непосредственно не предусматривает ни обязательной формы накладной, ни языков ее заполнения, но регламентирует только необходимые для этого требования. Более того, стороны перевозки могут вносить в накладную любое другое указание, которое сочтут необходимым;

б. ЦИМ предоставляет право международным ассоциациям перевозчиков устанавливать с согласия международных ассоциаций клиентуры образцы накладных¹⁰;

в. отсутствие, неправильность или утеря накладной не влияет на существование и действительность договора перевозки;

г. согласно § 5 статьи 6 ЦИМ накладная не должна выполнять функцию коносамента. Это означает, что накладная ЦИМ является не товарораспорядительным, а товаросопроводительным документом;

д. пункт «в» § 1 статьи 7 указывает, что в железнодорожной накладной, помимо всего прочего, должны содержаться сведения о наименовании и адресе перевозчика, заключившего договор перевозки.

Приведенные выше отличия дают основания полагать, что договор железнодорожной перевозки согласно нормам ЦИМ, в зависимости от воли сторон, может быть заключен до момента оформления железнодорожной накладной, и для его заключения достаточно лишь соглашения сторон, что позволяет сделать предположение о консен-

суальном характере договора, в то время как нормы СМГС дают четкие основания для признания его реальным договором.

2. Пределы ответственности перевозчика.

Основополагающее отличие выражается в различных подходах к определению пределов ответственности перевозчика. Согласно нормам СМГС предел ответственности перевозчика не может превышать размер возмещения, подлежащего уплате перевозчиком при утрате груза, а в случае указания объявленной ценности - в пределах объявленной ценности.

ЦИМ также устанавливает максимальный размер ответственности в пределах стоимости утраченного груза, который определяется в размере семнадцати расчетных единиц за каждый недостающий килограмм массы брутто, а при просрочке в доставке - в пределах пятикратной провозной стоимости. Однако максимальный размер ответственности перевозчика может быть расширен в зависимости от формы вины перевозчика: перевозчик теряет право на ограничение ответственности, если будет доказано, что полная или частичная утрата произошла вследствие какого-либо действия или упущения со стороны перевозчика, совершенного либо с намерением нанесения ущерба, либо в результате опрометчивых действий, предполагающих возможность потерь.

Данный момент определяет различные основополагающие принципы, которым отвечают данные нормативно-правовые акты: СМГС явно больше защищает интересы перевозчика, тогда как ЦИМ больше отвечает интересам отправителя и получателя.

3. Основания ответственности перевозчика.

Основания ответственности перевозчика представляют собой такие юридические факты, при наступлении которых перевозчик при наличии его вины несет ответственность за неисполнение принятых на себя обязательств по договору. Статьи 23 ЦИМ и 37 СМГС содержат в себе общие основания ответственности перевозчика за действия, которые произошли по его вине: перевозчик несет ответственность за ущерб, вызванный повреждением, порчей, полной или частичной утратой груза, а также нарушением срока доставки груза. Несмотря на существование общих оснований возникновения ответственности, имеются следующие различия:

2.1. Способ определения размера возмещения ущерба при утрате груза.

СМГС определяет размер возмещения исходя из стоимости груза, которая устанавливается национальным правом страны перевозчика. Например, если ущерб возмещается российским перевозчиком, то стоимость груза будет определяться исходя из суммы, указанной в счете продавца или цены договора, а при отсутствии счета продавца или цены в договоре - исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары.

Согласно нормам ЦИМ перевозчик обязуется оплатить возмещение рыночной стоимости груза,

⁹ § 1 ст. 14 СМГС и § 1 ст. 6 ЦИМ

¹⁰ § 8 ст. 6 ЦИМ

которая рассчитывается на основе биржевого курса, или текущей рыночной цены, а в случае отсутствия таковых - на основании потребительской стоимости грузов подобного рода и свойства, действовавшей в день и в месте приема груза к перевозке. Однако возмещение не должно превышать семнадцати расчетных единиц за каждый недостающий килограмм массы брутто.

Оба соглашения устанавливают право уполномоченного лица на «предположение об утрате груза», если он не был выдан перевозчиком в течение 30 дней со дня истечения срока доставки. Между тем, они имеют отличие, выражающееся в возможности выбора правомочным лицом варианта поведения в случае прибытия «утраченного» груза.

Если в соответствии с СМГС считаеый утраченным груз прибыл на станцию назначения в течение 6 месяцев после возмещения перевозчиком ущерба, перевозчик ставит в известность получателя груза, а получатель обязан принять данный груз, возвратив перевозчику выплаченное им ранее возмещение.

Согласно нормам ЦИМ правомочное лицо при получении возмещения за утрату груза вправе потребовать немедленное извещение в случае, если утерянный груз будет обнаружен в течение года со времени выплаты возмещения. В случае отсутствия такого требования перевозчик вправе самостоятельно распоряжаться этим грузом.

В обоих случаях возврата груза правомочная сторона сохраняет право на выплату возмещения за просрочку доставки груза, повреждения и убыли груза.

2.2. Способ определения неустойки за просрочку доставки.

Анализируя нормы соглашений по вопросу просрочки доставки, можно заметить, что расчет неустойки определяется исходя из провозной платы, однако способ ее расчета производится по-разному.

Согласно СМГС неустойка за просрочку доставки груза рассчитывается исходя из процентного соотношения превышения срока доставки в сутках к общему сроку:

- 6% стоимости перевозки при превышении срока доставки на 10% от общего срока;
- 18% стоимости перевозки при превышении срока доставки на от 10% до 30% общего срока;
- 30 % стоимости перевозки при превышении срока доставки более 30% общего срока.

ЦИМ определяет ответственность за просрочку доставки в виде исключительной неустойки, ограниченной четырехкратным размером стоимости перевозки. В случае частичной утраты груза, доставленного с превышением срока доставки, неустойка не может превышать четырехкратной стоимости перевозки недоставленного груза. При этом неустойка за превышение сроков доставки в совокупности с возмещением за полную или частичную утрату, а также за повреждение груза не должно превышать сумму компенсации, которая подлежала бы уплате в случае полной утраты гру-

за. Кроме того, стороны вправе предусмотреть в договоре перевозки иной порядок и размеры компенсации ущерба за превышение срока доставки груза.

Таким образом, максимальный размер неустойки согласно СМГС ограничивается 30% от стоимости груза, а ЦИМ устанавливает неустойку в пределах стоимости груза.

2.3. Отсутствие в накладной необходимого указания о действии норм ЦИМ.

Согласно § 3 ст. 7 ЦИМ стороны перевозки вправе вносить в накладную любое указание, которое они сочтут необходимым. При этом в соответствии с п. «р» § 1 ст. 7 накладная должна содержать указание о том, что, несмотря на любое противоположное положение, перевозка попадает под действие норм ЦИМ. В случае отсутствия такого указания перевозчик несет ответственность за убытки, понесенные заинтересованным лицом. СМГС не содержит подобную норму.

2.4. Утрата или неправильное использование приложений к накладной.

На основании § 3 ст. 15 ЦИМ перевозчик несет ответственность за утрату или неправильное использование документов, приложенных к накладной, до тех пор, пока не докажет, что это произошло в следствие обстоятельств непреодолимой силы. При этом убытки не должны превышать стоимость возмещения, предусмотренного в случае утраты груза.

2.5. Неисполнение или ненадлежащее исполнение перевозчиком распоряжений отправителя.

Статья 18 ЦИМ, как и ст. 25 СМГС предоставляет право отправителю изменить договор перевозки путем соответствующего распоряжения: остановить или отсрочить договор перевозки, изменить грузополучателя или место назначения. В случае невозможности исполнения распоряжения отправителя перевозчик обязан незамедлительно сообщить ему об этом. Однако, только согласно положениям ЦИМ перевозчик несет ответственность его виновные последствия, возникшие в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением распоряжений.

2.6. Внесение в накладную изменения без запроса дубликата накладной, в случае если дубликат накладной был передан получателю.

Перевозчик, который внес в накладную изменения без запроса дубликата накладной, несет перед получателем ответственность, если дубликат накладной был передан получателю (размер ответственности должен быть не больше ущерба за утрату груза).

2.7. Утрата груза, перевозимого на своих осях.

В отличие от СМГС, ЦИМ выделяет понятие утраты груза, перевозимого на своих осях: железнодорожного подвижного состава, который перемещается самостоятельно по рельсам с помощью локомотивной тяги, и устанавливает ответственность за его повреждение и утрату.

4. Основания освобождения от ответственности перевозчика.

Основания освобождения перевозчика от от-

ответственности возникают вследствие непредвидимых и непреодолимых событий, ставших причинами невозможности исполнения. Международные соглашения СМГС, ЦИМ указывают на случаи освобождения перевозчика от ответственности, если он докажет, что утрата, повреждение груза и другие случаи наступления ответственности вызваны:

1. обстоятельствами, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело;

2. особыми свойствами груза, обусловившими его поломку, внутреннюю порчу, естественные свойства груза, вследствие которых они подвержены порче и т.д.;

3. виной грузоотправителя или грузополучателя: отсутствия надлежащей тары и упаковки, неправильное (неточное, неполное) наименование груза или несоблюдение условий перевозки; несоблюдение административных формальностей и т.д.

СМГС содержит более широкий (чем ЦИМ) перечень условий, при наступлении которых перевозчик освобождается от ответственности:

1. недостача веса при полном количестве мест и исправной таре, недостачу съемных и запасных частей, находящихся в запломбированных транспортных средствах, выданных за исправными пломбами. в следствие мер по спасению жизни или разумных мер по спасению имущества.

2. в случае возникновения пожара, если перевозчик докажет, что он возник по вине привлекаемых им третьих лиц;

3. мер по спасению жизни или разумных мер по спасению имущества.

При этом перевозчик вправе ссылаться на последние два обстоятельства если они произошли на водном участке пути в период от начала погрузки на водный транспорт до начала выгрузки с водного транспорта;

4. СМГС предусматривает расширение перечня условий освобождения перевозчика от ответственности по соглашению сторон.

Среди отличных от СМГС условий об освобождении перевозчика от ответственности ЦИМ содержит условие о причинении груза вреда вследствие ядерного воздействия, а также перевозку живых животных.

5. Замещающий перевозчик.

ЦИМ содержит неизвестное СМГС понятие замещающего перевозчика, которого привлекает договорный перевозчик в целях фактического исполнения договора перевозки полностью или частично. В отличие от последующего перевозчика замещающий перевозчик не является стороной договора перевозки, и договорный перевозчик несет ответственность перед грузоотправителем и грузополучателем в полном объеме. На замещающего перевозчика распространяются действия норм ЦИМ в том объеме, в котором они распространяются на договорного перевозчика. Договорный и последующий перевозчики также несут солидарную ответственность.

Таким образом, при сравнении положений

СМГС и ЦИМ в части обязательств перевозчика можно сделать вывод, что положения СМГС в большей степени соответствуют интересам перевозчика и предусматривают более широкие права для того, чтобы исключить излишнюю возможность несения перевозчиком финансовых потерь, а также уменьшить случаи нарушений со стороны других участников перевозки. ЦИМ больше исходит из принципа равенства сторон перевозки, и обеспечивает интересы как грузоотправителя и получателя, так и перевозчика.

Рассматривая положения ЦИМ, среди которых есть нормы о возможности сторон перевозки самостоятельно определять момент заключения договора перевозки, об изменении пределов ответственности перевозчика и пр., можно сделать вывод, что ЦИМ предоставляет довольно много свободы сторонам договора перевозки при осуществлении своих прав и обязанностей. В отличие от ЦИМ, положения СМГС являются строго регламентированными.

Выявить определенные преимущества и недостатки конкретных положений исследуемых соглашений по вопросам ответственности перевозчика затруднительно, поскольку они должны: во-первых, защищать интересы отправителей от возможных несправедливых финансовых потерь, во-вторых, отвечать интересам перевозчика как ключевого участника перевозочного процесса и устанавливать реалистичные пределы его ответственности, отвечающие существующим средним стандартам современного общества, в-третьих, содержать строгоую регламентацию прав и обязанностей всех участников перевозки, что позволит улучшить и упростить функционирование перевозки. В любом случае различия международных соглашений ЦИМ и СМГС следует учесть в работе по гармонизации общих правил.

Литература

1. Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) от 01.11.1951 г. (с изм. и доп. на 01.07.2017);

2. Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 9 мая 1980 г. согласно тексту изменяющего Протокола от 3 июня 1999 г.;

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ;

4. Добровинская А.В. Убытки в гражданском праве // Юрист. 2015. N 12. С. 4 – 11;

5. Гуцин В.В., Добровинская А.В. Особенности ответственности перевозчика по договору перевозки груза и пассажира в нормах международных транспортных конвенций // Гражданское право. 2017. N 6. С. 11 - 14.;

6. Витрянский В.В. Понятие и виды договора перевозки. Система договоров перевозки // Хозяйство и право. 2001. N 1. С. 61;

7. Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М. Правовое регулирование международных железнодорожных перевозок // Международное право и международные организации. 2012. N 3. С. 28 – 55;

8. Дождев Д.В. Объективные критерии осво-

бождения от ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2017. N 2. С. 14 - 17;

9. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора юр. наук Саратов. 1998. С. 10.

10. Садиков О.Н. Правовое регулирование международных перевозок. М, 1981. С. 79;

11. Холопов К.В. СМГС: новые правила международных железнодорожных перевозок грузов. Что обязательно надо знать об этом экспортеру // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. N 5. С. 71 – 81;

12. Холопов К.В. Международное частное транспортное право. Анализ норм международного и российского транспортного права: учебное пособие. М.: Статут, 2010. 702 с.;

13. Гречуха В.Н. Транспортное право: Правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта: монография. М.: Юстиция, 2016. 244 с.

Differences of Responsibility of the carrier according to SMGS and CIM: comparative legal analysis

Kolodyazhnyi K.N.

Russian University of Transport

The article examines the differences of the legal regulation of the liability of a railway carrier on the basis of an analysis of international SMGS and CIM agreements. Based on the research, the author concludes that the CIM provisions provides freedom to the parties of the contract of carriage in the exercise of their rights and obligations and prioritize the protection of the interests of the shipper and consignee, while the provisions of the SMGS are strictly regulated and primarily protect the interests of the carrier.

Keywords: SMGS; CIM; international railway transport; liability of a railway carrier.

References

1. The Agreement on International Rail Freight Traffic (SMGS) of 11/01/1951 (as amended and as of 01/07/2017);
2. Convention on International Carriage by Rail (COTIF) of May 9, 1980, in accordance with the text of the amended Protocol of June 3, 1999;
3. Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 N 14-FZ;
4. Dobrovinskaya A.V. Losses in civil law // Lawyer. 2015. N 12. P. 4 - 11;
5. Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. Features of the carrier's liability under a cargo carriage contract and a passenger in the norms of international transport conventions // Civil Law. 2017. N 6. P. 11 - 14 .;
6. Vitryansky V.V. The concept and types of contract of carriage. The system of contracts of transportation // Economy and law. 2001. N 1. S. 61;
7. Erpyleva N.Yu., Maksimov D.M. Legal regulation of international rail transport // International law and international organizations. 2012. N 3. S. 28 - 55;
8. Dozhdev D.V. Objective criteria for exemption from liability in civil law // Civil Law. 2017. N 2. P. 14 - 17;
9. Khokhlov V.A. Civil liability for breach of contract. Abstract of the dissertation on the competition uch. Degree Doctor Sciences Saratov. 1998. p. 10.
10. Sadikov ON Legal regulation of international transport. M, 1981. p. 79;
11. Kholopov K.V. SMGS: new rules for international rail freight. What you need to know about this exporter // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. N 5. P. 71 - 81;
12. Kholopov K.V. International Private Transportation Law. Analysis of the norms of international and Russian transport law: a textbook. M.: Statute, 2010. 702 p. ;
13. Grechukha V.N. Transport Law: Legal Regulation of Railway Transport: a Monograph. M.: Justice, 2016. 244 p.

Строительный подряд: риски и страхование.

Секина Ольга Ивановна,

соискатель кафедры Высшей школы правоведения факультета ИГСУ при РАНХиГС, адвокат Московской коллегии адвокатов «ПРЕЗИДИУМ», sekinao@mail.ru

В статье рассматриваются возможные риски сторон договора строительного подряда: заказчика и подрядчика и необходимость в страховании. Серьезный процесс строительства любого объекта объясняет высокий уровень риска, в основном, для заказчика, но и подрядчик не лишен риска, который сводится к возможности случайной гибели объекта строительства до сдачи его заказчику, а равно до получения оплаты за выполненный объем работ за свой счет. Применимо к договору строительного подряда, реальным способом минимизации рисков является привлечение страховой компании.

Ключевые слова: строительный подряд, подрядчик, заказчик, договор, риск, страхование.

Одной из основных особенностей подряда, которые определяют основу правоотношений сторон данных договорных отношений, которые определяют вопросы распределения рисков между ними. Комплексность и долгосрочность реализации девелоперских проектов, потребность в значительном количестве инвестиций для реализации проекта строительства являются источником риска для участвующих в договорных правоотношениях сторонах. При этом для заказчика риски выше.

В настоящее время риски, которые принимают на себя подрядчик заключается в том, что в случае случайной гибели (повреждения) объекта строительства до момента сдачи его заказчику подрядчик теряет право требовать финансовое возмещение за выполненные работы. Следовательно, подрядчик несет ответственность за возникающие в результате неблагоприятные последствия, за которые ответственность не несут ни стороны договора подряда, ни третьи лица. Данное правило используется вне зависимости от того, кто обеспечивает материалами строительство – заказчик или подрядчик. Одним из способов уменьшения такого риска является присоединение к отношениям по договору строительного подряда еще одной стороны - страховой компании.

В действующем законодательстве нормативно не закреплено разделение отрицательных последствий, ответственность за которые не несут ответственности стороны договора подряда или третьи лица.

Согласно пункта 1 статьи 705 Гражданского Кодекса Российской Федерации риски случайной гибели или повреждения материалов и оборудования относятся к предоставившей из стороне. А согласно пункта 2 статьи 705, эта же сторона несет риски задержки передачи или приемки работ согласно договора.

Общие положения договора подряда переносят на подрядчика риски превышения им установленной твердой цены (пункт 6 статьи 709 Гражданского кодекса РФ, пункт 1 статьи 743 Гражданского кодекса РФ).

Статья 741 действующего Гражданского кодекса РФ не предоставляет разъяснений о последствиях просрочки приемки результата работ заказчиком, они не содержатся и в статье 753 Гражданского кодекса РФ, в которой ведется речь о процедуре приема заказчиком работ в рамках договора строительного подряда. Следовательно, для решения данной проблемы требуется обратиться внимание на норму - ст. 720 Гражданского кодекса РФ,

в которой говорится, что, если заказчик уклоняется от принятия выполненной работы, влекущей за собой просрочку в ее сдаче, риск случайной гибели изготовленной вещи признается перешедшим заказчику с того момента, когда должна была состояться ее передача. [1, Глава 3. Параграф 4.].

Во всех ситуациях, когда речь идет о проблеме распределения рисков в договоре строительного подряда в связи с отсутствием непосредственного указания в ст. 741 Гражданского кодекса РФ, необходимо руководствоваться ст. 705 Гражданского кодекса РФ, необходимо принимать во внимание то, что в последней, в отличие от ст. 741 Гражданского кодекса РФ, содержатся диспозитивные положения. В связи с этим, ответ на вопрос о последствиях гибели материалов и оборудования, которые переданы для работы, должен предоставляться, принимая во внимание возможности особого решения в законе, другом правовом акте или договоре. И лишь по отношению к гибели или случайного повреждения самого строительного объекта из-за императивного характера статьи 741 ГК РФ исключается принятие решения сторонами, которое отлично от предложенного в упомянутой статье.

С распределением риска между сторонами некоторым образом связан и вопрос о моменте возникновения права собственности у заказчика на выстроенные подрядчиком здания и сооружения. Поскольку права на те и другие объекты подлежат государственной регистрации, заказчик должен считаться собственником только с момента ее совершения.

Следует подчеркнуть, что вопрос о переходе права собственности может обладать значением не только для перехода риска, но также для наложения и обращения взыскания на имущество должника, его ответственности перед третьими лицами и пр.

В современных экономических условиях вопрос страхования различных видов рисков, которые лежат на соответствующей стороне, имеет особое значение для договора строительного подряда. Предписания на данный счет в первый раз имели место быть в Примерном договоре подряда, который является приложением к «Руководству по составлению договоров подряда на строительство в РФ». В данном договоре страхование включалось в обязательства только одного из контрагентов - подрядчика.

Статья 742 Гражданского кодекса РФ предоставляет возможность стороне по договору взять на себя соответствующее обязательство - застраховать лежащий на ней риск путем заключения договора со страховщиком. Страхование, которое предусмотрено в названной статье, производится в интересах обеих сторон - стороны, на которую падает риск - потому как при страховом случае она не понесет убытки, превышающие общую сумму страховой премии, при этом, контрагент приобретает реальную гарантию получения страховой компенсации в случае обстоятельств, которые представляют собой страховой случай. Такая

гарантия выражается в предположительной высокой платежеспособности страховых компаний, обеспечиваемой многими положениями страхового законодательства.

Указанное обстоятельство также предусмотрено статьей 16 Закона от 25 февраля 1999 года, в которой содержится прямая отсылка о страховании к действующему законодательству в этом отношении.

Страхование в договоре строительного подряда обладает своими временными рамками: как таковое, оно теряет свою законную силу вместе с прекращением договора, связывающим заказчика с подрядчиком, потому как в указанный момент сторона, на которую возложено страховое обязательство, теряет застрахованный ею интерес. Это предоставляет основания для рассмотрения соответствующих обязательств в качестве страхования на период строительства.

Страхование может включать в порядке пункта 1 статьи 742 Гражданского кодекса РФ в первую очередь риск случайной гибели или повреждения всего имущества, которое используется при строительстве, в том числе разные материалы и оборудование, а также сам объект строительства. В отношении материалов для строительства крупных объектов может использоваться страхование по генеральному полису (статья 941 Гражданского кодекса РФ).

Другим видом, который упомянут в том же пункте 1 статьи 742 Гражданского кодекса РФ, выступает страхование ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц при строительстве. В первую очередь это касается потенциальных потерпевших и их интересов. Но, такое страхование также может представлять особый интерес для подрядчика в качестве лица, которое несет ответственность в таких случаях причинения вреда. Кроме того, сумма премий, выплачиваемых подрядчиком, которые связаны с этим видом страхования, может быть включена в общую стоимость строительства в соответствии с условиями договора строительного подряда.

Страхование не освобождает соответствующую сторону от обязанности предпринимать необходимые меры для предупреждения наступления страхового случая (пункт 2 статьи 742 Гражданского кодекса РФ), а указанное выше положение, в частности, имеет связь с возможностью для стороны, в пользу которой было произведено страхование, произвести взыскание с контрагента суммы убытков, которая не покрыта страховым возмещением.

В некоторых случаях необходимость страхования, касающаяся договора строительного подряда, обуславливается непосредственно в силу законодательства. В качестве примера можно упомянуть о том, что для владельца строящегося сооружения гидротехнического назначения необходимо застраховать возникновение рисков гражданской ответственности в рамках принятия на себя обязательств, образующихся в результате возникновения ситуаций угрозы жизни или здоровью лиц, а

также ущерба для имущества физических и юридических лиц вследствие аварии гидротехнического сооружения [2, с. 3589]. И осуществлять такое страхование владелец должен на период не только эксплуатации, но и строительства объекта.

В договоре строительного подряда, который предусматривает необходимость страхования, обычно указываются его виды, страховые риски и сумма, а также сроки страхования.

Речь идет, в первую очередь, о размерах страховой суммы, которая при страховании объекта обычно равна цене договора строительного подряда, и застрахованным рискам. Обозначенные как «данные, относящиеся к страховщику» предназначены для подтверждения надежности выбранной страховой компании стороной. Последствия отсутствия того или иного условия, которые должны быть согласованы, имеют зависимость от их характера. Так, если в договоре строительного подряда не предусматривается сумма страхования, а также застрахованные риски, обязательства стороны перед контрагентом произвести страхование не возникает (к примеру, введение в договор условия, содержание которого исчерпывается указанием того, что одна или другая сторона обязуется «произвести страхование»). Другие последствия вызваны отсутствием сведений о страховщике. Сторона, на которую возложено обязательство по страхованию, может заключить договор с любой страховой компанией.

Специальное положение, которое не имеет аналогов в общих нормах, изложенное в пункте 2 статьи 741 ГК РФ, определяет последствия гибели или повреждения объекта из-за низкого качества материалов (компонентов, конструкций) или оборудования предоставленного заказчиком или исполнения неверных его указаний.

В таких случаях заказчик приобретает право оплачивать всю стоимость работ, которая предусмотрена сметой, но только если выполнены требования, которые установлены в пункте 1 статьи 716 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, подрядчик должен сначала доказать, что ненадлежащее качество материалов или исполнение ошибочных указаний заказчика стало причиной гибели объекта, а, во-вторых, он, подрядчик, выполнил свою обязанность предупредить заказчика о непригодности или низком качестве материалов, которые предоставлены заказчиком, или потенциальных неблагоприятных последствиях для подрядчика в соответствии с инструкциями заказчика о способе выполнения работ, а также исполнял другие требования, упомянутые в пунктах 1 и 2 статьи 716 Гражданского кодекса РФ. Имеется в виду, что подрядчик после соответственного уведомления приостановил работу и начал ее только после получения подтверждения заказчика, а при отсутствии такого подтверждения только после истечения разумного срока для ответа. Однако соблюдение этих требований не всегда является достаточным. Подрядчик обладает правом (пункт 3 статьи 716 ГК РФ), если заказчик, не обращая внимания на предупреждение, не заменяет непод-

ходящие материалы, оборудование, техническую документацию, не меняет указаний о том, как выполнять работы, или не примет других необходимых мер, - расторжения договора и возмещения убытков. Если, однако, позже выясняется, что ненадлежащее качество работ было вызвано обстоятельствами, указанными подрядчиком в его уведомлении, последний лишен возможности ссылаться на то, что действовал по указанию заказчика. При определенных обстоятельствах, право зафиксированное в пункте 3 статьи 716 ГК РФ на отказ от исполнения считается обязанностью подрядчика.

Ведя речь о порядке распределения между сторонами неблагоприятных последствий, которые возникли при гибели или повреждении строительного объекта до его приемки заказчиком в связи с непредвиденными обстоятельствами, а тех, за которые несет ответственность заказчик. Как мы выяснили, они включают в себя: низкое качество материала, который предоставлен заказчиком (компонентов, конструкции) или оборудования или предоставление подрядчику неверных сведений о способе выполнения работ и зависящие от заказчика другие обстоятельства, угрожающие годности или прочности результата работ. В такой ситуации подрядчик обладает правом требовать вознаграждение за выполненные работы. Таким образом, бремя, связанное с несением возникающих неблагоприятных последствий, несет заказчик.

Однако, как упоминалось выше, это возможно только в том случае, если подрядчик предупредил заказчика об обстоятельствах, которые угрожают годности или прочности результата работ. В пункте 2 предполагается, что заказчик не только знал о вероятности наступления отрицательных последствий, но также не принимал необходимых мер для устранения неблагоприятных обстоятельств для подрядных работ (не заменил материал, оборудование, не изменил указаний и др.)

Подрядчик, который не предупредил заказчика о такой угрозе, лишен права ссылаться на эти обстоятельства и требовать вознаграждения за выполненные работы.

Соответственно, в новых экономических условиях для договора строительного подряда становится важным вопрос страхования различных видов рисков, которые лежат на конкретной стороне договора. Очевидно, что для снижения рисков, необходимо их застраховать. Закон позволяет указать в договоре обязательства сторон по страхованию оборудования, объекта строительства и материалов.

Необходимо заметить, что ГК РФ не определяет, какая из сторон договорных отношений несет обязанность по страхованию. Первоначально страхование включалось в обязанности только одного из контрагентов - подрядчика. [3, Примерный договор (контракт) подряда]. Действующее законодательство, беря за основу ст. 742 ГК РФ, предоставляет возможность застраховать риски в интересах обеих сторон, в то же время как каждая сторона страхует лежащий на ней риск. В случае

страхового случая ни одна из сторон страхования не несет убытков, превышающих общую сумму уже уплаченной ей страховой премии, и одновременно ее контрагента, который получает реальную гарантию получения страхового компенсирования при наступлении обстоятельств, которые представляют собой страховой случай.

Из-за положений законодательства, согласно которым риск случайной гибели или повреждения объекта несет подрядчик, он же и обязан застраховать данные риски. Однако в то же время заказчик имеет заинтересованность, определенную договором страхования, и по смыслу пункта 1 статьи 930 Гражданского кодекса РФ может выступать в качестве страхователя, что противоречит положению, которое содержится в статье 742 Гражданского кодекса РФ. Следовательно, нормативно закреплено что страхователем должен являться подрядчик, что позволяет ему гарантировать финансовую устойчивость. В то же время, заказчик обладает не меньшей заинтересованностью, чем подрядчик. Все это противоречит международной практике, например, в Правовом руководстве Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов (1988 год) (далее - Правовое руководство ЮНСИТРАЛ), в соответствии с которым как подрядчик, так и заказчик должны быть названы застрахованными сторонами [4, Глава XVI].

Международные условия договора строительства 1977 года также считают, что застрахованными лицами должны являться обе стороны. Это вызывает справедливый вопрос: кто сможет компенсировать наступление страхового случая? Очевидно, что это должна быть сторона, которая и несет риски, и в этом отношении положения российского законодательства отражают позицию, выделяющую в качестве существенного критерия риск гибели или повреждения имущества.

Что же выступает объектом страхования договора строительного подряда? В порядке абзаца 1 пункта 1 статьи 742 Гражданского кодекса Российской Федерации договором строительного подряда может предусматриваться обязательство стороны застраховать свои риски случайной гибели или повреждения материалов, строительного оборудования или объектов строительства или ответственность за причинение вреда другим лицам во время строительства. При этом ответственность перед третьими лицами может быть определена в отдельном договоре или в качестве дополнительных положений договора строительного-монтажного страхования. Данное соглашение предусматривает ответственность подрядчика за гибель или повреждение предоставленной согласно договору подряда строительной техники заказчика. Этот документ также содержит положения, согласно которым подрядчик несет риски за предоставленное заказчиком иное имущество. Подрядчик может застраховать данные риски, а также может застраховать риски, согласно которым необходимо га-

рантировать возможности эксплуатации объекта согласно договору строительного подряда в течение гарантийного срока (статья 755 ГК РФ). Согласно мировой практике, Международные условия договора строительного подряда 1977 года определяют на необходимость подрядчика застраховать риски на период строительства объекта, а также на гарантийный срок от потерь и убытков, которые вызваны причиной, имеющей возможность образоваться до начала срока гарантии [5, Ч. 1. Общие условия. Общие обязательства].

При распределении рисков между сторонами невозможно не думать о моменте возникновения права собственности у заказчика на объекты, построенные подрядчиком, поскольку права на построенные объекты подлежат государственной регистрации, и заказчик, по факту, будет считаться владельцем только со дня государственной регистрации. В то же время вопрос о передаче права собственности важен не только для перехода риска, но и всех видов взысканий на имущество должника.

Необходимо заметить, что страхование, применимое к договору строительного договора, обладает временным характером, поскольку оно прекращает действовать одновременно с прекращением договора строительного договора, соответственно, в этом случае существует страхование на период строительства.

Следовательно, в настоящее время нормативно закреплено в абзаце 1 статьи 1 статьи 742 Гражданского кодекса Российской Федерации, диспозитивное правило, согласно которой каждая из сторон договорных отношений может принять обязательства застраховать ответственность на период строительства посредством договора страхования. Необходимо отметить, что в положении абзаца 1 ведется определяются две категории имущественных страховых интересов:

- риск наступления случайной смерти или повреждения строительного объекта, материалов оборудования, применяемых в строительстве;
- риск возникновения ответственности по обязательствам, связанных с причинением вреда жизни, здоровью или имуществу другим лицам на период строительства.

Необходимо заметить, что любое страхование из названных видов не освобождает соответствующую сторону от обязанности принимать необходимые меры для предупреждения наступления страхового случая (пункт 2 статьи 742 Гражданского кодекса РФ). Эти имущественные интересы являются разновидностями интересов, которые подлежат имущественному страхованию в порядке главы 48 Гражданского кодекса «Страхование» (пункт 2 статьи 929 Гражданского кодекса РФ).

Потому как статья 742 ГК РФ содержит указания о возможности добровольного страхования, а также относительный, открытый перечень страховых рисков. В этих условиях может возникнуть ситуация, когда заказчик имеет желание заключить договор страхования для снижения предпринимательских рисков из-за возможного нарушения сво-

их обязательств подрядчиками. Данные риски могут возникнуть, например, в случае, если возникнут срывы сроков выполнения работ подрядчиком, что приведет к упущенной выгоде заказчиком.

Положения Гражданского Кодекса РФ нормативно закрепляют возможность страхования имущества только в пользу лица, заинтересованного в его сохранении на основании закона, другого правового акта или договора. Необходимо отметить, что таким лицом может быть страхователь или бенефициар.

В связи с этим при принятии решений о том, для какой из сторон договора строительного подряда будет возникать обязательство по страхованию имущества необходимо учитывать интересы того, кто заинтересован в данном имуществе. В качестве общего правила, при строительстве объекта, страховым интересом, в первую очередь обладает подрядчик, так как именно он несет риск случайной гибели или повреждения строительного объекта. Посредством договора страхования, заключенного в пользу страхователя-подрядчика данный риск может нести страховщик. В такой ситуации подрядчик обладает правом на страховое возмещение при утрате права на оплату выполненных работ.

По отношению материалов, оборудования и других видах имущества страховым интересом обладает в первую очередь сторона, предоставившая их, так как именно это лицо несет риск их случайной гибели или повреждения. Следовательно, подрядчик несет обязательства по обеспечению материалами и оборудованием. В случае обеспечения строительства контрактом полностью или частично, риск гибели и повреждения может быть перенесен на подрядчика. На основании этого и заказчик и подрядчик могут быть страхователями данных интересов. Также возможно и страхование только в пользу контрагента по договору строительного подряда – то есть осуществляться в страхователя или бенефициара - контрагента по договору строительного подряда.

В договоре страхования указывается в том числе в деликтная (внедоговорная) ответственность, возникающая в случае причинения вреда другим лицам во время строительства. Например, за загрязнение окружающей среды возникающих в результате расчистки территории, падений частей объекта.

Страхование рисков строительно-монтажных работ соответствует интересам всех участников правоотношений, возникающих в рамках заключения договора строительного подряда. С другой стороны страховые компании, вступающие в отношения по строительству, являются гарантом стабильности реализации проекта, что является первоочередной потребностью данного сектора национальной экономики.

Литература

1. М.И. Брагинский, В.В. Витрянский - Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Издание дополненное, исправленное. Глава 3. Договор строительного подряда. Параграф 4. Риск и страхование в договоре строительного подряда.

2. Статьи 15 и 17 Закона «О безопасности гидротехнических сооружений» (Собрание законодательства РФ. 1997. N 30.).

3. «Руководство по составлению договоров подряда на строительство в РФ» (примерный договор (контракт) подряда).

4. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов. Глава XVI.

5. Международные условия договора о строительстве 1977 года. Ч. 1. Общие условия. Общие обязательства.

6. Косаренко Н.Н. Государство и страхование: научная монография / Н.Н. Косаренко; Нац. ин-т бизнеса. Москва, 2007.

7. Сулимова Е.А., Шалыганова Е.С. Особенности системы управления инвестиционными процессами в строительстве // Инновации и инвестиции. 2017. № 1. С. 29-31.

Construction contract: risks and insurance

Sekina O.I.

IGSU at Ranepa

The article discusses the possible risks of the parties to a construction contract: the customer and the contractor and the need for insurance. A serious construction process of any object explains the high level of risk, mainly for the customer, but the contractor is not without risk, which reduces to the possibility of accidental destruction of the construction object before handing it over to the customer, as well as receiving payment for the amount of work done at his own expense. Applicable to the construction contract, the real way to minimize the risks is to attract the insurance company.

Keywords: construction contract, contractor, customer, contract, risk, insurance.

References

1. M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky - Contract Law. Book three. Contracts for the execution of works and the provision of services. Revised edition, revised. Chapter 3. Construction Contract. Paragraph 4. Risk and insurance in a construction contract.
2. Articles 15 and 17 of the Law "On the safety of hydraulic structures" (Meeting of the Legislation of the Russian Federation. 1997, N 30.).
3. "Guidelines for the drafting of construction contracts in the Russian Federation" (model contract (contract) of the contract).
4. UNCITRAL legal guide on drawing up international contracts for the construction of industrial facilities. Chapter XVI.
5. International terms of the 1977 construction contract. Part 1. General conditions. General obligations.
6. Kosarenko N.N. State and insurance: scientific monograph / N.N. Kosarenko; Nat Institute of business. Moscow, 2007.
7. Sulimova EA, Shalyganova ES Features of the management system of investment processes in construction // Innovations and investments. 2017. No. 1. S. 29-31.

Направления налоговой политики государства

Кузнецов Леонид Дмитриевич,

кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, leonkuzn@mail.ru

В данной статье рассматриваются направления налоговой политики России на 2019 год и последующие два года, необходимость её совершенствования. От проводимой налоговой политики зависит состояние отечественной экономики. С помощью налоговой политики государству предстоит выполнить основные задачи: создать предсказуемые фискальные условия, сбалансировать федеральный и региональные бюджеты, сократить теневой сектор экономики. Названные задачи будут реализованы путем внесения изменений в законодательство о налогах и сборах. Налогоплательщики изучают информацию о нововведениях в области налоговой политики и готовятся к предстоящим переменам.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговая нагрузка, налоговая система, налоговое администрирование, планирование, прогноз, сбалансированность бюджетной системы страны, налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, налог на доходы физических лиц, налог на имущество юридических лиц, государственная пошлина, страховые взносы, патентная система налогообложения, акцизы, единый налог на вмененный доход, налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, упрощенная система налогообложения, налог на самозанятых, специальные налоговые режимы, федеральная налоговая служба

В России на каждые три года разрабатываются прогнозные документы о налоговой политике. Так, в июле 2018 года Минфином России был подготовлен перечень мероприятий на трёхлетний период, которые планируется провести с 2019 по 2020 годы. С помощью налоговой политики государству предстоит выполнить основные задачи: создать предсказуемые фискальные условия, сбалансировать федеральный и региональные бюджеты, сократить теневой сектор экономики. Названные задачи будут реализованы путем внесения изменений в законодательство о налогах и сборах. В настоящее время налогоплательщики изучают информацию о нововведениях в области налоговой политики и готовятся к предстоящим переменам. Частично планы по решению задач, названных в прошлых периодах уже реализованы. В Налоговый кодекс РФ внесены соответствующие изменения. Однако при формировании налоговой политики на 2019 - 2020 годы предстоит ещё решить новый комплекс задач по стимулированию деловой активности, противодействию кризисным явлениям, повышению наполняемости казны.

Приоритетами в области налоговой политики государства являются: создание эффективной налоговой системы, сохранение сложившегося к названному времени налогового бремени. Основные направления налоговой политики составлялись с учетом преемственности ранее поставленных базовых целей и задач. Основные направления налоговой политики позволяют налогоплательщикам определить свою деятельность с учетом планируемых изменений в налоговой сфере на трехлетний период.

Следует отметить, что готовились основные направления налоговой политики государства с целью составления проекта федерального бюджета на очередной финансовый 2019 год и последующий двухлетний плановый период. Указанные направления не являются нормативным правовым актом, но являются основанием для подготовки проектов изменений в налоговое законодательство. Кроме того, основные направления налоговой политики позволяют налогоплательщикам определить свои бизнес-планы с учетом предполагаемых изменений в налоговой сфере на трехлетний период, что повышает определенность условий ведения предпринимательской деятельности.

Полагаем, что налоговая политика должна отвечать современным глобальным вызовам, среди которых, прежде всего, санкции, введенные против России и низкие цены на нефть. Важнейшим фактором проводимой налоговой политики является

необходимость поддержания сбалансированности бюджетной системы страны. При подготовке основных направлений налоговой политики были учтены положения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года", Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года, в котором были определены на ближайшие 6 лет национальные цели развития во всех сферах общественной жизни.

В силу сложившихся обстоятельств налоговая нагрузка на налогоплательщиков с 2019 года будет возрастать. Она представляет интерес для пользователей соответствующего уровня в отношении анализа, планирования и прогноза экономических ситуаций в стране, планирования проверочных налоговых мероприятий и прогнозов деятельности налогоплательщиков. Стала одним из оценочных критериев при принятии решения о проведении выездных налоговых проверок. Вероятно, налоговая система России в ближайшей перспективе претерпит серьезные изменения.

Основные направления налоговой политики по видам налогов на следующие 3 года:

по налогу на добавленную стоимость (НДС): с 1 января 2019 года в соответствии с Федеральным законом от 03.08.2018 № 303-ФЗ повышается ставка налога с 18% до 20%. Льготные ставки 0% и 10% не изменятся.¹¹ Исходя из этого налогоплательщикам следует уточнить условия договоров на 2019 год и обновить электронные программы по учету НДС. Несомненно, появятся сложности по исчислению НДС в переходный период, так как часть счетов-фактур осталась со «старым» НДС, а часть следует формировать с новым НДС. Однако повышение НДС с 18 до 20% не затронет малый бизнес.

Упрощается возмещение НДС после введения в действие Федерального закона от 03.08.2018 № 302-ФЗ. Совокупная сумма налогов за 3 предшествующих года (дающая право на заявительный порядок (ускоренный порядок) возмещения НДС) снижается с 7 миллиардов рублей до 2 миллиардов рублей. Это послабление в отношении требований к сумме налоговых отчислений в бюджет касается и поручителей. Кроме того, предел обязательств по договорам поручительства также увеличится с 20 до 50% от стоимости чистых активов юридического лица.¹²

На основании Федерального закона от 03.08.2018 № 302-ФЗ срок камеральной проверки по НДС снизится с 3 до 2 месяцев. Право на продление камеральной проверки у налоговых органов до 3 месяцев сохраняется при условии, если у них есть претензии по документам.

по налогу на прибыль: в соответствии со статьёй 284 Налогового кодекса РФ (вплоть до 2024 года) налогоплательщики будут рассчитывать налог по ставкам, действующим в 2018 году. Эта ставка равна 20%, из них: 3% налогоплательщики перечисляют в федеральный бюджет, 17% - перечисляют в бюджет субъекта РФ. Доходы с дивидендов будут облагаться также, как и раньше по ставке 0% или 13%, в зависимости от доли компании в уставном капитале источника дивидендов. Иностранные компании платят налог с дивидендов по ставке 15%. Доходы в виде процентов по муниципальным ценным бумагам старше трех лет облагаются по ставке 9%. Причем налог полностью перечисляется в федеральный бюджет. По ставке 15% облагаются доходы по целому ряду ценных бумаг. А по российским ценным бумагам, учитываемым на счетах депо¹³ у иностранных держателей, доход облагается по ставке 30%.¹⁴

Для реорганизованных компаний предлагается разработать точный механизм отражения в учете операций, чтобы избежать неправомерной оптимизации налогов.

В соответствии с Федеральным законом от 03.08.2018 № 302-ФЗ пониженные налоговые ставки по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, установленные законами субъектов Российской Федерации до 1 января 2018 года, подлежат применению налогоплательщиками до даты окончания срока их действия, но не позднее 1 января 2023 года. При этом указанные пониженные налоговые ставки могут быть повышены законами субъектов Российской Федерации на налоговые периоды 2019 - 2022 годов.¹⁵

по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ): в соответствии с Федеральным законом от 29.07.2018 №232-ФЗ Налоговый кодекс РФ дополняется статьёй 45.1. «Единый налоговый платеж физического лица». С 1 января 2019 года «единый налоговый платеж физического лица будет перечисляться в бюджетную систему Российской Федерации по месту жительства налогоплательщика - физического лица, а при отсутствии у налогоплательщика - физического лица места жительства и места пребывания на территории Российской Федерации - по месту нахождения одного из принадлежащих такому лицу объектов недвижимого имущества. Единым налоговым платежом физического лица будут признаваться денежные средства, добровольно перечисляемые в счёт исполнения обязанности по уплате транспортного налога, земельного налога и (или) налога на имущество физических лиц.»¹⁶

С 1 января 2019 года вырастет федеральный минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Он

¹¹ <https://www.mk.ru/article/216252-izmeneniya-v-nalogovom-zakonodatelstve-s-1-yanvarya-2019-goda>

¹² <http://online-buhuchet.ru/vozmeshhenie-nds-v-zayavitelnom-poryadke-stanovitsya-dostupnee/>

¹³ На счете депо учитываются права на ценные бумаги, принадлежащие депоненту.

¹⁴ <https://www.mk.ru/article/216012-nalog-na-pribyl-v-2019-godunovye-stavki-tablitsa>

¹⁵ <https://www.mk.ru/article/216252-izmeneniya-v-nalogovom-zakonodatelstve-s-1-yanvarya-2019-goda>

¹⁶ статья 45.1. Налоговый кодекс Российской Федерации

будет равен прожиточному минимуму трудоспособного населения в целом по России за 2 квартал 2018 года — 11 280 рублей. Это следует из положений Федерального закона от 28.12.17 № 421-ФЗ. Таким образом, повышение минимального размера оплаты труда с 2019 года произойдет на 117 руб. Мы знаем, что МРОТ прямым образом влияет на уровень заработной платы трудящихся граждан, а зарплата является налогооблагаемым доходом, с которого удерживается подоходный налог.

На основании Федерального закона от 30.10.2018 № 381-ФЗ. От НДФЛ будет освобождаться полевое довольствие в сумме 700 рублей. В настоящее время налог не удерживается с сумм, установленных организациями самостоятельно.

по налогу на имущество юридических лиц: с 2019 согласно Федеральному закону от 03.08.2018 №302-ФЗ движимое имущество перестало быть объектом налогообложения.¹⁷ Следовательно налогом на имущество юридических лиц стало облагаться только недвижимое имущество.

Приказом ФНС России от 04.10.2018 № ММВ-7-21/575@ утверждена новая форма налоговой декларации по налогу на имущество организаций (форма по КНД 1152026) и налогового расчета по авансовому платежу по налогу на имущество организаций (форма по КНД 1152028).

В соответствии с пунктом 15 статьи 378.2 Налогового кодекса РФ в редакции Федерального закона от 03.08.2018 № 334-ФЗ установлены новые основания для изменения кадастровой стоимости объекта недвижимости. С 1 января 2019 года такими основаниями будут являться:

1. Изменение кадастровой стоимости объекта налогообложения вследствие изменения качественных и (или) количественных характеристик этого объекта налогообложения;

2. Изменения кадастровой стоимости объекта налогообложения вследствие исправления технической ошибки в сведениях Единого государственного реестра недвижимости о величине кадастровой стоимости, а также в случае уменьшения кадастровой стоимости в связи с исправлением ошибок, допущенных при определении кадастровой стоимости;

3. Пересмотр кадастровой стоимости по решению комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или решению суда;

4. Изменения кадастровой стоимости объекта налогообложения на основании установления его рыночной стоимости по решению комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или решению суда.

по государственной пошлине: в соответствии с Федеральным законом от 29.07.18 № 234-ФЗ от уплаты государственной пошлины освобождаются юридические лица и индивидуальные предприниматели в случаях направления в регистрирующий

орган документов, необходимых для совершения юридически значимых действий, в форме электронных документов. Таким образом указанные лица смогут сэкономить на госпошлине за регистрацию изменений, вносимых в учредительные документы, если подадут на регистрацию документы в электронной форме.

по страховым взносам: с 1 января 2019 года пенсионный тариф закреплён на уровне 22% бесспорно. Основанием является Федеральный закон от 03.08.2018 № 306-ФЗ. Облагаемая база по взносам в 2019 году не изменится, однако общий размер страховых взносов в 2019 году составит 30 процентов. Если рассмотреть подробно, то: 22 процента составят взносы на обязательное пенсионное страхование с выплат, не превышающих предельную базу для начисления взносов, плюс 10 процентов с выплат сверх базы; 5,1 процента составят взносы на обязательное медицинское страхование, предельной величины выплат нет и 2,9 процента составят выплаты на обязательное социальное страхование с выплат в пределах лимита, платежей сверх лимита нет.

Большинство организаций и индивидуальных предпринимателей в 2019 году будут применять общий тариф 30 процентов, в связи с тем, что льготный переходный период уплаты взносов закончился. Уплата взносов по ставке 20 процентов (пониженной ставке) сохранилась для некоммерческих и благотворительных организаций, находящихся на упрощенной системе налогообложения (УСН). Указанной льготой эти организации могут пользоваться по 2024 год включительно.

по патентной системе налогообложения: в 2019 году для предпринимателей планируется расширение списка видов деятельности, в отношении которых можно применять патентную систему налогообложения. Субъектам федерации предоставлено право устанавливать ограничения для применения патента на своих территориях. Под ограничения попадают: число объектов розничной торговли и общественного питания и (или) их общая площадь; число автотранспортных средств и судов водного транспорта; площадь сдаваемых в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков.¹⁸

В 2019 году увеличится коэффициент-дефлятор¹⁹ для индивидуальных предпринимателей (ИП). Он составит сумму - 1,518 рублей. При базовом значении максимально возможного годового дохода ИП в 1 млн. рублей, надо полагать, максимальная сумма потенциально возможного годового дохода для патентного бизнеса составит примерно 1,518 млн. рублей (1 млн. руб. × 1,518). Максимальная стоимость патента на месяц в 2019 году составит 7590 рублей (1,518 млн. руб. × 6%:

¹⁸ https://www.gazeta-unp.ru/articles/52235-izmeneniya-v-nalogovom-zakonodatelstve-s-1-yanvarya-2019-goda-v-rossii?from=PW_Timer_reg_articles_yandex&ustp=W

¹⁹ коэффициент-дефлятор ежегодно устанавливает Минэкономразвития России на следующий календарный год. Коэффициент учитывает изменение потребительских цен на товары, работы и услуги в предшествующем периоде.

¹⁷ <https://www.mk.ru/article/216252-izmeneniya-v-nalogovom-zakonodatelstve-s-1-yanvarya-2019-goda>

12 мес.), при ставке - 6%. Однако региональные власти могут увеличить размер потенциально возможного годового дохода для отдельных видов деятельности в три, пять и даже в 10 раз на основании пункта 8 статьи 346.43 Налогового кодекса РФ.²⁰

В 2019 году будет предоставлена возможность получения одного патента на несколько видов деятельности. Также планируется адаптация системы для самозанятых граждан. Для лиц, применяющих патентную систему налогообложения с 1 июля 2019 года введена обязательная установка онлайн-касс.

по акцизам: Федеральным законом от 03 августа 2018 года № 301-ФЗ установлены повышенные ставки акцизов. С 1 января 2019 года на 1/3 вырастут акцизы на топливо. Существенно вырастут акцизы на сигареты и алкоголь. Также с 1 января 2019 года планируется установить единую ставку акциза на вина и шампанские вина, производимые на территории России и привозные. К подакцизным товарам предлагается отнести виноград, используемый при производстве вина. Производители, использующие в качестве сырья виноград собственного производства, будут иметь налоговые вычеты. Будут приравнены к вину винные напитки, не содержащие этилового спирта. Повысится ставка акциза на эти напитки. Она будет приравнена к ставке на вина шампанские. Отечественные производители парфюмерии и косметики с 2019 года начнут уплачивать акциз за используемый в продукции спирт.

по единому налогу на вменённый доход (ЕНВД): с 2019 года этот налог увеличится в связи с утверждением нового коэффициента – дифлятора, необходимого для исчисления и уплаты налога на вменённый доход. Коэффициент-дефлятор по ЕНВД на 2019 год установлен в размере 1,915 руб. По сравнению с предыдущим значением 2017 года (1,868) он вырос на 2,5%.

налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ): в 2018 году руководством страны одобрен вариант налогового маневра в нефтяной отрасли. Его содержание заключается в поэтапном снижении экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты до нуля к 2024 году и одновременном росте налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ). В результате таких изменений экспорт нефти станет более выгодным, а цена на нефть и нефтепродукты на внутреннем рынке вырастет.

налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья: на основании Федерального закона от 19.07. 2018 года №199-ФЗ с 1 января 2019 года вводится новый вид налога (глава 25.4 НК РФ). Налогоплательщиками налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья признаются организации, являющиеся пользователями недр на участках недр, права пользования которыми предоставлены им на основании лицензий, выданных в соответствии с законодательством Российской Федерации о недрах

и предусматривающих в том числе право таких организаций на разведку и добычу нефти на участках недр.

Этот налог будет касаться четырех типов месторождений - новых месторождений в Восточной Сибири и Западной Сибири, некоторых истощенных месторождений в Западной Сибири и месторождений, которые извлекают выгоду из снижения экспортных пошлин.

Нефтяные компании в настоящее время платят налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортные пошлины. Указанные налоги взимаются с выручки компаний. Реформа налога для нефтяных компаний предполагает частичную замену НДПИ новым налогом на добавленный доход от добычи углеводородного сырья. Ставка НДД составит 50%, а взимать его будут с дохода от продажи нефти за вычетом экспортной пошлины, сниженного НДПИ, расходов на добычу и транспортировку. Переход на эту систему носит добровольный характер.²¹

Новая глава 25.4 Налогового кодекса РФ устанавливает особенности расчета, исчисления и уплаты налога на дополнительный доход, а также определяет фискальные условия добычи углеводородного сырья с учетом разработки месторождений.

экологический налог: этот налог будет введен в 2020 году. Он должен заменить действующие платежи за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух; сбросы загрязняющих веществ в составе сточных вод в водные объекты, осуществляемые в пределах нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов; за размещение отходов производства и потребления в пределах установленных лимитов на их размещение. Таким образом, существующие в настоящее время неналоговые платежи, регулируемые природоохранным законодательством, обладают признаками налога, в связи с чем могут быть включены в Налоговый кодекс РФ новой главой.

Основополагающим принципом любых возможных реформ и мер по настройке налоговой системы является принцип фискальной нейтральности – то есть сохранения действующего уровня налоговой нагрузки для добросовестных налогоплательщиков.

Анализируя вышеизложенное можно сделать вывод, что основные изменения налогового законодательства установлены федеральными законами. Вышеназванные изменения в основном вступят в силу с 1 января 2019 года.

Каждое государство самостоятельно определяет для себя основные направления налоговой политики. Необходимо, чтобы налоговая система России была хорошо адаптирована к новым общественным отношениям и соответствовала мировому опыту. В настоящее время она выступает главным инструментом воздействия государства на

²⁰ <https://buhguru.com>

²¹

<https://www.rbc.ru/politics/23/11/2017/5a16ae6a9a79479caf12fb40>

развитие хозяйства, определения приоритетов экономического и социального развития.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Российская газета, N 148-149, 06.08.1998

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Парламентская газета", N 151-152, 10.08.2000

3. Федеральный закон от 28.12.17 № 421-ФЗ

4. Федеральный закон от 19.07.18 №199-ФЗ

5. Федеральный закон от 29.07.18 №232-ФЗ

6. Федеральный закон от 29.07.18 № 234-ФЗ

7. Федеральный закон от 03.08.18 № 301-ФЗ

8. Федеральный закон от 03.08.18 № 303-ФЗ

9. Федеральный закон от 03.08.18 № 302-ФЗ

10. Федеральный закон от 03.08.18 № 306-ФЗ

11. Федеральный закон от 30.10.18 № 381-ФЗ

12. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"

13. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года.

14. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно - тарифной политики Российской Федерации на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов (Утверждены Минфином России)

15. Приказ ФНС России от 04.10.2018 № ММВ-7-21/575@

16. Гончаренко И.А. Налоговое право РФ. Общая часть. Схемы с комментариями: учебное пособие / И.А. Гончаренко; Московский гос. ин-т международных отношений (Ун-т) МИД России. Москва, 2009.

17. Ячевская С., Винницкий Д., Щекин Д., Гончаренко И., Овсянников С., Зарипов В., Брук Б., Жестков С., Торопов А., Тарнопольская Д., Шаповалов С. CFC rules в России // Закон. 2014. № 3. С. 21-33.

18. Гончаренко И.А. Сравнительное налоговое право. Особенная часть. Москва, 2012.

19. Гончаренко И.А. Система налогов в США // В сборнике: Актуальные проблемы административного и финансового права. Москва, 2006. С. 41-66.

20. Организация страхового дела: учебник и практикум / Архипов А.П., Рябикин В.И., Бакланова Л.Д., Архангельская Т.А., Ахвледиани Ю.Т., Козлова Е.А., Мягкова Ю.Ю., Финогенова Ю.Ю., Челухина Н.Ф. Москва, 2017. Сер. 68 Профессиональное образование (1-е изд.)

Directions of the state tax policy

Kuznetsov L.D.

Moscow University of MVD Russia in the name of V.Y. Kikot

This article discusses the direction of Russia's tax policy for 2019 and the next two years, the need to improve it. The state of the domestic economy depends on the tax policy. With the help of tax policy, the state will have to fulfill the main tasks: to create predictable fiscal conditions, to balance the Federal and regional budgets, to reduce the shadow sector of the economy. These tasks will be implemented by amending the legislation on taxes and fees. Taxpayers are studying information about innovations in the field of tax policy and preparing for the upcoming changes.

Key words: tax policy, tax burden, tax system, tax administration, planning, forecast, the balance of the budget system of the country, value added tax, profit tax, tax on income of physical persons, tax on property of legal entities, state fees, insurance fees, patent system of taxation, excise tax, unified tax on imputed income, tax on mineral extraction, the tax on additional income from hydrocarbon production, simplified system of taxation, the tax on self-employed, special tax regimes, federal taxation service

References

1. Tax code of the Russian Federation (part one) of 31.07.1998 N 146-FZ // Rossiyskaya Gazeta, N 148-149, 06.08.1998

2. Tax code of the Russian Federation (part two) "of 05.08.2000 N 117-FZ // "parliamentary newspaper", N 151-152, 10.08.2000

3. Federal law of 28.12.17 № 421-FZ

4. Federal law of 19.07.18 №199-FZ

5. Federal law of 29.07.18 №232-FZ

6. Federal law of 29.07.18 № 234-FZ

7. Federal law of 03.08.18 № 301-FZ

8. Federal law of 03.08.18 № 303-FZ

9. Federal law of 03.08.18 № 302-FZ

10. Federal law of 03.08.18 № 306-FZ

11. Federal law of 30.10.18 № 381-FZ

12. The decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 N 204 " on national goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period up to 2024"

13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated March 1, 2018.

14. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation for 2019 and the planning period 2020 and 2021 (Approved by the Ministry of Finance)

15. The order FNS of Russia from 04.10.2018 № ММВ-7-21/575@

16. Goncharenko I.A. Tax law of the Russian Federation. A common part. Schemes with comments: textbook / I.A. Goncharenko; Moscow state Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 2009.

17. Yachevskaya S., Vinnitsky D., Shchekin D., Goncharenko I., Ovsyannikov S., Zaripov V., Brook B., Zhestkov S., Toropov A., Tarnopolskaya D., Shapovalov S. CFC rules in Russia // Law. 2014. No. 3. P. 21-33.

18. Goncharenko I.A. Comparative tax law. The special part. Moscow, 2012.

19. Goncharenko I.A. The tax system in the United States // In the collection: Actual problems of administrative and financial law. Moscow, 2006. S. 41-66.

20. Organization of insurance business: a textbook and a workshop / Arkhipov A.P., Ryabikin V.I., Baklanova L.D., Arkhangelskaya T.A., Akhvlediani Yu.T., Kozlova E.A., Myagkova Yu.Yu. , Finogenova Yu.Yu., Chelukhina N.F. Moscow, 2017. Ser. 68 Vocational Education (1st ed.)

Правовое обеспечение создания единого информационного пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере таможенного регулирования

Новиков Андрей Борисович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, docanovikov@mail.ru

Рагозина Наталья Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ragozina@bk.ru

В статье показано, что в условиях реализации концепций цифровой экономики и электронного правительства на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) возникает правовое понятие «единого цифрового пространства». Указанное понятие формируется наряду с понятием «единого экономического пространства», которое заняло прочное место в международных соглашениях ЕАЭС. Единое цифровое пространство как совокупность массивов информации и информационных потоков (процессов движения информации) имеет целый ряд взаимосвязанных составляющих. Эти составляющие требуют правовой регламентации. Среди таких составляющих особо выделяется таможенная информация и электронное таможенное управление.

Таможенное регулирование в условиях ЕАЭС вносит решающий вклад в развитие мировой торговли, экономической интеграции и всей системы мировых экономических связей. В этой связи речь идет об эволюции правового регулирования экономических коммуникаций, о содействии мировой торговле. Утверждается, что базовые идеи цифровой экономики пока не изменяют традиционные принципы таможенного регулирования.

На современном этапе развития таможенной системы требуется реальное соединение и воплощение идей «сервисной таможни», «электронной таможни» и «умной таможни». Эти идеи обеспечивают существенное снижение издержек государственного управления и участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

В связи с этим в статье характеризуется правовая платформа и техническая поддержка концепции «электронной таможни». Подчеркивается, что реализация идеи «электронного управления» требует надежного установления процессов и их подтверждения техническими средствами.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронное правительство, сервисная таможня, электронная таможня, единое цифровое пространство

В условиях реализации концепций цифровой экономики и электронного правительства на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) возникает правовое понятие «единого цифрового пространства». Указанное понятие формируется наряду с понятием «единого экономического пространства», которое заняло прочное место в международных соглашениях ЕАЭС.

Подчеркнем, что построение «единого экономического пространства» начинается с формирования «единого таможенного пространства». Единое экономическое пространство – проект существенно более масштабный, чем единое таможенное пространство. Он требует долгой и колоссальной работы по согласованию законодательств государств-участников ЕАЭС.

Единое цифровое пространство как совокупность массивов информации и информационных потоков (процессов движения информации) имеет целый ряд взаимосвязанных составляющих. Эти составляющие требуют правовой регламентации. Среди таких составляющих особо выделяется таможенная информация и электронное таможенное управление.

Таможенная информация в масштабах государств-участников, в рамках ЕАЭС формирует уникальные объемные базы данных (Dig Date в таможенной сфере). С учетом того, что таможенные отношения являются трансграничными и развиваются на платформе правовой системы Всемирной торговой организации (WTO), таможенные базы данных становятся объектом международного сотрудничества, международного использования. Современная практика показывает, что Dig Date таможенной и внешнеэкономической информации выходит за пределы жесткого государственного регулирования.

Таможенное регулирование в условиях ЕАЭС вносит решающий вклад в развитие мировой торговли, экономической интеграции и всей системы мировых экономических связей. В этой связи речь идет об эволюции правового регулирования экономических коммуникаций, о содействии мировой торговле. Необходимо подчеркнуть, что функция «содействия внешней торговле», присущая таможенным органам всех стран-участниц ЕАЭС и закреплённая нормативно, требует и серьезного

теоретико-правового осмысления концепции «сервисной таможни» [1]. В этой связи, базовые идеи цифровой экономики пока не изменяют традиционные принципы таможенного регулирования, а лишь совершенствуют механизмы оказания государственных таможенных услуг в электронной форме. Таким образом, мы не пытаемся экстренно деформировать таможенные отношения с «оглядкой» на формирующиеся отношения цифровой экономики.

Указанное совершенствование придает новый импульс реализации концепций «электронная таможня», «умная таможня», «центр электронного декларирования» на правовой основе [2-4]. Стратегия развития таможенной службы России до 2020 года [5] в рамках реализации задач информационно-технической политики ФТС России предусматривает создание и внедрение особых информационных технологий.

На современном этапе развития таможенной системы требуется реальное соединение и воплощение идей «сервисной таможни», «электронной таможни» и «умной таможни» как на надежной технической базе, воплощающей «цифровизацию» соответствующих отношений, так и на правовой платформе. В свете проблем цифровизации мы наблюдаем качественный переход в сфере публичного менеджмента (на примере таможенной сферы) от разработки организационных мер к правовой и цифровой процессуализации таможенного администрирования. Так, Компания «Нуктэк» (Китай), заслужившая высокую репутацию на рынке систем контроля и безопасности, входит со своей продукцией на цифровое таможенное пространство ЕАЭС. Компания обеспечивает интеллектуальную таможенную проверку и функционирование «электронных» аксессуаров таможенной идентификации (например, знаменитый «умный замок»). Здесь мы имеем дело с серьезным влиянием достижений технического прогресса на правовой подход к администрированию тех или иных отношений в сфере таможенного дела.

Однако представленная ситуация заставляет предполагать и возможное усиление конкуренции на рынке информационных услуг в сфере таможенного дела, особенно в условиях современной волатильности экономических процессов, отчасти обусловленных процессами экономического санкционного противостояния и импортозамещения [6, 7].

Передовые инновационные кампании разрабатывают и предлагают к реализации в сфере обеспечения безопасности и государственного контроля новейшие устройства, которые могут быть встроены в систему электронного таможенного администрирования.

Осуществление идей «электронной таможни» обеспечивает существенное снижение издержек государственного управления и участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), а также повышение надежности таможенных операций и безопасности трансграничных перемещений товаров на основе концептуальных положений разви-

тия системы таможенных процедур [1, 8]. Указанное осуществление не мыслится без современных технических систем безопасности и контроля. Право (национальное и международное) лишь опосредует внедрение, закрепление и эволюцию этих систем в сфере публичного менеджмента. В этом направлении могут быть сформулированы взаимосвязанные тренды: а) технические достижения диктуют развитие административных регламентов, б) общепризнанные правовые принципы диктуют свойства и параметры технических устройств, включаемых в решение нормативно установленных задач.

Безопасность в таможенной сфере прежде всего понимается как состояние стабильности и устойчивого развития торгового оборота, мирохозяйственных связей, свободных от криминальных проявлений (торговля оружием, распространение запрещенных технологий, наркотрафик, незаконная миграция трудовых ресурсов). В тоже время в условиях цифровой среды необходима и защищенность самих электронных таможенных коммуникаций от хакерских взломов. Так, был допущен масштабный сбой на серверах ФТС России 30 ноября 2018 г. вследствие хакерской атаки. Его последствием явилась остановка процессов таможенного оформления и обмена электронными документами во всех таможенных органах минимум на сутки [9]. При этом зависимость таможенных коммуникаций от надежности технической электронной инфраструктуры уже невозможно преодолеть, не возвращаясь «в прошлое» [10].

В связи с этим мы должны подчеркнуть, что правовая платформа и техническая поддержка концепции «электронной таможни» находится сейчас в рамках ЕАЭС на высоком уровне, но не достаточно, чтобы говорить о завершении рассматриваемого этапа администрирования конституционного таможенного правоотношения. Можно утверждать, что блок «электронная таможня» креативно включается в проект «электронное правительство», «электронное управление» и будет укреплять позитивные свойства цифровой экономики.

Литература

1. Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации: монография. – СПб: Издательство Инфо-да, 2008 - 504с.
2. Распоряжение ФТС России от 23.10.2015 № 324-р «О проведении эксперимента по концентрации таможенного оформления в центрах электронного декларирования». URL: <http://www.concultanr.ru/> (дата обращения: 21.09.18).
3. Распоряжение ФТС России от 27.12.2017 № 293-р «О проведении эксперимента . по разделению таможенных операций, связанных с принятием ДТ, подаваемых в электронной форме, и таможенных операций, предшествующих подаче ДТ». URL: http://www.concultanr.ru /(дата обращения: 21.09.18).

4. Письмо ФТС России от 25.12.2017 № 01-11/73654 «Разъяснения по вопросам организации деятельности региональных электронных таможен и таможен фактического контроля». URL: <http://www.concultantr.ru> / (дата обращения: 21.09.18).

5. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2575-р «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года». URL: <http://www.concultantr.ru> / (дата обращения: 21.09.18).

6. Новиков А.Б., Назаров В.П. О некоторых экономико-правовых аспектах «санкционного» противостояния России и западных держав // Журнал правовых и экономических исследований. - СПб: Изд-во ГИЭФПТ. - 2014 - № 4- С.24-30.

7. Новиков А.Б., Васильева Т.В., Рагозина Н.А. Понятие и правовое обеспечение импортозамещения в Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. - 2016 - № 4. - С.28-34

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2012 № 2575-р «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года». URL: <http://www.concultantr.ru> / (дата обращения: 21.09.18)

9. Бизнесмены сообщают, что Федеральная таможенная служба зависла до 30 ноября URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2018/11/29/0013/print> [Электронный ресурс] (дата обращения 01.12.2018).

10. Глава ФТС: 100% таможенных деклараций в России подается в электронной форме: интервью руководителя ФТС России порталу «Бизнес ФМ» // URL: <https://www.bfm.ru/news/368186> [Электронный ресурс] (дата обращения 06.01.2018).

11. Гончаренко И.А. Главный инструмент деофшоризации//Закон. 2014. № 12. С. 21.

12. Гончаренко И.А. Механизм разрешения налоговых споров в Великобритании и ЕС: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001

Legal coverage for creation of united cyberspace of the Eurasian economic union (EEU) in the sphere of custom regulation

Novikov A.B., Ragozina N.A.

St. Petersburg State University of Economics

In the article it is shown that within the conditions of realization of concepts of cyber economics and electronic government within the Eurasian economic union emerges a legal notion of "united cyberspace", which placed firmly among the international agreements of the EEU. United cyberspace as a sum of massive information and informational streams (processes of informational movement) has a range of interdependent features. This features demand a legal regulation. Among such features specially presented is customs information and electronic customs government.

Customs regulation in the conditions of the EEU contributes to the development of world trade, economic integration and all of the system of world economic connections. Thus it refers to an evolution of a legal regulation of economic communications, contribution to the world trade. It is stated that basic ideas of cyber economics still do not change the main principles of customs regulation.

At the present time of development of the customs system it is needed a real connection and embodiment of the ideas of "service customs", "electronic customs" and "smart customs". These ideas provide a significant reduction of expenditures of state government and the participants of international economic activity (IEA).

In this context in the article there is characterized a legal platform and technical support of a concept of "electronic customs". It is emphasized that realization of the idea of "electronic government" demands sustainable establishment of the processes and their confirmation by the technical components.

Keywords: cyber economics, electronic government, service customs, electronic customs, united cyberspace.

References

1. Novikov AB The administrative process in the mechanism of customs regulation of the Russian Federation: a monograph. - SPb: Info-publishing house, 2008 - 504c.
2. The order of the FCS of Russia dated 10.23.2015 No. 324-p "On conducting an experiment on the concentration of customs clearance in electronic declaration centers". URL: <http://www.concultantr.ru/> (appeal date: 09/21/18).
3. Order of the Federal Customs Service of Russia of 27.12.2017 No. 293-p "On the conduct of the experiment. on the separation of customs operations related to the acceptance of DT, submitted in electronic form, and customs operations, preceding the filing of DT ". URL: <http://www.concultantr.ru/> (access date: 09/21/18).
4. Letter of the FCS of Russia of December 25, 2017 No. 01-11 / 73654 "Explanations on the issues of organizing the activities of regional electronic customs and actual control customs". URL: <http://www.concultantr.ru/> (access date: 09/21/18).
5. Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2012 No. 2575-p "On the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2020". URL: <http://www.concultantr.ru/> (access date: 09/21/18).
6. Novikov AB, Nazarov V.P. On some economic and legal aspects of the "sanctions" confrontation between Russia and the Western powers // Journal of legal and economic research. - SPb: Publishing house GIEFPT. - 2014 - № 4- P.24-30.
7. Novikov AB, Vasilyeva T.V., Ragozina N.A. The concept and legal support of import substitution in the Russian Federation // Journal of legal and economic research. - 2016 - № 4. - С.28-34
8. Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2012 No. 2575-p "On the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2020". URL: <http://www.concultantr.ru/> (access date: 09/21/18)
9. Businessmen report that the Federal Customs Service is stuck until November 30, the URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2018/11/29/0013/print> [Electronic resource] (appeal date 01.12.2018).
10. Head of the FCS: 100% of customs declarations in Russia are submitted in electronic form: an interview with the head of the FCS of Russia at the Business FM portal // URL: <https://www.bfm.ru/news/368186> [Electronic resource] (appeal date 06.01.2018).
11. Goncharenko I.A. The main instrument of deoffshorization // Law. 2014. No. 12. P. 21.
12. Goncharenko I.A. UK and EU Tax Dispute Resolution Mechanism: Diss. ... cand. legal sciences. Moscow, 2001

Трудовой договор - основной инструмент управления персоналом

Ходулина Юлия Анатольевна,

статистик информационного обеспечения штаба ОМВД России по Вологодскому району, Владимирский государственный университет, khodulinayulia@mail.ru

В статье рассматривается понятие трудового договора, его содержание в контексте управления персоналом. Автором обосновывается позиция того, что трудовой договор выступает не просто основным инструментом в управлении персоналом, а тем инструментом, который присутствует во всех управленческих методах: административных, социально-психологических и экономических. При очевидной противоположности интересов сторон трудовых отношений, содержащихся в трудовом договоре, автором отмечается, что именно с его помощью, возможно достичь тех результатов и целей, которые ставит перед собой и управляющее звено в лице работодателя работник, что подчеркивает значение трудового договора не только как центрального правового института трудового права, но и инструмента управленческого воздействия. Рассматривается производственное, социальное и правовое значение трудового договора. Особое значение в статье отводится содержанию трудового договора в части обязательных и дополнительных условий.

Ключевые слова: трудовой договор, управление персоналом, методы управления персоналом, содержание трудового договора, обязательные условия трудового договора, дополнительные условия трудового договора, правила внутреннего трудового распорядка.

Первоначально определимся с такими понятиями как «трудовой договор» и «управление персоналом».

Понятие трудового договора имеет нормативную регламентацию, которая закреплена в основном нормативном акте трудового законодательства – Трудовом кодексе РФ. С 01 января 2016 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» трудовой договор - соглашение, которое заключается между двумя сторонами – работником и работодателем, и по которому определяются обязательства этих сторон. Для работодателя такие обязательства заключаются:

во-первых, в предоставлении работнику работы по обусловленной трудовой функции;

во-вторых, в обеспечении условий труда, на основании норм трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашений, локальных нормативных актов и соглашения между работником и работодателем;

в-третьих, в своевременной и в полном размере выплате заработной платы работнику.

Обязательства работника заключаются:

во-первых, в выполнении трудовой функции лично работником, которая определена соглашением между работником и работодателем в интересах, под управлением и контролем работодателя;

во-вторых, в соблюдении правил внутреннего трудового распорядка, которые действуют у работодателя.

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил определение трудового договора указанием на то, что трудовая функция работником выполняется в интересах, под управлением и контролем работодателя. Отметим, что такая идея в сообществе юристов-трудовиков, высказывалась еще в 2013 г. Так, Л. А. Чиканова, А. Ф. Нуртдинова при анализе недобросовестного поведения работодателя по факту не оформления трудового договора с работником, но при фактическом его допуске к работе лицом, которое неуполномочено на совершение таких действий, говорили о том, что работник выполняет трудовую функцию в интересах работодателя, но данная ситуация характеризуется неэффективными управленческими действиями со стороны работодателя и отсутствием должного кон-

троля за работниками [6, с.23]. Поэтому можно говорить, что авторы сформулировали такую правовую конструкцию в понятии трудового договора как выполнение трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя раньше законодателя [1, с.44].

Отличительная особенность трудового договора заключается в том, что работник должен выполнять свои трудовые обязанности лично, он не может передать их третьему лицу (в отличие от гражданско-правового договора). В свою очередь трудовое законодательство охраняет здоровье, жизнь, достоинство конкретного работника, который является одной из сторон трудового договора, защищает его трудовые права.

Присутствие в понятии трудового договора такой обязанности работника как соблюдение правил внутреннего трудового распорядка, которые действуют у работодателя, позволяют работодателю регулировать вопросы трудовой дисциплины, что, несомненно, влияет на эффективность работы персонала и способствует достижению целей организации.

Правила внутреннего трудового распорядка - один из важнейших локальных нормативных актов, который действует у определенного работодателя. Наличие этого документа регламентировано ст. 189 Трудового кодекса РФ. Это требование распространяется на всех работодателей, независимо от форм собственности. Исключение - микропредприятия. С 2017 года они получили право не утверждать локальные нормативные акты, в связи с вступлением в действие норм Федерального закона от 03.07.2016 № 348-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации в части особенностей регулирования труда лиц, работающих у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».

Правила внутреннего трудового распорядка действует только в рамках одного предприятия, конкретизируя нормы Трудового кодекса РФ, федеральных законов и подзаконных актов. Организации вправе самостоятельно разрабатывать данный документ, опираясь на требования ст. 189 Трудового кодекса РФ.

В правилах внутреннего трудового распорядка обязательно должны быть определены:

- порядок приема, перевода и увольнения работников;
- основные права и обязанности сторон трудового договора;
- ответственность сторон за невыполнение установленного порядка;
- режим работы и время отдыха;
- меры поощрения и взыскания.

Далее обратимся к понятию «управление персоналом».

Один из самых авторитетных специалистов в области управления организацией и ее персоналом А.Я. Кибанов понимал под управлением персоналом целенаправленную деятельность руководства и уполномоченных специалистов, которая

представлена разработкой концепции и стратегии кадровой политики, принципов и методов управления персоналом организации [4, с.84].

Весьма интересна трактовка понятия «управление персоналом» В.С. Бредневой, которая рассматривает ее с позиции инструментальной теории права, и представляет в качестве нового вида юридической деятельности, которая направлена на повышение эффективности труда работников за счет использования правовых средств [2, с.64].

В любом случае, управление персоналом - это совокупность определенных действий, цель которых, оптимизировать трудовые ресурсы предприятия для достижения поставленных целей перед организацией с помощью определенных принципов и методов.

Исходя из общей управленческой теории, под методами управления понимаются определенные способы, с помощью которых осуществляется управленческое воздействие на персонал для достижения целей управления организацией. Методы управления могут быть экономическими, административными, социально - психологическими, которые отличаются разными инструментами воздействия на персонал [7, с.34].

Что касается трудового договора, то мы можем говорить о том, что он является основным инструментом управления персоналом, хотя большинство исследователей его рассматривают как инструмент в видовой системе административных методов, что на наш взгляд, не совсем точно отражает его суть. Трудовой договор - это универсальный инструмент, присутствующий во всех управленческих методах, так как именно в его содержании, возможно, отразить практически все методы управленческого воздействия.

Рассмотрим содержание трудового договора более подробно.

Придерживаясь общепризнанных положений науки трудового права, под содержанием трудового договора понимается совокупность условий, которые определяют взаимные права и обязанности работника и работодателя [3, с.43].

Ст. 57 Трудового кодекса РФ содержит нормы об обязательных и дополнительных условиях трудового договора, которые являются его содержанием.

Прежде чем, представить обязательные и дополнительные условия трудового договора, акцентируем внимание, что кроме них в трудовой договор включаются сведения о фамилии, имени, отчестве работника и наименовании работодателя (если работодателем является физическое лицо, то его фамилия, имя, отчество), которые заключили трудовой договор, сведения о документах, удостоверяющих личность работника и работодателя идентификационном номере налогоплательщика, о представителе работодателя и его полномочиях в подписании трудового договора, о месте и дате заключения трудового договора.

К обязательным условиям содержания трудового договора нормы ст. 57 Трудового кодекса РФ относят: место работы, трудовую функцию, дату

начала работы (окончания срока), условия оплаты труда, режим рабочего времени и времени отдыха, гарантии и компенсации при определенных условиях работы, характер работы, условия труда, обязательное социальное страхование работника.

К дополнительным условиям содержания трудового договора нормы ст. 57 Трудового кодекса РФ относят: уточнение места работы, рабочего места, испытание при приеме на работу, неразглашение охраняемой тайны, предусмотренной законодательством РФ, обязанность работника отработать определенное время по ученическому договору, виды и условия дополнительного страхования работника, улучшение социально-бытовых условий работника и членов его семьи, уточнение прав и обязанностей работника и работодателя, дополнительное негосударственное пенсионное обеспечение работника.

Дополнительные условия именуются таковыми, поскольку они имеют место быть или не быть. Решение об их включении принимаются сторонами договора, но учреждаться такие условия могут только в пределах, допускаемых законом. Если сторонами оговорены и приняты дополнительные условия, то они обязательны для исполнения. Так, например, в дополнительные условия трудового договора могут включаться: условие о предоставлении необходимого места в детском дошкольном учреждении, оплата оздоровительного отдыха работника и его семьи, дополнительные выплаты при выходе работника на заслуженный отдых, предоставление заемных средств на определенные нужды работника и т.д.

В трудовой договор можно включить любые дополнительные условия, которые улучшают положение работника по сравнению с действующим трудовым законодательством. В то же время, не могут признаваться действительными условия трудового договора, если они способствуют ухудшению положения работника по сравнению с действующим трудовым законодательством, что установлено ст. 57 Трудового кодекса РФ. При этом договор продолжает действовать, не имеют силы лишь незаконно включенные условия в трудовой договор.

В судебной практике довольно часто встречаются разбирательства в отношении условий трудового договора. Работодатель зачастую включает те условия, которые ухудшают положение работника по сравнению с действующим законодательством. Примером может служить апелляционное определение от 12 декабря 2017 г. по делу № 33-50578/2017 Московского городского суда, который признал включение в трудовой договор условия об испытательном сроке превышающем три месяца (такой срок устанавливается по общему правилу) незаконным, что явилось основанием вынесенного решения о восстановлении работника, который был уволен за неудовлетворительный результат испытания, так как такой срок превышал три месяца (в договоре был оговорен шестимесячный испытательный срок).

Изменение условий трудового договора, включая переводы на другую работу, перемещения яв-

ляется основанием изменения трудового правоотношения, а прекращение трудового договора разрывает юридическую связь между работником и работодателем, тем самым прекращается и само трудовое правоотношение.

Исходя из содержания трудового договора, можно говорить, что его условия, возможно, рассматривать как определенные инструменты управленческого воздействия, представленные как в административных, социально-психологических так и экономических методах. Более того, в данном случае речь идет не просто об инструментах управленческого воздействия, а о правовой природе этих инструментов. Именно поэтому мы и высказываем нашу точку зрения о трудовом договоре как универсальном инструменте управленческого воздействия на персонал, в связи с этим определяя его приоритетное значение среди других инструментов.

Рассмотрим значение трудового договора в управлении персоналом, представляя его производственное, социальное и правовое содержание [5, с.82].

Производственное значение трудового договора состоит в том, что он является основной формой в привлечении, распределении, перераспределении, закреплении и рациональном использовании рабочей силы, трудовых ресурсов.

Социальное значение трудового договора состоит в том, что он обеспечивает занятость и свободу труда.

Правовое значение трудового договора состоит в том, что он является основанием возникновения трудового правоотношения. Заключив трудовой договор, на работника и работодателя распространяются взаимные права и обязанности, а за их ненадлежащее исполнение, либо неисполнение в целом, применяются меры юридического воздействия, предусмотренного нормами трудового права. Стоит отметить, что права и обязанности, а также все юридические последствия могут наступить для работника и работодателя как в случае надлежащего оформления трудового договора, т.е. в письменной форме, так и без такого оформления, если работник фактически был допущен к работе уполномоченным на то лицом.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что трудовой договор, с одной стороны, занимает одно из центральных мест среди институтов трудового права, а с другой стороны выступает наиболее значимым инструментом управления персоналом. Содержание трудового договора регулируется законодательством и сторонами, что отражает свободу договора и позволяет включать в него те условия, которые будут способствовать достижению целей организации на взаимовыгодных условиях как для работника, так и работодателя.

Литература

1. Балицкий, К.С. Влияние доктрины трудового права на формирование законодательной дефиниции понятия «трудовой договор»/

К.С.Балицкий//Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3. С. 41-46.

2. Бреднева, В.С. Управление персоналом как новый вид юридической деятельности (на примере России и Японии)/ В.С.Бреднева //Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 63-65.

3. Лазор, В.В. Содержание трудового договора в современных условиях: анализ правового регулирования и проблемные вопросы/В.В. Лазор //Актуальные проблемы права: теория и практика. 2016. № 34. С. 42-50.

4. Управление персоналом организации: учебник/под ред. А.Я.Кибанова. – 4-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 695 с.

5. Цуканова, Н.П. Значение трудового договора в организации трудовых отношений/Н.П.Цуканова//Современное общество и право. 2015. № 2. С. 81-88.

6. Чиканова, Л.А. Практика применения законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора/Л.А.Чиканова, А.Ф.Нуртдинова//Хозяйство и право. 2013. № 1 (приложение). С. 2-35.

7. Шарапова, В.М. Система и методы управления персоналом/В. М.Шарапова, Н.В.Шарапова, И.А.Борисов//Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 8. С. 33-35.

8. Социология управления: Учебник для аспирантов / Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А. Москва, 2016.

9. Полаева Г.Б., Азатян С.А. Проблемы функционирования рынка труда в Омской области // Российское предпринимательство. 2012. № 9. С. 123.

Employment contract - the main tool of personnel management Khodulina Yu.A.

Vladimir state University

The article deals with the concept of employment contract, its content in the context of personnel management. The author substantiates the position that the employment contract is not just the main tool in personnel management, but the tool that is used in all management methods: administrative, socio-psychological and economic. Despite of the obvious opposite of the interests of the parties of the employment relationship that contains in the employment contract, the author notes that only with the help of the employment contract it is possible to achieve the results and goals set by the employer and the employee. It emphasizes the importance of the employment contract not only as a central legal institution of labor law, but also as the tools of managerial influence. The article considers the industrial, social and legal significance of the employment contract. Special importance in the article is given to the content of the employment contract in terms of obligatory and additional conditions.

Keywords: employment contract, personnel management, methods of personnel management, the content of the employment contract, the obligatory terms of the employment contract, additional conditions of the employment contract, rules of the internal labor regulations.

References

1. Balitsky, K.S. The influence of the doctrine of labor law on the formation of the legislative definition of the concept of "labor contract" / KS Balitsky // Russian law: education, practice, science. 2017. No. 3. P. 41-46.
2. Bredneva, V.S. Human resource management as a new kind of legal activity (on the example of Russia and Japan) / V.S. Bredneva // Theory and practice of social development. 2015. No. 15. S. 63-65.
3. Lazor, V.V. The content of the employment contract in modern conditions: an analysis of legal regulation and problem issues / V.V. Lazor // Actual problems of law: theory and practice. 2016. No. 34. P. 42-50.
4. Management staff of the organization: the textbook / ed. A.Ya.Kibanova. - 4th ed., Ext. and pererabat. - M.: INFRA-M, 2018. - 695 p.
5. Tsukanova, N.P. The value of the employment contract in the organization of labor relations / N.P.Tsukanova // Modern society and the law. 2015. No. 2. S. 81-88.
6. Chikanova, L.A. Practice of application of legislation regulating the conclusion, amendment and termination of an employment contract / L.A. Chikanova, A.F. Nurtidinova // Economy and law. 2013. № 1 (Appendix). S. 2-35.
7. Sharapova, V.M. System and methods of personnel management / V. M.Sharapova, N.V.Sharapova, I.A.Borisov // Intellect. Innovation. Investments. 2017. No. 8. P. 33-35.
8. Sociology of management: A textbook for graduate students / Aфонин I. D., Buzmakova T. I., Kirilina T. Yu., Mumladze R. G., Smirnov V. A. Moscow, 2016.
9. Polaeva G. B., Azatyan S. A. Problems of the functioning of the labor market in the Omsk region // Russian Journal of Entrepreneurship. 2012. No. 9. P. 123.

Глобальное изменение климата: пути правового регулирования в Бразилии

Джандубаева Татьяна Зурабовна,

кандидат географических наук, кафедра земельного и экологического права, Российский университет дружбы народов, djandubaeva@yandex.ru

Ерофеева Карина Юрьевна,

ассистент, Российский университет дружбы народов, кафедра земельного и экологического права, narika90@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению правовых норм Бразилии по проблеме регулирования изменения климата. Выделены основные нормативно-правовые акты регулирующие вопросы сохранения качества окружающей природной среды. Дан краткий анализ по ведению национальной экологической политики, специфике контроля за соблюдением природоохранного законодательства, видам ответственности за экологические нарушения. Охарактеризованы некоторые законодательные аспекты, предполагающие минимизацию антропогенного воздействия на атмосферу, через уменьшение количественных и качественных показателей выбросов.

Ключевые слова: Изменения климата, Бразилия, национальная экологическая политика, законодательное регулирование, деградация, окружающая среда.

В современном мире проблемы, связанные с изменениями климата, становятся особенно значимым направлением в развитии законодательства государств. Масштаб и критические последствия стихийных природных аномалий в виде наводнений, засух, пожаров, температурных колебаний, ураганов, а также изменения особо важных для жизнедеятельности человека показателей, таких как озоновый слой, газовый состав атмосферы, радиационное загрязнение и другие изменения в биосфере, неоспоримы.

В настоящее время, Бразилия является активно и стабильно развивающейся страной, поэтому проблема правового регулирования аспектов, влияющих на климатические изменения особенно актуальна для этой территории. Научные исследования показывают, что последствия климатических флуктуаций, которые могут проявиться к 2050 году, подвергнут риску функционирование урбанизированных территорий, что приведет к распространению эпидемий, угрозе стабильности водной и энергетической инфраструктур, сбою работы транспортной системы. На северо-востоке страны, где уже сегодня есть проблема дефицита воды, ситуация усугубится, что в последствии приведет к деградации земель и ограничению в ведении сельского хозяйства. В связи с чем, понимание характера и размера негативного воздействия имеет решающее значение для разработки законопроектов, регламентирующих сохранение качества окружающей природной среды.

Бразильское природоохранное законодательство весьма обширно, включает в себя правовые нормы, регулирующие отношения в сфере взаимодействия общества и природы. Основные положения, регулирующие правовые аспекты связанные с изменением климата отражены в следующих законодательных актах:

- Федеральная Конституция Бразилии 1988г;
- Бразильская экологическая политика (Закон № 6938 от 31 августа 1981 года);
- Закон об экологических преступлениях (Закон № 9605 от 12 февраля 1998 года);
- Закон об административных правонарушениях (Декрет № 6514 от 22 июля 2008 года);
- Бразильская политика в области изменения климата (Закон № 1287 от 29 декабря 2009 года);
- Бразильская политика управления твердыми отходами (Закон № 12305 от 2 августа 2010 года);
- Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 09.05.1992 г;

• Киотский протокол к Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, 11.12.1997 г;

• Парижское соглашение в рамках Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, 12. 12. 2015 г.

Сохранение, улучшение и восстановление качества окружающей среды для обеспечения социально-экономического развития, интересов национальной безопасности и защиты прав человека - основа экологической политики Бразилии (Федеральный закон № 6938 / 1981).

Соблюдение природоохранного законодательства, через уменьшение нагрузки и восстановление окружающей среды, компенсирование причиненного экологического ущерба компонентам природы, приоритетно в политике государства, в связи с чем, на основании Закона № 6938/81 создана Национальная экологическая система (SISNAMA), включающая:

1. Национальный совет по окружающей среде (CONAMA), в качестве консультативного и совещательного агентства по окружающей среде;

2. Министерство охраны окружающей среды, как центральный орган по охране окружающей среды;

3. Бразильский институт окружающей среды и возобновляемых источников (IBAMA), в качестве федерального органа надзора;

4. региональные органы - такие как государственные агентства по окружающей среде;

5. местные органы - местные агентства по охране окружающей среды.

В соответствии с политикой, изложенной в Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата («РКИК ООН») ²², а также в соответствии с целями, установленными в период действия Киотского протокола, Бразилия разработала свои собственные руководящие принципы и цели по сокращению негативного воздействия на природу, которые нашли свое отображение в Национальной политике по изменению климата (Федеральный закон № 12187/2009) ²³. В соответствии с чем, бразильское Правительство взяло на себя обязательства по достижению сокращения выбросов газов. Несмотря на то, что до сих пор официальными органами государственной власти не осуществлялась система торговли выбросами, сертифицированные сокращения выбросов (CER) могут продавать частные стороны.

Действующее законодательство предусматривает конкретные руководящие принципы по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, а также по нормам выбросов, но не регламентирует ограничения на выбросы парниковых газов. Одна-

ко, деятельность предполагающая антропогенную нагрузку на компоненты окружающей среды, подлежит предварительному лицензированию. Согласно регламенту, во время процесса лицензирования, компетентные органы могут потребовать принятия дополнительных мер контроля, улучшения технического оборудования и периодического мониторинга выбросов газа. Положения, принятые Национальной политикой по изменению климата, являются важным шагом, поскольку Бразилия приняла национальное добровольное обязательство по сокращению выбросов газов, с целью снижения уровня выбросов до пятнадцати процентов к 2020 году.

Федеральная Конституция Бразилии ²⁴ закрепляет обязанность по сохранению окружающей среды для будущих поколений и устанавливает ответственность за экологические нарушения для физических и юридических лиц, а также обязанности по возмещению ущерба окружающей среде. Ужесточение ответственности, является предпосылкой для реализации эффективной экологической политики Бразилии. Так, например, в настоящее время, согласно Федеральному декрету № 6514 / 2008, любое действие или бездействие, нарушающее правовые нормы, касающиеся использования, поддержки, защиты и восстановления окружающей среды, считается нарушением и влечет за собой административную ответственность, которая предполагает следующие санкции: предупреждение, штраф, эмбарго на строительство или деятельность, снос здания, частичное или полное приостановление деятельности, ограничение прав. Гражданская ответственность вытекает из действия или бездействия, которые приводят к экологическому ущербу любого типа. Применимое наказание - устранение или компенсация ущерба, причиненного окружающей среде, а также ущерба, причиненного третьим лицам. В соответствии с Федеральным законом № 9605/1998 экологическая уголовная ответственность распространяется на физических и юридических лиц и зависит от вины или умысла.

Проблема изменения климата очень важна для стабильности как отдельных государств, так и всего мира в целом, в связи с чем совершенствование законодательства по вопросам охраны климата является приоритетным. В части более активного и комплексного решения данной проблемы, правовой механизм регулирования будет наиболее действенным и эффективным методом. Именно через законодательство в Бразилии возможно: регулирование снижения объема выбросов парниковых газов, переход на новые источники энергии, повышение энергоэффективности, использование наиболее современных экологически безопасных технологий, а также стимулирование хозяйствующих субъектов по сокращению антропогенного

²² Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 09.05.1992г // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

²³ Закон № 12187 от 29.12.2009 «Национальная политика Бразилии по изменению климата» // <http://www.braziliannr.com/brazilian-environmental-legislation/law-no-12187-brazilian-national-policy-on-climate-change/>

²⁴ Конституция Бразилии от 1988 (с изменениями от 14.12.2017) // https://www.imprensaoficial.com.br/downloads/pdf/Constituicoes_declaraao.pdf

воздействия на климат, через такие методы, как налоговые льготы и субсидирование.

Литература

- Э. Кокотсис «Глобальное управление в сфере изменения климата: достижения и перспективы» // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-upravlenie-v-sfere-izmeneniya-klimata-dostizheniya-i-perspektivy>
- Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 09.05.1992г // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convention_s/climate_framework_conv.shtml
- Киотский протокол к Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата; Киото, 11.12.1997г // <http://base.garant.ru/12131392/>
- Парижское соглашение в рамках Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, 12. 12. 2015г // <https://unfccc.int/process/conferences/pastconferences/paris-climate-change-conference-november-2015/paris-agreement>
- Конституция Бразилии 1988 (с изменениями от 14.12.2017)// https://www.imprensaoficial.com.br/downloads/pdf/Constituicoes_declaracao.pdf
- Закон № 12187 от 29.12.2009 «Национальная политика Бразилии по изменению климата» // <http://www.brazilinnr.com/brazilian-environmental-legislation/law-no-12187-brazilian-national-policy-on-climate-change/>

Global Climate Change: Legal Regulation in Brazil

Dzhandubaeva T.Z., Erofeeva K.Yu.

Peoples' friendship university of Russia

The article is initiated to the consideration of Brazil's legal regulations of climate change regulation. The main legal acts which regulate the preservation of the quality of the environment are separates. A brief analysis of the conduct of national environmental policy, the specifics of monitoring compliance with environmental legislation, the types of liability for environmental violations is given. Some of the legislative aspects of minimizing the anthropogenic impact on the atmosphere through the reduction of quantitative and qualitative indicators of emissions are characterized.

Keywords: climate change, Brazil, national environmental policy, legislative regulation, degradation, environment.

References

1. E. Kokotsis "Global Climate Change Governance: Achievements and Prospects" // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-upravlenie-v-sfere-izmeneniya-klimata-dostizheniya-i-perspektivy>
2. United Nations Framework Convention on Climate Change dated 05/09/1992 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
3. Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change; Kyoto, 12/11/1997 // <http://base.garant.ru/12131392/>
4. Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change, 12. 12. 2015 // <https://unfccc.int/process/conferences/pastconferences/paris-climate-change-conference-november-2015/paris-agreement>
5. The Constitution of Brazil 1988 (as amended on 12/14/2017) // https://www.imprensaoficial.com.br/downloads/pdf/Constituicoes_declaracao.pdf
6. Law No. 12187 of December 29, 2009, "Brazil's National Policy on Climate Change" // <http://www.brazilinnr.com/brazil-environmental-legislation/law-no-12187-brazilian-national-policy-on-climate-change/>

Паспорт продовольственной безопасности региона в правовом механизме обеспечения продовольственной безопасности

Ирошников Денис Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Российского университета транспорта (МИИТ), dv-iroshnikov@mail.ru

В статье в рамках анализа механизма правового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации обосновывается необходимость введения Паспорта продовольственной безопасности региона. Автор предлагает понятие паспорта безопасности, а также анализирует подобные документы в других сферах. Предполагается, что Паспорт продовольственной безопасности региона должен реализовываться на уровне субъекта Российской Федерации и на уровне местного самоуправления (муниципального района).

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; продовольственная безопасность; региональная безопасность; паспорт безопасности.

На сегодняшний день вопросы региональной безопасности играют важную роль в системе обеспечения национальной безопасности России. на региональном уровне обеспечиваются общественная, пожарная, экологическая, информационная, экономическая и иные виды национальной безопасности.

Весьма важный аспект в рамках повышения качества жизни населения страны в настоящее время принадлежит вопросам продовольственной безопасности. В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, на состояние экономической безопасности существенное влияние начинают оказывать факторы, связанные с глобальным изменением климата, способные вызвать дефицит продовольствия и пресной воды, обострить конкуренцию за доступ к возобновляемым ресурсам, в том числе к ресурсам Арктической и Антарктической зон, акваторий Северного Ледовитого океана²⁵.

Особенно следует отметить региональную продовольственную безопасность, поскольку именно на региональном уровне необходимо осуществлять контроль экономической и физической доступности продовольствия, а также качества и безопасности пищевых продуктов.

По мнению Н.И. Денисовой, проблема значительных различий между производством продовольствия и потребностью в нем на территории различных регионов страны порождает проблему продовольственного обеспечения регионального уровня²⁶. Э.Н. Крылатых отмечает, что изучение национального агропродовольственного рынка и его региональных сегментов – одно из важнейших направлений в проблематике продовольственной безопасности²⁷. К разнovidностям региональных угроз ученые сегодня относят «стагнацию воспроизводства продовольствия, его качества и биоло-

²⁵ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»

²⁶ Денисова Н.И. Механизм продовольственной безопасности региона: современное состояние, проблемы, перспективы: монография / Моск. ун-т им. С.Ю. Витте; ф-л Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Рязани – М., 2016. С. 18.

²⁷ Крылатых Э.Н. Концепции и методологические основы изучения продовольственной безопасности // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России. – М., 2014. С. 5.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00704 «Функции органов местного самоуправления в механизме обеспечения продовольственной безопасности».

гической безопасности»²⁸. Данные позиции ученых говорят о необходимости комплексного исследования региональной продовольственной безопасности Российской Федерации.

В целях понимания региональной продовольственной безопасности обратимся к понятию «регион». Сегодня существует множество различных аспектов понимания региона. Как правило, в него включаются территориальные, экономические, а также социокультурные факторы. В частности, Л.А. Смагина толкует регион как территориальную экономическую общность людей и социальные условия ее жизнедеятельности²⁹.

В утвержденных Президентом Российской Федерации в 2017 году Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года содержится понятия «регион» и «макрорегион».

Регион понимается как часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации. Макрорегион определяется как часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования³⁰.

Несмотря на то, что понятие «региональная безопасность» не закреплено в действующем российском законодательстве и документах стратегического планирования, на практике существует нормативная основа ее обеспечения.

Нам представляется, что в рамках федеративной природы Российской Федерации можно выделить три уровня региональной безопасности: уровень федерального округа; уровень субъекта РФ; уровень муниципального образования.

В настоящее время определенную роль в обеспечении региональной безопасности играют так называемые паспорта безопасности.

Паспорт определяется как официальный документ, содержащий сведения о лице, объекте, например паспорт предприятия, паспорт здания, технический паспорт машины³¹.

Паспорт безопасности можно определить как официальный документ того или иного объекта, содержащий информацию о его защищенности, а также об угрозах и рисках, и показателях устойчивого развития. Объект в данном определении рас-

сматривается в широком смысле: это может быть и субъект Российской Федерации, и населенный пункт, и какое-либо предприятие, здание, сооружение и т.п.

В настоящее время Приказом МЧС от 25 октября 2004 г. был утвержден типовой паспорт безопасности территорий субъектов РФ и муниципальных образований³². Типовой паспорт был разработан в соответствии решением совместного заседания Совета Безопасности Российской Федерации и президиума Государственного совета Российской Федерации от 13 ноября 2003 года «О мерах по обеспечению защищенности критически важных для национальной безопасности объектов инфраструктуры и населения страны от угроз техногенного, природного характера и террористических проявлений».

В науке имеется предложение расширить спектр данного паспорта и законодательно закрепить необходимость наличия у каждого региона Паспорта региональной безопасности субъекта Российской Федерации. В документе предлагается закрепить жизненно важные интересы региона, угрозы интересам региона, состояние защищенности национальных интересов в регионе и степень их реальной деформации в различных сферах жизни в зависимости от имеющихся ресурсов³³. Нам представляется, что практическая реализация такого предложения будет затруднительна, поскольку региональная безопасность – сложная и комплексная категория, включающая множество различных составляющих. Отразить все эти показатели в рамках одного документа, на наш взгляд, не представляется возможным.

Сегодня существует также паспорт антитеррористической защищенности. Постановлением Правительства РФ № 272 от 25 марта 2015 г. утверждены форма паспорта безопасности мест массового пребывания людей и паспорта безопасности объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации³⁴. В рамках обеспечения безопасности мест массового пребывания людей ключевую роль играют исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, либо глава муниципального образования. Таким образом, это одна из сфер деятельности по обеспечению региональной безопасности.

²⁸ Пашковский П.В. Региональная безопасность российской федеративной государственности в институционально-правовом измерении Дисс. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2009. С. 92.

²⁹ Смагина Л.А. Региональная политика в современной России. М., 2011. С. 21.

³⁰ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс»

³¹ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. - М., 2011. С. 213.

³² Приказ МЧС РФ от 25 октября 2004 г. № 484 «Об утверждении типового паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СПС «КонсультантПлюс»

³³ Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ). Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 97.

³⁴ Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» // СПС «КонсультантПлюс»

Существуют также «Паспорт безопасности объекта спорта»¹, «Паспорт безопасности объекта та топливно-энергетического комплекса»² и др.

Важную роль в совершенствовании системы продовольственной безопасности России сыграло прошедшее 4 октября 2016 года совместное заседание Президиума Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации и Совета по вопросам агропромышленного комплекса и природопользования при Совете Федерации на тему: «Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации».

В принятом по результатам совещания решении были вынесены рекомендации органам государственной власти по принятию организационных, экономических и правовых мер по совершенствованию системы обеспечения продовольственной безопасности.

К важнейшим правовым составляющим решения можно отнести рекомендацию Администрации Президента Российской Федерации рассмотреть возможность внесения изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, предусматривающих установление критериев обеспеченности овощами, фруктами, пищевой продукцией специального назначения, включая продукцию для детского питания, критериев обеспечения физической и экономической доступности продовольствия для населения, а также дополнения показателей, используемых для оценки состояния продовольственной безопасности, показателями, характеризующими развитие пищевой и перерабатывающей промышленности.

По мнению ученых, новая парадигма должна базироваться на научно обоснованном месте и вкладе каждого субъекта Российской Федерации в осуществление продовольственной безопасности страны в рамках территориального разделения труда, обеспечивающего высокую экономическую и социальную эффективность при решении данной задачи³.

В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации прописано, что в области организации и управления обеспечением продовольственной безопасности необходимо осуществлять мониторинг, прогнозирование и контроль состояния продовольственной безопасности.

Учитывая изложенное, нам представляется необходимым ввести «Паспорт продовольственной безопасности региона» с обязательным утвержде-

нием такого документа на уровне местного самоуправления (муниципального района), а также на уровне субъекта Российской Федерации. Документ должен учитывать особенности каждого конкретного региона, в том числе связанные с географическими и климатическими показателями, развитием сельского хозяйства и других форм продовольствия, удаленности и транспортной доступности региона, финансовым благополучием и другими.

Возникает вопрос о том, какие критерии должен включать в себя паспорт продовольственной безопасности региона?

Логично было бы включить в Паспорт показатели продовольственной безопасности, прописанные в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. Речь идет о показателях: а) в сфере потребления; б) в сфере производства и национальной конкурентоспособности; в) в сфере организации управления (п. 7).

В рамках формирования и развития товаропроводящей и логистической инфраструктуры агропродовольственного рынка в Паспорт можно включить показатели обеспеченности населения площадью торговых объектов по продаже продовольственных товаров, торговыми объектами местного значения, нестационарными торговыми объектами по продаже продовольственных товаров, нестационарными торговыми объектами по продаже продукции общественного питания, торговыми местами на розничных рынках, на которых осуществляется продажа сельскохозяйственных и продовольственных товаров⁴.

Для формирования содержания Паспорта продовольственной безопасности региона можно рассмотреть критерии продовольственной безопасности, выработанные в науке.

Н.И. Денисова выделяет следующие условия обеспечения продовольственной безопасности: количественный аспект, качественный аспект и социально-экономический аспект⁵.

По мнению А.А. Курбатова, для обеспечения продовольственной безопасности региона могут использоваться и иные оценочные критерии: эффективная организация розничной и оптовой торговли, равномерное обеспечение и поддержание достаточно широкого, сбалансированного ассортимента продтоваров, размер сезонных запасов продукции и др. Продовольственное обеспечение региона определяется также уровнем доходов населения, действующими на местных продовольственных рынках ценами, уровнем развития личного подсобного хозяйства сельских и пригород-

¹ Постановление Правительства РФ от 06.03.2015 № 202 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов спорта и формы паспорта безопасности объектов спорта» // СПС «КонсультантПлюс»

² Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс»

³ Костяев А.И., Никонова Г.И. О необходимости новой парадигмы продовольственной безопасности России // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России. – М.: ВИАПИ имени А.А. Новикова: Энциклопедия российских деревень, 2014. С. 6.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2012 № 559-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ Денисова Н.И. Указ. соч. С. 22-24.

ных жителей, промышленным развитием и рядом демографических и географических факторов¹.

Авторы монографии «Продовольственная безопасность региона» показатели обеспечения продовольственной безопасности региона условно делят на следующие группы:

1. Натуральные/абсолютные (удельные – на душу населения) показатели производства (потребления) запасов по основным продуктам питания и питательным веществам.

2. Относительные (относительный уровень потребления (производства) в целом и по отдельным видам, группам продуктов относительно оптимального базового уровня потребления (производства)).

3. Техничко-экономические – показатели, характеризующие экономическое состояние АПК (финансово-кредитные показатели) и состояние материальной базы АПК.

4. Социально-демографические – показатели воспроизводства населения и динамики трудовых ресурсов в сельской местности².

Помимо показателей, характеризующих продовольственную безопасность, в Паспорте должны быть отражены основные угрозы и риски продовольственной безопасности того или иного региона.

Необходимо отметить, что Паспорт продовольственной безопасности будет являться инструментом для инвестиционной привлекательности того или иного муниципального образования. По мнению Ю.А. Акиндеева, поскольку в большинстве случаев их бюджеты являются дефицитными, для них единственным путем повышения продовольственной безопасности своей территории является инвестиционный путь, а одним из направлений его реализации является разработка, принятие и исполнение комплексных целевых программ инвестиционной привлекательности территории муниципального образования³.

Паспорт продовольственной безопасности региона должен способствовать мониторингу общей картины обеспечения продовольственной безопасности в России, прогнозированию угроз продовольственной безопасности в том или ином регионе, а также возможность более плотного межрегионального сотрудничества в рамках обеспечения продовольственной независимости. Документ особенно важен в условиях действующих в отношении России продовольственных санкций и проводимой в ответ на них политики импортозамещения.

Литература

¹ Курбатов А.А. Обеспечение продовольственной безопасности региона. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Краснодар, 2005. С. 9.

² Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. – Вологда, 2014. С. 11.

³ Акиндеев Ю. А. Инвестиционная политика на муниципальном уровне как фактор стабилизации продовольственного рынка // Альманах современной науки и образования. № 10 (65) 2012. С. 13.

1. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс»

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»

3. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс»

4. Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» // СПС «КонсультантПлюс»

5. Постановление Правительства РФ от 06.03.2015 № 202 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов спорта и формы паспорта безопасности объектов спорта» // СПС «КонсультантПлюс»

6. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2012 № 559-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс»

7. Приказ МЧС РФ от 25 октября 2004 г. № 484 «Об утверждении типового паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СПС «КонсультантПлюс»

8. Акиндеев Ю. А. Инвестиционная политика на муниципальном уровне как фактор стабилизации продовольственного рынка // Альманах современной науки и образования. № 10 (65) 2012.

9. Денисова Н.И. Механизм продовольственной безопасности региона: современное состояние, проблемы, перспективы: монография / Моск. ун-т им. С.Ю. Витте; ф-л Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Рязани – М., 2016.

10. Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ). Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

11. Костяев А.И., Никонова Г.И. О необходимости новой парадигмы продовольственной безопасности России // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России. – М.: ВИАПИ имени А.А. Новикова: Энциклопедия российских деревень, 2014.

12. Крылатых Э.Н. Концепции и методологические основы изучения продовольственной безопасности // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России. – М., 2014.

13. Курбатов А.А. Обеспечение продовольственной безопасности региона. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Краснодар, 2005.

14. Пашковский П.В. Региональная безопасность российской федеративной государственности в институционально-правовом измерении Дисс. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2009.

15. Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. – Вологда, 2014.

16. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. - М., 2011.

17. Смагина Л.А. Региональная политика в современной России. М., 2011.

18. Постуглеводородная экономика: вопросы перехода / Телегина Е.А., Сорокин В.П., Халова Г.О., Мастепанов А.М., Бессель В.В., Полаева Г.Б., Еремин С.В., Студеникина Л.А., Афанасьева М.В., Громов А.И., Иванов Н.А., Йорданов С.Г., Иллерицкий Н.И., Рева А.Р. Москва, 2017.

Food safety data sheet of the region in the legal mechanism for ensuring food security

Iroshnikov D.V.

Russian University of Transport (MIIT)

The article in the framework of the analysis of the mechanism of legal provision of food security of the Russian Federation substantiates the need for the introduction of the Passport of food security in the region. The author proposes the concept of a security passport, as well as analyzes such documents in other areas. It is supposed that the Passport of food security of the region has to be realized at the level of the subject of the Russian Federation and at the level of local government (municipal area).

Key words: security; national security; food security; regional security; safety data sheet.

References

1. Federal Law of July 21, 2011 No. 256-ФЗ "On Security of Fuel and Energy Complex Facilities" // ATP Consultant Plus
2. Presidential Decree of 13.05.2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030" // ATP "Consultant Plus"
3. Presidential Decree of January 16, 2017 No. 13 "On the Approval of the Fundamentals of the State Policy on Regional Development of the Russian Federation for the Period up to 2025" // ATP Consultant Plus
4. Decree of the Government of the Russian Federation of March 25, 2015 No. 272 "On approval of requirements for the antiterrorist protection of places of mass stay of people and objects (territories) subject to mandatory protection by troops of the National Guard of the Russian Federation, and forms of safety data sheets of such places and objects (territories) »// ATP" Consultant Plus "

5. Decree of the Government of the Russian Federation of 06.03.2015 No. 202 "On Approval of Requirements for the Anti-Terrorism Security of Sports Objects and the Form of a Safety Data Sheet of Sports Objects" // ATP Consultant Plus
6. Order of the Government of the Russian Federation of April 17, 2012 No. 559-p (as amended on January 13, 2017) "On the approval of the Strategy for the development of the food and processing industry of the Russian Federation for the period up to 2020" // ATP Consultant Plus
7. Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation of October 25, 2004 No. 484 "On Approval of a Type Safety Data Sheet of the Territories of the Subjects of the Russian Federation and Municipalities" // SPS Consultant Plus
8. Akindeev Yu. A. Investment policy at the municipal level as a factor in stabilizing the food market // Almanac of modern science and education. № 10 (65) 2012.
9. Denisov N.I. The mechanism of food security in the region: current state, problems, prospects: monograph / Mosk. un-t them. S.Y. Witte; fl Mosk. un-that them. S.Y. Witte in Ryazan - M., 2016.
10. Kiryanov A.Yu. Regional security in the conditions of modern Russia (general legal analysis). Diss. ... Cand. legal sciences. M., 2006.
11. Kostyaev A.I., Nikonova G.I. On the need for a new paradigm of food security in Russia // Theoretical and methodological problems of measuring, predicting and managing food security in Russia. - M.: VIPI named after A.A. Novikova: Encyclopedia of Russian Villages, 2014.
12. Winged E.N. Concepts and methodological foundations of the study of food security // Theoretical and methodological problems of measurement, prediction and management of food security in Russia. - M., 2014.
13. Kurbatov A.A. Ensuring food security in the region. Author. diss. ... Cand. economy sciences. Krasnodar, 2005.
14. Pashkovsky P.V. Regional security of the Russian federal statehood in the institutional and legal dimension Diss. ... Cand. legal sciences. Taganrog, 2009.
15. Food security of the region: monograph / T.V. Uskova, R.Yu. Selimenkov, A.N. Anishchenko, A.N. Chekavinsky. - Vologda, 2014.
16. Raizberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva Ye.B. Modern economic dictionary. - 6th ed., Pererab. and add. - M., 2011.
17. Smagin L.A. Regional policy in modern Russia. M., 2011.
18. Post-hydrocarbon economy: transition issues / Telegin E.A., Sorokin V.P., Halova G.O., Mastepanov A.M., Bessel V.V., Polaeva G.B., Eremin S.V., Studenikina L.A., Afanasyeva M.V., Gromov A.I., Ivanov N.A., Yordanov S.G., Illeritsky N.I., Reva A.R. Moscow, 2017.

О реализации конституционного права жителей населенных пунктов на благоприятную окружающую среду в земельном и градостроительном законодательстве

Тимофеева Ольга Владимировна,

соискатель, начальник правового управления СПб ГКУ «НИПЦ Генплана Санкт-Петербурга», kimlel@mail.ru

Автором настоящей статьи проводится системный анализ земельного и градостроительного законодательства с целью выявления правовых проблем реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду, предусмотренного статьей 42 Конституции Российской Федерации. Исследуются правовые последствия внесенных в Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» изменений для обеспечения реализации указанного права и существующие экологические требования, предъявляемые к нормативным правовым актам в сфере градостроительства. Сопоставляются ранее действовавшие правовые механизмы обеспечения экологических интересов жителей населенных пунктов с действующими нормами Земельного и Градостроительного кодексов Российской Федерации, выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: земельное законодательство, землеустройство, объекты землеустройства, градостроительное законодательство, право на благоприятную окружающую среду, пригородные зоны,

За период с 2008 по 2017 гг. в развитие положений пункта 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), определяющего земельный участок как недвижимую вещь, объект права собственности, в земельное законодательство были внесены существенные коррективы.

Так, изменения, внесенные в Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве», коснулись не только перечня объектов землеустройства (в части исключения из их числа земельных участков и границ зон с особыми условиями использования, территориальных зон), но и субъектного состава участников землеустроительного процесса, юридических и технических требований к совершаемым действиям в целях упрощения порядка формирования объектов учета и внесения сведений о них в единый реестр недвижимости. Также подверглась соответствующим изменениям система государственного кадастрового учета и регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним¹.

В связи с этим представляет интерес исследование вопроса о том, как данная реформа корреспондирует с провозглашенными частью 1 статьи 9, статьей 42 Конституции Российской Федерации и подпунктом 1 пункта 1 ст. 1 ЗК РФ основополагающими принципами необходимости учета значения земли как основы жизни и деятельности человека, как природного ресурса, а также правом каждого на благоприятную окружающую среду.

При поверхностном изучении нормативных актов, согласно которым были внесены изменения в систему землеустройства², может создаться впечатление, что вышеупомянутые изменения носят лишь технический характер и имеют своей целью исключительно упрощение процедур формирования земельных участков и внесения сведений о них в единый государственный реестр недвижимости, снижение административных барьеров при приобретении прав на земельные участки.

Однако, несмотря на возможные сиюминутные выгоды для участников гражданского оборота,

¹ Усович Л.В. Некоторые аспекты регулирования кадастровой деятельности в контексте проводимой реформы системы государственной регистрации и кадастрового учета // «Имущественные отношения в Российской Федерации», № 6, июнь 2015 г.

² См. Федеральный закон от 31.12.2017 № 507-ФЗ, Федеральный закон от 13.07.2015 № 252-ФЗ, Федеральный закон от 13.05.2008 № 66-ФЗ и др.

представляется значимым при внесении подобных комплексных изменений в земельное законодательство учитывать и менее очевидные на первый взгляд последствия, связанные с влиянием упрощенного порядка формирования и приобретения прав на земельные участки на экологические права и законные интересы населения в целом.

Так, с исключением земельных участков из перечня объектов землеустройства в соответствии с Федеральным законом от 13.05.2008 № 66-ФЗ была окончательно утрачена взаимосвязь вопросов их формирования с необходимостью проведения соответствующих исследований и разработки документации (атласов, картографических и иных материалов) как правовой и технической основы определения границ.

Однако сложно переоценить значимость разработки землеустроительной документации, изучения состояния, закономерностей территориального распределения и обустройства обширных территорий для обеспечения эффективного использования всего земельно-ресурсного потенциала и создания социально-ориентированной рыночной экономики³.

Действительно, ранее действовавшая редакция закона также не содержала прямого указания на необходимость сопоставления сведений, содержащихся в документации, изготавливаемой для определения границ земельных участков, с иной землеустроительной документацией. Однако изначально сам факт отнесения их к одной группе документов свидетельствовал, как минимум, об их декларативной взаимосвязи, а правовые пробелы не исключали возможность дальнейшего развития системы землеустройства, целью существования которой было не только максимальное вовлечение земель и (или) земельных участков в гражданский оборот, но и обеспечение рациональности использования земельных ресурсов⁴, в том числе с экологической точки зрения.

Более того, указанные выше изменения, а также провозглашенный в ЗК РФ «заявительный» характер формирования земельных участков (например, пункт 1 статьи 11.3, пункт 16 статьи 11.10 ЗК РФ), способствовали окончательной утрате интереса публичных органов к развитию столь значимого с экологической и экономической точки зрения института землеустройства.

Лишь некоторыми итогами проведенной реформы стали: потеря органами государственной власти функций планирования и организации рациональным использованием и охраной земель, ликвидация проектно-изыскательских и научно-исследовательских предприятий по землеустройству и их замещением стихийно сформировавшимся корпоративным рынком землеустроительных услуг, отсутствие финансирования экологических исследований в сфере охраны земель⁵.

Под особым «ударом» в настоящее время находятся и экологические интересы жителей населенных пунктов, поскольку по результатам проведенной реформы системы землеустройства территории населенных пунктов, территориальные зоны, зоны с особыми условиями использования территорий, а также части указанных территорий и зон оказались за пределами правового регулирования Федерального закона «О землеустройстве» (статья 1 указанного Федерального закона, статьи 83, 84, пункт 2 статьи 85 ЗК РФ, статьи 3, 4, 24, 25, 31, 32 Градостроительного кодекса Российской Федерации, далее – ГрК РФ).

При этом действующее градостроительное законодательство не содержит требований по соотношению и (или) учету разрабатываемых проектов градостроительной документации со сведениями, полученными в результате землеустройства. Имевшие ранее попытки уполномоченных органов регламентировать вопросы учета экологических интересов населения при разработке градостроительной документации были основаны на положениях части 6 статьи 28 ГрК РФ, утратившей силу в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2004 № 191-ФЗ.

Например, заслуживает внимания Порядок учета экологических требований при разработке и согласовании градостроительной документации, утвержденный приказом Комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы от 14 марта 2001 года № 31. Согласно указанному документу экологическое обоснование являлось обязательным для всех видов градостроительной документации с последовательной детализацией экологических требований на каждой стадии (пункт 1.4 Порядка). Также были конкретизированы мероприятия по обеспечению соблюдения экологических требований при разработке градостроительной документации (пункт 2.4 Порядка).

В настоящее время нормативные правовые акты, определяющие правовой режим земель населенных пунктов, не являются объектами государственной экологической экспертизы (ст. 11 и 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»). При этом в качестве альтернативы утратившим силу положениям экологического законодательства ГрК РФ не предъявляет никаких конкретных требований к видам и содержанию экологических исследований, включаемых в состав материалов по обоснованию таких ключевых градостроительных документов как документы территориального планирования и градостроительного зонирования.

Проектные решения соответствующих документов могут быть основаны на таких документах, как программы социально-экономического развития, результатах инженерных изысканий и других исследований без установления конкретных требований к их объему, содержанию.

³ Подробнее см. Хаметов Т.И. Современные проблемы землеустройства и кадастров: учеб. пособие // Пенза: ПГУАС, 2015.

⁴ Там же. С.7-13.

⁵ См. Стандарт Генеральной схемы землеустройства территории Российской Федерации, утверждённый Президиумом НП

«Землеустроители» Протокол № 6 от «29» августа 2013 г. // г. Москва, 2013 г.
<https://docplayer.ru/28498417-Standart-generalnoy-shemy-zemleustroystva-territorii-rossiyskoy-federacii.html>

По существу требования ГрК РФ (части 8, 9 статьи 10, части 7, 8 статьи 23) сводятся лишь к необходимости учета правового режима существующих объектов охраны окружающей среды (например, особо охраняемых природных территорий), а также общих требований экологического законодательства без какого-либо соотнесения с перспективными концепциями экологического развития, иными программами и (или) фундаментальными исследованиями, необходимыми для оценки соблюдения прав граждан на благоприятную окружающую среду с учетом возрастающей антропогенной нагрузки, а также расчета размера вреда, причиняемого окружающей среде, и его соразмерности с прогнозируемыми выгодами в иных сферах.

Представляется очевидным, что для достижения справедливого баланса экологических и экономических интересов и принятия законного и обоснованного решения о развитии соответствующего населенного пункта необходим анализ ситуации не только непосредственно в границах территории, для которой утверждается документация, но и смежных территорий, а также внятная федеральная политика, учитывающая экологическую ситуацию в стране в целом и, соответственно, определяющая конкретные приоритеты в рамках комплексного развития территории страны.

Более того, значимость градостроительной документации в вопросах обеспечения права на благоприятную окружающую среду неоднократно подчеркивали и высшие судебные инстанции. Так, согласно определению Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23.10.2013 № 78-АПГ13-17, «исходя из установленных статьей 2 ГрК РФ принципов законодательства о градостроительной деятельности, утверждение правил землепользования и застройки создает правовые основания для принятия последующих решений, связанных, в том числе со строительством объектов капитального строительства, что влияет на права и физических и юридических лиц. <...> Установлено, что заявители являются жителями г. Санкт-Петербурга и имеют право на благоприятные условия жизнедеятельности».

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах полагаю, что принимаемые в данной сфере решения должны быть обоснованы, как минимум, путем установления наличия публичного интереса, определения содержания государственных (муниципальных) нужд, исследования вопроса о невозможности иных вариантов размещения соответствующих объектов государственного и муниципального значения (по аналогии с позицией, изложенной в определении ВС РФ от 19.08.2015 № 309-КГ15-5924). Все вышеуказанные критерии применимы и к вопросу определения соразмерности экономических, экологических и иных интересов.

Далее, не имея возможности по вышеуказанным причинам предъявлять требования к экологическим аспектам утверждаемой в отношении земель населенных пунктов документации, целям

защиты прав жителей населенных пунктов на благоприятную окружающую среду могли бы послужить положения ст. 86 ЗК РФ о пригородных зонах в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г. (п. 41 ст. 1 Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Сама по себе идея установления пригородных зон связана с необходимостью поддержания жизнеобеспечения и развития соответствующего города. Однако заложенный законодателем в ЗК РФ правовой механизм их установления оказался по целому ряду причин априори не жизнеспособным, правовая природа понятия пригородных зон имела неопределенный характер⁶, в связи с чем основанные на указанном законодательстве попытки установления таких зон претерпели многочисленные неудачи (см., например, определение ВС РФ от 11.08.2010 № 33-Г10-6).

Кроме того, очевидно, что для городов федерального значения, как например, Санкт-Петербург, реализация указанных положений ЗК РФ имела объективные сложности в силу его особого конституционного статуса⁷, а также необходимости соблюдения прав и законных интересов смежного субъекта Российской Федерации – Ленинградской области.

Имевший ранее опыт функционирования на протяжении почти 80 лет единой защитной и рекреационной системы (с 1932 г.) был также подорван введением Лесного кодекса, передавшего отдельные федеральные полномочия в области лесного хозяйства субъектам РФ в административных границах субъектов (большая часть лесопарковой зоны Ленинграда находилась в границах Ленинградской области)⁸.

Дальнейшие попытки создания такой зоны, несмотря на масштабность проведенных работ по согласованию интересов двух субъектов⁹ потерпели крах¹⁰, однако сама теоретическая возможность установления такой зоны и включение соответствующих правовых норм в Земельный кодекс РФ свидетельствовали о наличии требующей разрешения проблемы, пускай и путем корректировки действующих правил.

Однако в настоящее время и указанная норма утратила силу, взамен законодатель предложил новую правовую категорию «лесопарковых зеле-

⁶ Кузнецова О.Н.. О некоторых проблемах правового статуса пригородных зон.// Правовые вопросы строительства, 2006, №1 С. 25 – 28.

⁷ См. Умеренко Ю.А.. Особенности правового регулирования земельных отношений в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге на федеральном уровне// Современное право. - М.: Новый Индекс, 2012, № 4. - С. 63-71

⁸ Ляховненко С.Ф. От лесопарковой зоны Ленинграда до зелёного щита Санкт-Петербурга// <http://www.ecogazeta.ru/archives/13706>

⁹ Солодилов В.В.. Аналитическая записка «Транспортно-коммуникационная основа согласованного развития Москвы и Санкт-Петербурга». http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_317.pdf

¹⁰ Законопроект «О пригородной зоне Санкт-Петербурга» оказался незаконным, Новости от 28 марта 2008 г. <http://www.gazeta.spb.ru/33757-0/>

ных поясов» согласно вступившему в силу с 01.01.2017 г. Федеральному закону 03.07.2016 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов».

Согласно указанным изменениям в целях реализации права граждан на благоприятную окружающую среду могут создаваться лесопарковые зеленые пояса - зоны с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности, включающие в себя территории, на которых расположены леса, и территории зеленого фонда в границах городских населенных пунктов, которые прилегают к указанным лесам или составляют с ними единую естественную экологическую систему.

Вместе с тем, несмотря на исходную концепцию законопроекта¹¹ как направленного на создание лесопарковых зеленых поясов как непрерывных, насколько это возможно с учетом фрагментации поселениями и инфраструктурой, природных территорий вокруг мегаполисов, в той или иной степени защищенную от дальнейшей фрагментации и застройки, конечная редакция законопроекта оказалась далека от заявленных целей.

Так, вступившие в силу положения пункта 3 статьи 62.1 Федерального закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ предусматривают значительный перечень территорий, не подлежащих включению в лесопарковый зеленый пояс. Это означает, что в рамках реализации указанного Федерального закона будет довольно затруднительно создать сколько-нибудь обширный лесопарковый зеленый пояс вокруг крупного населенного пункта, а итогом выполнения предусмотренных законом мер будет не собственно пояс, а скопление разрозненных клочков леса¹².

Вышеуказанные обстоятельства, а также многочисленные правовые пробелы и коллизии, юридико-технические недостатки (некорректное использование формулировок и понятий)¹³, содержащиеся в указанном Федеральном законе ставят под сомнение эффективность предложенного законодателем механизма обеспечения прав жителей населенных пунктов на благоприятную окружающую среду.

Также вряд ли возможно назвать в качестве эффективной альтернативы правовые положения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об

общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который лишь абстрактно допускает возможность использования для указанных целей межселенной территории и в дальнейшем не регламентирует вопросы обеспечения прав населения на благоприятную окружающую среду.

Вся вышеизложенная непоследовательность законодателя и стремление к максимальному упрощению процедур вовлечения земель и (или) земельных участков в гражданский оборот свидетельствует о проводимой на федеральном уровне политике очевидного приоритета экономического развития над экологическим. Такие действия уже привели к катастрофическим последствиям в сфере охраны земель¹⁴, и экологические перспективы развития территории Российской Федерации подвергаются существенной угрозе ввиду принимаемых необоснованных решений в сфере управления земельными ресурсами.

Ввиду вышеизложенного, автором предлагаются следующие меры, направленные на восстановление баланса частных и публичных интересов в сфере земельных и градостроительных правоотношений и обеспечение прав жителей населенных пунктов на благоприятную окружающую среду.

Во-первых, представляется необходимым возобновление финансовой и организационной поддержки проведения вышеуказанных исследований и составления программ (схем, иных документов) в рамках реализации Федерального закона «О землеустройстве» на федеральном уровне как обладающих существенным значением для обеспечения права граждан, в том числе будущих поколений, на благоприятную окружающую среду.

Во-вторых, полагаю допустимым введение требования об обязательном учете выводов и предложений, содержащихся в указанных исследованиях и документах, при принятии соответствующих решений в сфере управления земельными ресурсами, как минимум, при размещении объектов федерального, регионального и местного значения, реализации стратегических проектов.

В-третьих, для разрешения указанных выше проблем применительно к особенностям правового режима земель населенных пунктов, является необходимым внесение изменений в ГрК РФ, устанавливающих более детальные требования к экологическим исследованиям и иным материалам, составляющим обосновывающую часть соответствующих градостроительных документов, по аналогии с вышеупомянутыми положениями утратившего силу Градостроительного кодекса РФ, необходимости соотнесения информации, полученной в рамках реализации Федерального закона «О землеустройстве», с предлагаемыми вариантами развития территорий населенных пунктов.

Именно совокупность вышеперечисленных мер сделает возможной трансформацию декларатив-

¹¹ См. Пояснительную записку к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов», а также текст внесенного законопроекта в редакции от 21.01.2016 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=978789-6&02>

¹² См. Ярошенко А. Закон о лесопарковых поясах («зеленом щите»): обманка, которая может ускорить уничтожение природных лесов // <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=19755>

¹³ Подробнее см. Бабич М.Е. Лесопарковые зеленые пояса – Закон принят // 27.12.2017 <http://www.отраслиправа.pf/article/26855>

¹⁴ Хаметов Т.И. Современные проблемы землеустройства и кадастров: учеб. пособие // Пенза: ПГУАС, 2015. С. 47-48.

ного на сегодняшний момент права жителей населенных пунктов на благоприятную среду согласно статье 42 Конституции Российской Федерации в реально действующую правовую норму, призванную в единстве с провозглашенными в преамбуле Конституции Российской Федерации целью обеспечения благополучия нынешнего и будущих поколений и ответственностью перед ними, обеспечивать баланс интересов субъектов хозяйственной и иной деятельности и интересов человека и общества в целом и гарантировать соблюдение и защиту экологических прав граждан, как на то справедливо указывал Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 5 марта 2013 г. № 5-П.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // СПС «КонсультантПлюс».
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 31.12.2017 № 507-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 252-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 13.05.2008 № 66-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 03.07.2016 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Приказ Комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы от 14 марта 2001 года № 31 «Об утверждении Порядка учета экологических требований при разработке и согласовании градостроительной документации» // СПС «Кодекс».
15. Стандарт Генеральной схемы землеустройства территории Российской Федерации, утвержденный Президиумом НП «Землеустроители» Протокол № 6 от «29» августа 2013 г. // г. Москва, 2013 г. <https://docplayer.ru/28498417-Standart-generalnoy-shemy-zemleustroystva-territorii-rossiyskoy-federacii.html>
16. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов», а также текст внесенного законопроекта в редакции от 21.01.2016 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=978789-6&02>
17. Законопроект «О пригородной зоне Санкт-Петербурга» оказался незаконным, Новости от 28 марта 2008 г. <http://www.gazeta.spb.ru/33757-0/>
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2010 № 33-Г10-6 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Верховного суда Российской Федерации от 23.10.2013 № 78-АПГ13-17 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2015 № 309-КГ15-5924 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Бабич М.Е. Лесопарковые зеленые пояса – Закон принят // 27.12.2017 <http://www.отраслиправа.pf/article/26855>
23. Кузнецова О.Н.. О некоторых проблемах правового статуса пригородных зон. // Правовые вопросы строительства, 2006, №1 С. 25 – 28.
24. Ляховенко С.Ф. От лесопарковой зоны Ленинграда до зелёного щита Санкт-Петербурга // <http://www.ecogazeta.ru/archives/13706>
25. Солодилов В.В.. Аналитическая записка «Транспортно-коммуникационная основа согласованного развития Москвы и Санкт-Петербурга». http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_317.pdf
26. Умеренко Ю.А.. Особенности правового регулирования земельных отношений в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге на федеральном уровне // Современное право. - М.: Новый Индекс, 2012, № 4. - С. 63-71
27. Усович Л.В. Некоторые аспекты регулирования кадастровой деятельности в контексте проводимой реформы системы государственной регистрации и кадастрового учета // «Имущественные отношения в Российской Федерации», № 6, июнь 2015 г.
28. Хаметов Т.И. Современные проблемы землеустройства и кадастров: учеб. пособие // Пенза: ПГУАС, 2015.
29. Ярошенко А. Закон о лесопарковых поясах («зеленом щите»): обманка, которая может ускорить уничтожение пригородных лесов // <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=19755>

About the realization of the citizen's environmental constitutional rights in land law and town planning law
Timofeeva O.V.
SPb GKU
The author of this article systematically analyzes the land and town planning legislation with the aim of revealing some legal

problems of citizens environmental constitutional rights realization according to article 42 of the Constitution of Russian Federation. The author explores legal consequences of the introduced changes to the Federal law issued at 18.06.2001 № 78-FZ about the land management, their influence on the realization of the constitutional environmental rights. The author also analyzes the existing ecological requirements for the legal acts in the field of town planning. Then in this survey the author also compares the former legal means of the provision of ecological interests of the citizens (including former article 86 of The Land code of Russian Federation) with contemporary provisions of The Land code and The Town planning code of Russian Federation, the author also proposes some measures aimed at the elaboration of legislation.

Key words: land legislation, land management, objects of land management, urban planning legislation, environmental rights, suburban zones.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // PCA "Consultant Plus".
2. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // SPS ConsultantPlus.
3. Town Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ // ATP ConsultantPlus.
4. Federal Law of 18.06.2001 No. 78-ФЗ "On Land Management" // SPS "Consultant Plus".
5. Federal law of 31.12.2017 No. 507-FZ // ATP Consultant Plus.
6. Federal Law of July 13, 2015 No. 252-FZ // ATP ConsultantPlus.
7. Federal law of 13.05.2008 No. 66-ФЗ // SPS "Consultant Plus".
8. Federal law of 29.12.2004 No. 191-ФЗ // SPS "Consultant Plus".
9. Federal Law of 23.06.2014 No. 171-FZ "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
10. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus".
11. Federal law of 23.11.1995 No. 174-ФЗ "On ecological expertise" // SPS "Consultant Plus".
12. Federal Law 03.07.2016 No. 353-ФЗ "On Amendments to the Federal Law" On Environmental Protection "and Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the creation of forest green park belts" // SPS Consultant Plus.
13. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-ФЗ "On Environmental Protection" // SPS "Consultant Plus".
14. Order of the Committee for Architecture and Urban Planning of Moscow dated March 14, 2001 No. 31 "On Approval of the Procedure for Considering Environmental Requirements in the Development and Coordination of Urban Planning Documentation" // ATP Codex.
15. Standard of the General Scheme of Land Management of the Territory of the Russian Federation, approved by the Presidium of NP "Land Surveyors" Protocol No. 6 dated August 29, 2013 // Moscow, 2013 <https://docplayer.ru/28498417-Standart-generalnoy-shemy-zemleustroystva-territorii-rossiyskoy-federacii.html>
16. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Federal Law" On Environmental Protection "and to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the creation of forest green park belts", as well as the text of the introduced draft law as of 01/21/2016 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=978789-6&02>
17. The draft law "On the suburban area of St. Petersburg" turned out to be illegal, News of March 28, 2008 <http://www.gazeta.spb.ru/33757-0/>
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 5 2013 № 5-П // ATP ConsultantPlus.
19. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.08.2010 No. 33-G10-6 // ATP ConsultantPlus.
20. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.23.2013 № 78-АПГ13-17 // ATP ConsultantPlus.
21. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of August 19, 2015 No. 309-KG15-5924 // SPS Consultant Plus.
22. Babich M.E. Forest green belts - The law was adopted // 12/27/2017 <http://www.otrasli-prava.rf/article/26855>
23. Kuznetsova ON. On some problems of the legal status of suburban zones. // Legal issues of construction, 2006, №1, P. 25 - 28.
24. Lyakhovnenko S.F. From the forest park zone of Leningrad to the green shield of St. Petersburg // <http://www.ecogazeta.ru/archives/13706>
25. Solodilov VV. Analytical note "Transport and communication basis for the coordinated development of Moscow and St. Petersburg." http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_317.pdf
26. Umerenko, Yu.A., Features of the legal regulation of land relations in cities of federal importance in Moscow and St. Petersburg at the federal level // Modern Law. - M.: New Index, 2012, No. 4. - P. 63-71
27. Usovich L.V. Some aspects of the regulation of cadastral activities in the context of the ongoing reform of the state registration and cadastral registration system // Property Relations in the Russian Federation, No. 6, June 2015
28. Khametov T.I. Modern problems of land management and cadastres: study guide // Penza: PGUAS, 2015.
29. Yaroshenko A. The law on forest park belts ("green shield"): snag, which can accelerate the destruction of suburban forests // <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=19755>

Нормотворческие предложения по уголовно-правовому обеспечению запрета на воспрепятствование и вмешательство в осуществление оперативно-розыскной деятельности

Ивенин Владимир Олегович
адъюнкт, Нижегородской академии МВД России,
073297@gmail.com

В статье анализируется проблема отсутствия уголовно-правовых гарантий обеспечения состоятельности некоторых положений оперативно-розыскного законодательства, предлагается разработать механизм уголовно-правовой охраны оперативно-розыскных правоотношений в главе 31 УК РФ.

Ключевые слова: уголовно-правовое обеспечения оперативно-розыскной деятельности, воспрепятствование, вмешательство, незаконное проведение оперативно-розыскных мероприятий

Анализ Особенной части УК РФ на предмет наличия нормативных средств реализации охранительного обеспечения ОРД демонстрирует, что уголовный закон оказывает определенное стабилизирующее воздействие на оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), однако подобное обеспечение явно недостаточно эффективно, содержит в себе как проблему отсутствия окончательного утверждения (или отрицания) корреляции интересов правосудия с интересами ОРД и оперативно-розыскными правоотношениями в рамках гл. 31 УК РФ. Кроме того, действующая редакция УК РФ не разрешает проблему квалификации рассмотренных моделей общественно опасного поведения, проистекающую из отсутствия качественного системного подхода при юридико-техническом конструировании норм, которые могут быть инкриминированы субъекту, препятствующему выполнению задач ОРД уполномоченными на то государственными органами. Из всего вышесказанного следует, что механизм охранительного обеспечения (включающий в себя ретроспективное реагирование и предупреждение умышленной дестабилизации ОРД) нуждается в качественном расширении.

С целью обнаружения и изложения способов совершенствования изучаемого механизма уголовно-правовой охраны, резюмируем, что существуют следующие возможности для устранения сложившейся в законодательстве и правоприменительной практике проблемы охранительного обеспечения ОРД:

1. Расширение действия ряда существующих норм гл. 31 УК РФ, предусматривающих ответственность за общественно опасное поведение в отношении института предварительного расследования, распространение их влияния на ОРД посредством преобразования имеющихся статей Особенной части УК РФ, изменяя содержание диспозиций основных составов и (или) дополняя новыми частями (квалифицированными составами). Тем самым, предполагается уравнивание механизмов охранительного уголовно-правового обеспечения ОРД и связанных с ней институтов уголовно-процессуальной природы. Отметим, что данное уравнивание будет носить адекватный к объективным условиям характер, то есть

осуществляться там, где это действительно оправданно и необходимо.

2. Криминализация форм общественно-опасного воздействия на оперативно-розыскные правоотношения в рамках новых статей Особенной части УК РФ.

Вопрос о формировании механизма предупреждения и уголовно-правового реагирования на внешнее воздействие сложен и требует обособленного изучения. Традиционно, диспозиции тех уголовно-правовых норм, которые посвящены охране других правовых отраслей и институтов, обладают той или иной степенью бланкетности. По такому же принципу, мы считаем, что терминология и юридическая характеристика подобного «внешнего» воздействия должны проистекать с учетом понимания «воспрепятствования» и «вмешательства» в соответствии с содержанием ч. 3 ст. 15 и ч. 2 ст. 16 Федерального закона об ОРД, где фигурируют данные термины.

Обратим внимание на воспрепятствование осуществлению ОРД, фактически, **из ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД следует два суждения:**

1. **Во-первых, существует такое явление как воспрепятствование осуществлению ОРД;**

2. **Во-вторых, за такое воспрепятствование законодательством РФ должна быть установлена ответственность.**

Однако, если раскрытие первого суждения не составляет большого труда и вот или иным виде неоднократно демонстрировалось различными представителями научного сообщества, то содержательных пояснений второго утверждения научным сообществом дано не было, что, на наш взгляд, обусловлено отсутствием понимания того, о какой ответственности в оперативно-розыском законодательстве идет речь. Несмотря на то, что значимость ОРД для реализуемости всего отечественного правосудия трудно переоценить, найти действительно работоспособные нормы Особенной части УК РФ, применение которых не потребует произвольного расширительного толкования уголовного закона правоприменителем, весьма маловероятно. Как результат, юридическая состоятельность ч. 3 ст. 15 и ч. 2 ст. 16 Федерального закона об ОРД находится в подвешенном состоянии, вследствие чего уголовно-правовая доктрина не предлагает однозначного не вызывающего сомнений разъяснения. Г.Я. Борисевич, например, в своей статье лишь указал: «...существует ст. 294 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела. Вспомогательную роль по отношению к доказыванию играет оперативно-розыскная деятельность, возможности которой весьма велики» [1, С. 262].

Если же говорить об административном законодательстве, то ст. 19.3 КоАП РФ косвенно явля-

ется административно-правовым средством обеспечения состоятельности ч. 2 ст. 15 и ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД в той части, которая касается невыполнения законных требований субъекта ОРД. А вот реализуемость ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД в части ответственности за воспрепятствование встает под вопросом сразу же после ее соотношения с любым другим отраслевым правом. Как результат, ни правоведа, ни правоприменителю не вполне ясно, в контексте какого законодательства следует толковать рассматриваемую норму (см. таблицу 1).

Таблица 1
Отражение положений ч. 2 и ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД в отраслевом законодательстве

Норма оперативно-розыскного законодательства	Содержание положения, подлежащего обеспечению	Средство правового обеспечения
ч. 2, 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД	Неисполнение законных требований должностных лиц органов, осуществляющих ОРД влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.	Статья 19.3 КоАП РФ (Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации)
ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД	Воспрепятствование законному осуществлению ОРД влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.	_____
ч. 2 ст. 16 Федерального закона об ОРД	Никто не вправе вмешиваться в законные действия должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, за исключением лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом.	_____

Так, А.П. Киселев, очевидно также не найдя в этой норме конкретики, в попытке ее толкования просто ссылается к различным видам юридической ответственности: «*Неисполнение законных требований может повлечь ответную реакцию со стороны соответствующих государственных*

органов путем привлечения виновного к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности» [2].

С целью поиска пути решения выявленной проблемы предлагаем, для начала, раскрыть значение и сопоставление таких категорий, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством как: «воспрепятствования ОРД» и «вмешательство в ОРД». Ответ на данный вопрос позволит узнать, почему в ст. 294 УК РФ фигурируют оба понятия, а так же почему мы считаем это юридико-технической ошибкой в конструировании состава преступления.

Воспрепятствование ОРД – запрещено ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД.

Вмешательство в ОРД – запрещено ч. 2 ст. 16 Федерального закона об ОРД.

В первую очередь, рассмотрим то, как данные термины в разное время понимали различные представители научного сообщества.

1. А.Ю. Шумилов:

1.1. *«Под воспрепятствованием законному осуществлению ОРД понимается действие каждого, направленное на то, чтобы законное проведение ОРМ стало невозможным (напр., отказ ответственного лица пропустить на территорию фирмы для проведения опроса ее сотрудников)» [3, С. 176].*

1.2. Относительно вмешательства в ОРД, А.Ю. Шумилов указывает, что законодателем был приведен максимально открытый перечень лиц (как физических, так и юридических), которые в принципе не имеют «никакого права каким-либо образом вмешиваться в подготовку и проведение ОРМ (препятствовать проведению ОРМ или запрещать его, заставлять проводить какие-либо ОРМ и т.п.)» [3, С. 182]. Далее правовед отдельно отмечает, что вмешательством может признавать противоправным лишь в отношении законных действий, которые определены в Федеральном законе об ОРД (например, перечень ОРМ) или в другом подзаконном акте, устанавливающем полномочия государственных органов и должностных лиц, являющихся субъектами ОРД.

2. А.П. Киселев:

2.1. *«Воспрепятствование законному осуществлению ОРД - это любое действие, направленное на воспрепятствование законному проведению определенных ОРМ» [2].* Мы, лично, не склонны к использованию приведенной авторской трактовки, так как ОРД включает в себя не только ОРМ, но и организацию работы, например, негласного аппарата.

2.2. Касательно вмешательства автор пишет «ни должностные лица, ни какие-либо органы государства, прямо не уполномоченные на то федеральным, не вправе вмешиваться (давать указания, препятствовать выполнению действий и др.) лишь в законные действия должностных лиц и органов, осуществляющих ОРД. Единственным исключением из данного правила служит возможность вмешательства в ОРД со стороны лиц, прямо уполномоченных на то фе-

деральным законом». Аналогичные трактовки были использованы и в другом, более позднем, комментарии оперативно-розыскного законодательства, подготовленном авторским коллективом [4].

В подтверждение слов данного законоведа можно привести, например, установленную законодателем недопустимость воспрепятствования осуществлению ОРД со стороны членов парламента. К примеру, обратите внимание на ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 08.05.1994 N 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: *Вмешательство члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, следователей и судебную деятельность не допускается* [5]. Данное положение конкретизирует и логично продолжает мысль, заложенную в ч. 2 ст. 16 Федерального закона об ОРД, разъясненную указанными ранее исследователями.

3. Схожую по смыслу идею резюмировал Так, Г.Г. Анисимов: *«Проверка прокурором законности проведения оперативно-розыскных мероприятий ни при каких обстоятельствах не может считаться вмешательством в вопросы выбора методов проведения ОРД, поскольку прокурор не обладает полномочиями указывать оперативным работникам, какие именно методы использовать для решения задач ОРД» [6, С. 16-20].* Мы позволили себе сформулировать логичное продолжение, умозаключение к процитированному выше словам: *если же прокурор использует свои полномочия для оказания влияния на выбор уполномоченными государственными органами методов осуществления ОРД, в том числе из корыстной или иной личной заинтересованности – такое поведение следует считать вмешательством в ОРД данных органов.*

Подавляющее большинство комментаторов оперативно-розыскного законодательства в своих трудах к интерпретации такого термина как «воспрепятствование ОРД» и вовсе не прибегают, вероятно, не считая это целесообразным в условиях несостоятельности подлежащей разъяснению нормы. При более подробном изучении изложенных в доктрине предположений, обнаруживается, что **как воспрепятствование, так и вмешательство семантически сопряжены с активной формой поведения**, что обусловлено устоявшимся традиционным пониманием значений данных слов. Например, Толковый словарь живого великорусского языка за авторством В.И. Даля дает следующие пояснение: *«воспрепятствовать чему, помешать, не дать чего сделать, не допустить, сделать в чем помеху, воспротивиться, возбранить»* [7]. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. гласит, что воспрепятствование означает: *«помешать кому-либо в чём-либо, не допустить чего-либо»* [8]. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова поясняет, что воспрепятствовать, значит *«не допустить кого-нибудь сделать что-нибудь; помешать кому-нибудь в чем-*

нибудь» [9]. Таким образом, воспрепятствование предполагает некое противодействие (сопротивление) чему-либо. Однако воспрепятствование ОРД со стороны лиц, уполномоченных принимать юридически значимые для ОРД решения (например, по санкционированию проведения тех или иных ОРМ, по вынесению различных требований или представлений, по принятию оперативных материалов к производству в процессуальном порядке) может выражаться и деянием в форме **бездействия**, при условии, что нарушающий закон субъект действует **умышленно**, то есть осознает, что своим бездействием создает те или иные препятствия, буквально осложняющие решение задач ОРД, и желает вести себя подобным образом. Чтобы такое бездействие квалифицировалось как воспрепятствование, оно должно совершаться специальным субъектом, уполномоченным и обязанным на принятие юридически значимых решений, имеющих отношение к ОРД. В равной мере, пассивное воспрепятствование возможно и в отношении института предварительного расследования, судебного разбирательства или в отношении деятельности органов прокуратуры, в связи с чем не считаем оправданной решение законодателя свести криминализацию такого воспрепятствования в ст. 294 УК РФ лишь к вмешательству, предполагающему именно активную форму поведения. О возможности осуществления воспрепятствования путем бездействия, с семантической точки зрения, свидетельствует и сам уголовный закон, в частности, в ст. 169 УК РФ (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности) деяние может быть выражено в *бесосновательном отказе должностного лица выполнить обязательные для него юридически значимые действия*. Аналогично, в тексте информационного письма ФССП России от 31 октября 2014 г. «Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ» воспрепятствование трактуется как бездействие: *«под воспрепятствованием исполнению судебного акта понимается непринятие мер, призванных создать необходимые условия для своевременного исполнения судебного решения, либо, напротив, создание препятствий для его исполнения»* [10].

В свою очередь, несанкционированное вмешательство в ОРД трудно соотнести с пассивной формой поведения, в силу чего мы относим данное деяние к исключительно внешнему дестабилизирующему воздействию на ОРД. Так, из толкового словаря С.И. Ожегова следует, что под словом вмешаться понимается:

1. Стать участником чужого дела, ввязаться.
2. Принять участие в каком-нибудь деле с целью изменения его хода [11].

Учитывая изложенное, считаем обоснованным предположение, что законодатель, ограничив функционал ст. 294 УК РФ путем криминализации не столько воспрепятствования, сколько вмешательства с целью воспрепятствования, допустил грубую юридико-техническую ошибку.

Мы полагаем верным следующее сравнение воспрепятствования ОРД и вмешательства в ОРД

как форм общественно опасного поведения (см. таблицу 2).

Таблица 2
Сравнение воспрепятствования ОРД и вмешательства в ОРД как форм общественно опасного поведения

Критерий сравнения	Воспрепятствование ОРД	Вмешательство в ОРД
По природе дестабилизирующего воздействия (принадлежности субъекта воздействия к оперативно-розыскным органам)	Воздействие может быть как внешним, так и внутренним.	Происходит, как правило извне, то есть воздействие носит внешний характер
По форме общественно опасного поведения	Воздействие может совершаться как в форме действия, так и бездействия	Совершается лишь в форме действия
По признаку создания препятствий для решения задач ОРД	Деяние направлено на создание препятствий, осложняющих решение задач ОРД	Создание препятствий возможно, но не является конструктивным признаком вмешательства
По соотношению друг с другом	Воспрепятствование может включать в себя объективную сторону вмешательства в ОРД, если последнее направлено на умышленное создание препятствий, осложняющих решение задач ОРД. Таким образом, вмешательство может быть поглощено объективной стороной воспрепятствования по принципу «конкуренции части и целого».	

О разграничении воспрепятствования и вмешательства.

Закономерно возникает вопрос: может ли вмешательство в ОРД являться одной из стадий воспрепятствования? В определенных обстоятельствах – да, если для создания препятствий решению задач ОРД виновному предварительно требуется вторгнуться в законный порядок осуществления данной деятельности. При этом следует разграничивать вмешательство в ОРД от воспрепятствования или покушения на воспрепятствование ее осуществлению.

Предположим, что воспрепятствование и вмешательство образуют две обособленных поведенческих модели.

1. Если деяние ограничивается лишь неправомерным вторжением виновного в установленный законом порядок осуществления ОРД – оно образует вмешательство в ОРД.

2. Если вмешательство в ОРД совершается с последующим созданием препятствий, осложняющих решение задач ОРД – имеет место внешнее воспрепятствование ОРД.

2.1. К примеру, в ч. 1 и ч. 2 ст. 294 УК РФ диспозиции норм гласят именно **о вмешательстве, совершаемом с целью воспрепятствования**. Обратите внимание, из наименования нормы следует, что она посвящена предупреждению именно воспрепятствования, однако из диспозиций части первой и части второй статьи обнаруживается, что законодатель криминализовал не на само воспре-

пятствование, а вмешательство с целью воспрепятствования, игнорируя при этом возможности противодействия правосудию путем бездействия. В связи с чем, резюмируем, что **соотношение наименования ст. 294 УК РФ с диспозициями содержащихся в ней частей свидетельствует об отсутствии грамотной юридико-технической конструкции.** Если название ст. 294 УК РФ говорит о «воспрепятствовании» в контексте объективной стороны состава преступления (как об общественно опасном деянии), то ее содержание толкует воспрепятствование как признак субъективной стороны (цель). Более того, действующая редакция ст. 294 УК РФ подходит к пониманию воспрепятствования как к деянию, совершение которого возможно лишь внешним, относительно конкретного вида правоохранительной деятельности, субъектом, в то время как воспрепятствование может быть осуществлено и без предварительного вмешательства, когда полагаемые препятствия создаются самим субъектом данной правоохранительной деятельности, если он, к примеру, заинтересован в недостижимости правосудия в конкретном деле из корыстной или иной личной заинтересованности.

3. Если вмешательство в ОРД совершается с целью последующего создания препятствий, осложняющих решение задач ОРД, и преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам – имеет место неоконченное воспрепятствование ОРД.

Итак, рассмотренное выше позволяет подвергнуть воспрепятствование ОРД основной классификации, которая предопределяет направление юридико-технического конструирования диспозиции разрабатываемой нормы Особенной части УК РФ (см. таблицу 3).

Таблица 3
Классификация основных форм воспрепятствования осуществлению ОРД

Относительно системы государственных органов, уполномоченных на ОРД		Относительно формы общественно опасного поведения:	
внешним (в том числе с предварительным вмешательством в установленный законом порядок осуществления ОРД)	внутренним	в форме действия (активное противодействие, сопротивление)	в форме бездействия (пассивное противодействие)

Исходя из изложенного, а также из небезосновательного предположения о наличии признака общественной опасности в дестабилизирующем ОРД поведении, мы предлагаем к использованию следующие дефиниции:

1. **Воспрепятствование ОРД** – это умышленное общественно опасное деяние, направленное на недопущение решения задач ОРД уполномоченными на то государственными органами, совершаемое в форме бездействия, в случаях, если виновный уполномочен и обязан принимать юридически значимые для ОРД меры, и их невыпол-

нение способно сформировать препятствия для осуществления данной деятельности в установленном законом порядке, либо в форме действия.

2. **Вмешательство в установленный законом порядок осуществления ОРД** – активное умышленное общественно опасное поведение, заключающееся в неправомерном вторжении в законные действия должностных лиц государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, направленные на решение задач данной деятельности, и (или) в действия лиц, оказывающих им содействие (сотрудничество) на гласной или конфиденциальной основе.

Таким образом, рассмотренное свидетельствует о необходимости реализации следующих мер, направленных на совершенствование охранительного механизма уголовно-правового обеспечения ОРД:

1. **Переработать законодательный подход к криминализации воспрепятствования в ст. 294 УК РФ, предусмотрев уголовную ответственность не за вмешательство с целью последующего воспрепятствования, а за само воспрепятствование**, что приведет к соответствию ее наименованию. Кроме того, разработку механизма ретроспективного уголовно-правового реагирования на факты воспрепятствования ОРД целесообразно производить в структуре самой ст. 294 УК РФ, но с учетом дифференцированного подхода к расположению норм внутри названной статьи.

В то же время, из изложенного ранее следует, что воспрепятствование является более широким понятием, нежели вмешательство, и первое может совершаться посредством последнего. В связи с этим, целесообразнее предусмотреть криминализацию именно за воспрепятствование ОРД, равно как и другим правовым институтам, указанным в ч. 1 и ч. 2 ст. 294 УК РФ.

Даже если вмешательство рассматривать в отрыве от воспрепятствования, придавая последнему значение цели, а не деятельности, специализированное законодательство запрещает вмешательство как в уголовно-процессуальную деятельность, так и в ОРД, и демонстрируемое уголовным законом категорическое обособление первой от последней не может быть детерминировано ни социально-правовыми, ни юридико-техническими категориями. Необходимость обеспечения обоих запретов прослеживается даже в ведомственных нормативных актах. Приказ МВД России от 02.08.2012 N 754, например, в абз. 2 п. 11 утверждает недопустимость вмешательства членов общественного совета «в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях». Запрет на воспрепятствование (вмешательство) в административную деятельность правоохранительных органов гарантируется ст. 19.3 КоАП РФ, запрет на вмешательство с целью воспрепятствования (но не на само воспрепятствование) в уголовно-процессуальную деятельность подкреплён ст. 294 УК РФ. Касательно же

запрета качественно тождественного воздействия на ОРД, мы полагаем, что в силу большей ориентации работы оперативно-розыскных органов именно на уголовную политику и как следствие, большей общественной опасности такого воздействия (по сравнению с воспрепятствованием производству по делам об административных правонарушениях), обеспеченность подобного запрета должна носить уголовно-правовой характер.

2. **Расширить действие ряда норм главы 31 УК РФ**, предусматривающих уголовную ответственность за определенные общественно опасные деяния, совершаемые с целью воспрепятствования производству предварительного расследования, распространив их охранительный функционал на ОРД, ввиду тесной корреляции последней с общественными отношениями, охраняемыми указанной главой уголовного закона.

В соответствии с вышеизложенным, логичным началом разработки нормативных положений по совершенствованию охранительного направления уголовно-правового обеспечения ОРД должна являться криминализация воспрепятствования осуществлению данной деятельности в рамках ст. 294 УК РФ.

Предстоящий нормотворческий процесс, ориентированный на расширение действия ряда статей гл. 31 УК РФ, предлагаем строить с учетом главы II Рекомендательного международного акта «О борьбе с организованной преступностью» [12] (см. таблицу 4).

Таблица 4

Перечень соотносимых статей УК РФ и Рекомендательного международного акта «О борьбе с организованной преступностью» в контексте охранительного направления уголовно-правового обеспечения ОРД

Глава 31 УК РФ	Глава II Рекомендательного международного акта «О борьбе с организованной преступностью» (уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью)
Ст. 294 УК РФ (Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования)	Ст. 8 (Воспрепятствование служебной деятельности прокурора, следователя, лица, производящего дознание или осуществляющего оперативно-розыскную деятельность)
Ст. 295 УК РФ (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование)	Ст. 7 (Посягательство на жизнь сотрудника милиции, лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, военнослужащего или лица, выполняющего общественный долг по борьбе с преступностью)
Ст. 296 УК РФ (Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования)	Ст. 6 (Сопrotивление сотруднику милиции, лицу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, военнослужащему или лицу, выполняющему общественный долг по борьбе с преступностью)
—	Ст. 9 (Незаконное проведение оперативно-розыскных мероприятий)

Разрабатывая норму, которая будет предусматривать уголовную ответственность за воспрепятствование ОРД, следует учитывать авторские положения, изложенные нами в параграфе 1.2, в соответствии с которыми предполагается воспрепятствование:

1. Может совершаться как общим, так и специальным (должностным лицом) субъектом.

2. Может носить как насильственный, так и ненасильственный характер.

Если относительно разграничения ответственности по субъектной классификации и уместно рассуждать о возможности инкриминирования квалифицированного состава, уже предусмотренного внутри статьи (в частности, ч. 3 ст. 294 УК РФ), то относительно критерия насильственности посягательства, учитывая уже содержащиеся в гл. 31 УК РФ нормы, логичнее было бы соотнести подобное насильственное воспрепятствование со ст. 295, 296 УК РФ.

Принимая во внимание освещенное нами в тексте данного параграфа, переходим к разработке конкретных уголовно-правовых средств реализации охранительного направления уголовно-правового обеспечения ОРД.

Во-первых, изложить ст. 294 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 294. Воспрепятствование осуществлению оперативно-розыскной деятельности, правосудия и производству предварительного расследования

1. Умышленное воспрепятствование в какой бы то ни было форме осуществлению оперативно-розыскной деятельности, а равно умышленное противодействие гласному или негласному содействию (сотрудничеству) граждан с оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в целях недопущения решения задач оперативно-розыскной деятельности, –
наказывается (категория преступления: *небольшой тяжести*).

2. Воспрепятствование в какой бы то ни было форме деятельности прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях недопущения всестороннего, полного и объективного расследования дела, –
наказывается (категория преступления: *средней тяжести*).

3. Воспрепятствование в какой бы то ни было форме деятельности суда по отправлению правосудия, –

наказывается (категория преступления: *средней тяжести*).

4. Те же деяния, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения, а равно повлекшие невозможность изобличения всех виновных либо сбор всех доказательств по делу, или невозможность всестороннего, полного и объективного расследования дела;

б) в целях недопущения всестороннего, полного и объективного расследования или судебного разбирательства по уголовному делу, возбужденному по тяжкому или особо тяжкому преступлению, а равно в целях недопущения решения задач оперативно-розыскной деятельности в отношении тяжких или особо тяжких преступлений, -

наказываются (категория преступления: тяжкое)».

Во-вторых, УК РФ дополнить статьей 303¹ следующего содержания:

«**Статья 303¹**. Незаконное проведение оперативно-розыскных мероприятий

1. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права граждан, не уполномоченными на то законом лицами либо при заведомом для виновного отсутствии законных оснований для их проведения, -

наказывается (категория преступления: не-большой тяжести).

2. То же деяние, если оно совершено повторно, или по предварительному сговору группой лиц, либо с использованием технических средств, предназначенных для негласного получения информации, или с использованием служебного положения, а равно повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, -

наказывается (категория преступления: средней тяжести).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли наступление тяжких последствий, -

наказывается (категория преступления: тяжкое)».

Литература

1. Борисевич, Г.Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Пермского университета: Юридические науки. – 2014. – N 1. – С. 260–286.

2. Киселев, А.П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. N 144–ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (постатейный). – 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.09.2018).

3. Шумилов, А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: А. Ю. Шумилов. – 7-е изд., доп. и перераб. – Москва : Изд. дом Шумиловой И. И., 2007. – 374 с.

4. Киселев А.П., Васильев О.А., Белянинова Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 12.08.1995 N 144–ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (постатейный) 348 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 08.05.2018).

5. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный

закон от 08.05.1994 N 3-ФЗ // СЗ РФ, 12.07.1999, N 28, ст. 3466.

6. Анисимов, Г.Г. Надзор за исполнением законов об оперативно-розыскной деятельности в органах ФСБ // Законность. – 2015. – № 11. – С. 16 – 20.

7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. – М.: Рус. Яз., 1989. – 448 с.

8. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. – в 2 т. 1209 с.

9. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/Termin/1127982_VOSPPEPYATSTVOVAT (дата обращения: 26.10.2018).

10. Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ: информационное письмо ФССП России от 31 октября 2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 02.10.2018).

11. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 915 с.

12. О борьбе с организованной преступностью. Модель: Рекомендательный международный акт: [принят на восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ; постановление N 8-9 от 2 ноября 1996 года] // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 1997. – № 12.

Normative proposals on the criminal legal provision of the protection against obstruction and intervention in the implementation of operational research activity

Ivenin V.O.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the problem of the lack of criminal law guarantees to ensure the viability of some provisions of operational-search legislation, which provides for the development of a mechanism for criminal law protection of operational-search legal relations in Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal legal support of operational-search activity, obstruction, interference, illegal conduct of operational-search measures

References

1. Borisevich, G.Ya. On the problems of the application of Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of Perm University: Jurisprudence. - 2014. - N 1. - p. 260–286.

2. Kiselev, A.P. Commentary to the Federal Law of 12 August 1995 No. 144 – FZ "On Operational-Search Activity" (article by article). - 2008. - [Electronic resource]. - Access mode: ATP "Consultant Plus" (appeal date: 09/12/2018).

3. Shumilov, A.Yu. Commentary to the Federal Law "On Operational-Search Activity": A. Yu. Shumilov. - 7th ed., Ext. and pererabat. - Moscow: Izd. Shumilova I.I. House, 2007. - 374 p.

4. Kiselev A.P., Vasilyev O.A., Belyaninova Yu.V. Commentary to the Federal Law of 12.08.1995 N 144 –FZ "On operational and investigative activities" (itemized) 348 - [Electronic resource]. - Access mode: ATP "Consultant Plus" (appeal date: 05/08/2018).

5. On the status of a member of the Council of Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal Law of 08.05.1994 N 3-FZ // SZ RF, 12.07.1999, N 28, art. 3466.

6. Anisimov, G.G. Supervision of the implementation of laws on operational-search activities in the FSB // Legality. - 2015. - № 11. - p. 16 - 20.
7. Dal, V.I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: T. 1. - M.: Rus. Jaz., 1989. - 448 p.
8. Efremova, T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory – educational. - M.: Rus. lang 2000.– in 2 tons. 1209 s.
9. Ushakov, D.N. Dictionary of the Russian language, ed. D.N. Ushakov. - [Electronic resource]. - Access mode: http://enc.biblioclub.ru/Termin/1127982_VOSPREPYATSTVOV AT (access date: 10.26.2018).
10. On the review of the practice of applying Article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation: information letter of the FSSP of Russia of October 31, 2014 - [Electronic resource]. - Access mode: ATP "Consultant Plus" (appeal date: 10/02/2018).
11. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language: 70000 words / S. I. Ozhegov; Ed. N. Yu. Shvedova; USSR Academy of Sciences, Inst. Rus. lang - 23rd ed., Corr. - M.: Rus. lang, 1991. - 915 p.
12. On the fight against organized crime. Model: International Recommended Act: [adopted at the eighth plenary meeting of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States; Resolution No. 8-9 of November 2, 1996] // Informational Bulletin of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States. - 1997. - № 12.

Совершенствование механизма защиты несовершеннолетних от склонения к суициду: виктимология и право

Киселев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Краснодарского университета МВД России, futureprevention@mail.ru

В статье анализируется виктимологическая характеристика жертв склонения к суициду, описывается история анализируемого вопроса. Устанавливаются закономерности взаимодействия внешних и внутренних факторов, влияющих на уровень суицидального поведения несовершеннолетних в России. Оценивается международное и национальное законодательство на предмет правовой защищенности несовершеннолетних от вредоносной информации и опасного воздействия, приводящих к суицидальной активности подростков. Подчеркивается проблематика реализации Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отсутствие единой системы защиты детей от посягательств в виртуальном пространстве на их жизнь и здоровье. Приводится авторская оценка анализируемых общественно опасных деяний. Устанавливаются пробелы уголовного и административного законодательства, прогнозируются ошибки судебной практики по делам рассматриваемой категории. Предлагаются необходимые изменения отечественного уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за участие в деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению, а также за распространение, публичную демонстрацию среди несовершеннолетних информации, причиняющей вред психическому и нравственному развитию несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, жертва, склонение, суицид, самоубийство, информация.

Безусловно, склонение к суициду является преступной деятельностью, что подтверждает последние изменения в законодательстве, а также данные статистики ни одной сотни, ушедших из жизни подростков. Как и любое другое преступление, склонение к суициду имеет свою криминогенную природу.

В криминологии существует такое понятие как «виктимология», иными словами «учение о жертве преступления». Ещё Л. Фейербах поднимал проблему острой необходимости изучения жертвы. Немецкий криминолог Ганс фон Гентинг утверждал: «Жертва не должна рассматриваться как пассивный объект, ибо она – активный субъект, который участвует в инициировании и осуществлении деликта»[1, С. 304]. Одной из основных идей виктимологии является то, что вероятность стать жертвой преступления зависит от особого феномена – виктимности. Под виктимностью понимается свойство личности, её предрасположенность стать жертвой преступления. Виктимность зависит от ряда факторов, к которым относятся личностные характеристики (склонность, состояние, характер), а также различные ситуационные факторы (время, место, сложившаяся обстановка) и ряд других факторов.

Так в чем же заключалась виктимность подростков? Что заставило их сделать последний шаг? В каком состоянии они находились? Исходя из проведенного нами исследования, мотивы незначительно, но все же различались, во многом это связано с разнообразными личными проблемами и трудностями, среди которых можно выделить:

- трудности общения со сверстниками;
- проблемы в семье (развод, конфликт, насилие);
- смену обстановки (смена места жительства);
- смерть родных и близких;
- неразделённую любовь;
- тяжелое заболевание;
- личные неудачи.

Но, всё это еще не раскрывает в полной мере сущность виктимности жертв, подвергшихся склонению к суициду.

Многие известные психиатры (К. Меннингер, А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни и ряд других) отмечали, что в жизни человека существует напряженная борьба между инстинктами самосохранения и са-

моразрушения. Определенный жизненный толчок может направить человека в ту или иную сторону. Но каким должен быть толчок, который способен заставить человека совершить самоубийство?

Для поиска ответа на этот вопрос следует обратиться к трудам американского социолога Дэвида Филлипса, который в 1974 году ввел понятие «Эффект Вертера». Этот эффект он открыл при исследовании волны самоубийств, захлестнувшей Европу в конце 17 века. Как оказалось, всплеску этих самоубийств способствовал роман Гёте «Страдания юного Вертера», который был очень популярен в свое время. Этот роман очень сильно повлиял на прогрессивную молодёжь того времени. Среди молодых людей вошла в моду одежда, которую носили герои романа, а также их манеры поведения. Но, это подражание не ограничилось модой и поведением героев. В романе главный герой Вернер страдал от нераздельной любви и не видел дальнейшего смысла жизни. В итоге главный герой решает покончить счеты с жизнью и убивает себя выстрелом в голову. В последствии этот роман был запрещен. По мнению Д. Филлипса, молодые люди совершили самоубийство подражая герою романа.

Более того Д. Филлипс, проанализировав самоубийства 70-х годов 20 века, пришел к выводу что подобный эффект проявляется после широкого освещения кого-либо самоубийства, будь то вымышленного или произошедшего в действительности. К примеру, после публикации самоубийства Мерлин Монро было отмечено резкое увеличение самоубийств в США. В Германии, в телесериале «Смерть студента» в начале каждой серии демонстрировался акт суицида студента под колесами поезда. С каждым показом этого сериала увеличилось количество самоубийств на железной дороге, как это показывалось в сериале. В 80-х годах 20 века, в Австрии после того как власти приняли решение не освещать самоубийства, произошедшие в метрополитене, количество самоубийств сократилось в 3 раза.

Во всех подобных самоубийствах Д. Филлипс отмечал сходство между первым, ставшим известным самоубийцей, и самоубийцами, последовавшими их примеру. Сходство проявлялось в возрасте, в социальном статусе и способе самоубийства. Это в особенности свойственно неустойчивым и отчаявшимся людям, которые потеряв всякую надежду, воспринимают сообщение о самоубийстве как своеобразную подсказку для решения проблем[2].

Толчком для подобного явления в России послужило самоубийство Ренаты Камболиной (Рины) в ноябре 2015 г. За день до самоубийства Рина выложила на своей социальной страничке «ВКонтакте» фотографии на фоне проходящего железнодорожного состава с надписью: «ня.пока». На следующий день она легла на том же месте на железнодорожное полотно перед проходящим составом. Рената скончалась на месте. Фотографии девочки на фоне железнодорожного состава, и фотография с места происшествия, которую вы-

ложил один из сотрудников Уссурийского линейного отдела МВД, стали широко обсуждаться в интернете, особенно в социальных сетях[3]. Подражание проявлялось в одежде, в частности шарф, которым Рената закрывала своё лицо, музыке и даже отсутствием куртки перед самоубийством (последний раз выйдя из дома Рина не одела куртку). Произошедшее с Р. Камболиной является не единственным подобным случаем. В сети также активно обсуждались и другие случаи самоубийства.

Таким образом, тяжёлая жизненная обстановка в совокупности с активным освещением информации о самоубийствах сверстников делали подростков более восприимчивыми к склонению к суициду.

Как оказалось, большинство подростков, совершивших самоубийство были связаны с так называемыми «Группами смерти», которые достаточно широко распространены в интернете. Данные группы информацию о суициде и всё что с ним связано, активно освещали случаи самоубийства. К примеру, произошедшее с Ренатой Камболиной было возведено в некий культ и пример для подражания, а само самоубийство приобрело сакральное значение. Помимо этого, в них содержалась различного рода деструктивная информация, которая отрицательно влияла на психику. Это записи депрессивного характера, музыка, видеоролики самоубийств, жестокие истязания, фото разбившихся детей в сопровождении давящей музыки, криками, стонами, визгом животных и тому подобное. Организаторами этих групп, так называемыми кураторами, была создана некая игровая вселенная. И с теми, кто проявлял больший интерес к подобному контенту, начиналась активная работа. Это является профессиональной психологической обработкой, которая способна вывести из равновесия даже взрослого человека, а что уже говорить о подростках с неустоявшейся психикой. Происходило постепенное разрушение сознания – оставалось лишь дать команду на совершение самоубийств.

По результатам проверки и сообщений СМИ о сообществах в социальных сетях и массовых самоубийствах СК РФ при поддержке сотрудников центрального аппарата МВД и ФСБ РФ были предприняты меры по пресечению деятельности так называемых «групп смерти». В 2016 году в реестр запрещенных сайтов было включено более 4,7 тыс. записей с информацией о способах совершения самоубийства или призывов к их совершению. Только за 2016 год в МВД поступило 1635 сообщений о суицидах несовершеннолетних, однако по многим из них было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела[4].

Это было вызвано рядом факторов:

- «кураторы» скрывались под вымышленными псевдонимами, а достоверной информации по ним практически не было, в следствии чего предъявление обвинения было затруднительно;

- трудность доказывания наличия прямой связи между деятельностью кураторов и самоубийством подростков;

- сами подростки так же скрывали информацию о себе, что затрудняло определение жертвы «групп смерти»;

- пробел уголовного законодательства, который заключался в отсутствие норм, позволяющих квалифицировать подобные деяния.

Анализ причин свидетельствовал о появлении новых форм преступных деяний, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватывались действующими на тот момент нормами Уголовного кодекса Российской Федерации.

При этом Комитет по правам ребенка ООН на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 8 октября 1999 г. рекомендовал России принять все необходимые меры в области защиты детей от любого рода насилия и жестокого обращения.

Необходимость защиты несовершеннолетних от склонения к суициду была отражена в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы и объявленному президентом РФ десятилетию детства[5].

В настоящий момент Роскомнадзором принимаются активные меры по предотвращению деятельности, направленной на склонение к самоубийству. Так с 2016 году после публикации статьи в «Новой газете» Роскомнадзором была создана рабочая группа и разработана система мониторинга. По заявлению глава Роскомнадзора Александра Александровича Жарова, было заблокировано 150 «наиболее популярных и активных сообществ». При этом Роскомнадзор сделал это не дожидаясь официальных запросов. А. Жаров объяснил это тем, что ведомство решило действовать «не по бюрократическим правилам, а по человеческим принципам».

Глава ведомства рассказал, что новые интернет-страницы, связанные с суицидальной тематикой, продолжают активно появляться. С 1 января 2017 года Роскомнадзор блокировал по 50 подобных групп в день, иногда количество этих групп доходило до 90. Сегодня подобные группы уже распространены в «Instagram».

Как отметил А.А. Жаров, трудность вызывает появление нового хештега – «ищу куратора». С помощью подобного призыва ребенок может связаться с куратором, без вхождения в какие-либо группы. Злоумышленник связывается с несовершеннолетним по телефону, СМС, почте. Именно такие сообщения Роскомнадзор не может отследить[6].

Помимо этого, в обществе, средствах массовой информации активно обсуждаются и другие меры, направленные на защиту детей от преступлений подобного рода.

30 мая 2017 года в Совете Федерации состоялось заседание Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре. На заседании комитета была отмечена необходимость проведения профилактических работ. Так председатель Комитета Зинаида Федоровна Драгункина предложила направить запрос от Комитета СФ в субъекты Российской Федерации, с целью выяснения обстанов-

ки по случаям детских суицидов. Также она высказалась о необходимости проведения активной разъяснительной работы среди детей, родителей в СМИ, по данной проблематике, с привлечением экспертов, психологов, педагогов[7].

На заседании профильной Комиссии совета законодателей страны обсуждались самые актуальные вопросы по обеспечению безопасности детей в информационном пространстве. Членами комиссии было предложено законодательное закрепление возрастного ценза для регистрации в социальных сетях и обязательного родительского согласия на доступ несовершеннолетних к определенному контенту[8].

В 2017 году на рассмотрение Государственной думы РФ был внесен законопроект «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Этот проект предполагает комплексное регулирование правоотношений в социальных сетях.

Как отмечает автор законопроекта В. В. Милонов: «В России отсутствует законодательное регулирование деятельности в социальных сетях, в которых современный человек проводит значительную часть своей жизни, вступая в контакт с другими людьми и осуществляя все те действия, что и в реальном мире. Поэтому нельзя допускать, чтобы эта сфера осталась вне закона»[9].

В.В. Милонов выделяет две проблемы, которые связаны использованием социальных сетей подростками:

1) популяризация самоубийства;

2) негативное, отрицательное влияние трудных подростков, а также взрослых на детей.

Для профилактики подобных явлений автор законопроекта предлагал ввести запрет на использование социальными сетями лицами, не достигших 14-летнего возраста. Помимо этого, законопроектом предполагается закрепление порядка регистрации пользователей в социальных сетях. В частности, для регистрации необходимо будет предъявление документов, удостоверяющих личность в электронном формате.

Предполагается установление определенных правил при просмотре файлов, видео, фотографий, публикаций, репостов и сообщений. Проведение контрольных будет возлагаться на Роскомнадзор. Но помимо этого, предполагается создание межведомственного координационного органа по контролю за осуществлением деятельности в социальных сетях[9].

В настоящий момент этот законопроект не вызывает большого одобрения в обществе, так как по мнению некоторых граждан он предполагает существенное нарушение их личных прав.

Кроме того, для более эффективного превентивного воздействия необходимо усовершенствовать механизм защиты несовершеннолетних в информационной сфере, в частности, от информации, причиняющей вред их нравственному и психическому развитию.

В настоящий момент в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» содержится перечень информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних. В частности, ст. 5 различает два вида информации: запрещенную и ограниченную для распространения среди детей[10].

В ст. 6.17 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о защите детей от информации, представляющей вред их здоровью и развитию. Диспозиция этой нормы является бланкетной и отсылает к ФЗ «О защите детей от информации, представляющей вред их здоровью и развитию»[11].

Важно учесть, что перед тем как предоставить информацию о способе самоубийства и призвать к его совершению, несовершеннолетних подвергали предварительному психологическому воздействию.

Средством данного воздействия являлась информация, оказывающая деструктивное воздействие на психику несовершеннолетнего. К такой информации относятся: записи депрессивного характера, аудиозаписи «давящей» музыки, стонов, криков, визгов истерзанных животных, ролики и фотографии жестоких убийств, различных истязаний, издевательств, «криппи-треды», «файлы 21», некоторые записи «шок контента», «музыкальные наркотики», ультразвуковые записи, психоделические записи и т.д. Она представляет серьезную опасность для психического и нравственного развития несовершеннолетних, в некоторых случаях она способна привести к расстройствам, воздействуя на подсознательный уровень человеческой психики. На сегодняшний день такое информационное воздействие практически не имеет какой-либо правовой оценки.

Особенностью этой информации является то, что непосредственно с помощью нее ребенка не доводят до самоубийства и это не предполагается, однако разрушительный эффект, оказываемый ею на психику, создаёт благоприятную основу для дальнейшего манипулирования личностью. После такой информационной обработки несовершеннолетние становятся более восприимчивыми к призыву совершить самотравмирующие действия и самоубийство.

Также необходимо учесть, что посредством информационного воздействия возможно склонение несовершеннолетнего к совершению иных общественно опасных действий – правонарушения и преступлений в отношении других лиц.

Особое внимание нужно уделить информации, обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным.

Подобная информация содержится не только в «группах смерти», но и в других неформальных сообществах, не связанных с суицидальной тематикой (например, группы, связанные с распространением «сатанизма»). Наиболее активное распро-

странение подобной тематики осуществляется через скрытую сеть Интернет, представляющую собой множество сайтов, скрытых от индексации поисковых систем, попасть на которые можно с помощью зашифрованных Интернет-соединений – так называемого «Deep net» или «Чёрного интернета». Распространение подобной информации может побудить несовершеннолетнего к совершению насильственных преступлений.

Помимо этого, такое деструктивное воздействие нарушает психологическое и нравственное развитие ребенка, вследствие чего он становится жестоким, агрессивным либо наоборот замыкается в себе, избегает общения, отрицает семейные ценности, становится склонным к совершению преступлений и иных антиобщественных действий. Наиболее подверженными к такому воздействию являются лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста. В качестве примера можно привести нашумевшие истории с «Хабаровскими живодерками»[12], вооруженным нападением школьника в с. Ивантеевка в сентябре 2017 года[13].

Таким образом, считаем необходимым предусмотреть в главе 20 Уголовного кодекса РФ ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, способной вызвать ужас, панику, агрессию, психические расстройства.

Предлагаем ввести уголовную ответственность в виде самостоятельного состава преступления – ст. 151.3 УК РФ за распространение, публичную демонстрацию среди несовершеннолетних информации, причиняющей вред психическому и нравственному развитию несовершеннолетних, либо обосновывающую или оправдывающую допустимость насилия и (или) жестокости, либо побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к другим людям или животным.

Для установления деструктивного характера информации следует привлекать экспертов-психологов.

Кроме этого, необходимо уделить внимание статье 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». Субъектом этого преступления, по замыслу авторов законопроекта, является лицо, создавшее и руководящее такой деятельностью. В настоящий момент, поскольку изменения в Уголовный кодекс РФ были введены относительно недавно, отсутствует судебная практика по привлечению к ответственности по ст. 110.2 УК РФ (имелись случаи привлечения по ст. 110.1 УК «Склонение к самоубийству»). Но поскольку такая деятельность носит организованный характер, то в ней участвуют и другие лица, не являющимися организаторами, но умысел которых также направлен на побуждение лица к совершению самоубийства – то есть участники такой деятельности (например, в ст. 210 УК РФ разграничивается «организация преступного сообщества (организации)» и «участие» в нем).

Также следует учесть, что склонение к суициду может осуществляться не только в сети «Интер-

нет», но и путем распространения информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к его совершению в любом другом виде (на игрушках, продуктах питания, печатной продукции и т.д.). Ярким примером является распространение записей, содержащих подобную информацию, на упаковках жевательных резинок [14].

Таким образом, считаем необходимым дополнить статью 110.2 УК РФ частью 1.1., предусматривающей ответственность за участие в деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению.

Вышеуказанные меры не являются исчерпывающими. С учетом высоких темпов развития преступности, необходимо непрерывное совершенствование механизмов по защите детей от вовлечения в суицидальную активность.

Литература

1. Гетинг Г. «Замечания о взаимодействии преступника и потерпевшего» // Журнал по уголовному праву и криминологии. 1941. № 31. С. 303-309.
2. Эффект Вертера // [Интернет ресурс]. URL: <http://www.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 22.11.2018).
3. Мурсалиева Г. Группы смерти // [Интернет ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru> № 139 от 12 декабря 2016 (дата обращения 22.11.2018).
4. «Фактически совершается дистанционное убийство» [Интернет ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения 15.11.18).
5. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) [Интернет ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения: 25.11.2018).
6. Глава Роскомнадзора сравнил создателей «групп смерти» с террористами. [Интернет ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/> (дата обращения 20.11.2018).
7. Драгункина З. Профилактика детских суицидов соответствует задачам национальной стратегии в интересах детей и десятилетию детства в России. России // [Интернет ресурс]. URL: <https://gov-news.ru/> (дата обращения 20.11.2018).
8. Как обеспечить безопасность детей в информационном пространстве? // [Интернет ресурс]. URL: <http://novosti33.ru/2017/03/zakonodateli-planiruyut-vvesti-vozhrazstnoj-tsenz-dlya-internet/> (дата обращения 20.11.2018).
9. Проект № 145507-7 федерального закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Интернет ресурс]. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru/> (Spravka)? OpenAgent&RN=145507-7 (дата обращения 20.11.2018).

10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 (дата обращения: 30.10.2018). – Ст. 5.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2018). Доступ из СПС: Гарант (дата обращения: 08.11.2018). – Ст. 6.17.

12. Живодерки из Хабаровска приговор суда последние новости. Срочные новости. // [Интернет ресурс]. URL: <http://www.newsru.ru>. (дата обращения: 07.11.2017).

13. Школьник, устроивший стрельбу в школе в Ивантеевке, предупреждал о планируемом нападении в соцсети [Интернет ресурс]. URL: <https://www.kp.ru>. (дата обращения: 07.11.2018).

14. Козлова Н., Мерзляков Р., Богданов В. Жвачка со вкусом смерти // [Интернет ресурс]. URL: <http://www.rg.ru>. (дата обращения: 20.11.2018).

Improving the mechanism for protecting minors from inclining to suicide: victimology and law

Kiselev S.S.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
The article analyzes the victimological characterization of victims of suicidal tendencies, describes the history of the issue being analyzed. The laws of interaction of external and internal factors affecting the level of suicidal behavior of minors in Russia are established. International and national legislation is assessed regarding the legal protection of minors from harmful information and the dangerous effects that lead to suicidal activity of adolescents. The issues of implementation of the Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2010 No. 436-ФЗ "On protecting children from information harmful to their health and development" and the lack of a unified system for protecting children from encroachment on the virtual space on their lives and health are emphasized. The author's assessment of the analyzed socially dangerous acts is given. Gaps in criminal and administrative legislation are established, errors in forensic investigations in cases of the category in question are predicted. It proposes the necessary changes in domestic criminal law, providing for responsibility for participation in activities aimed at encouraging committing suicide by disseminating information about methods of committing suicide or calling for it to be committed, as well as for disseminating, publicly demonstrating among minors information that is harmful to mental and moral development minors.

Keywords: Minor, victim, inclination, suicide, suicide, information.

References

1. Göting G. "Comments on the interaction of the criminal and the victim" // Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. No. 31. p. 303-309.
2. Werther effect // [Internet resource]. URL: <http://www.wikipedia.org/wiki> (appeal date 11/22/2018).
3. Mursaliyeva G. Death groups // [Internet resource]. URL: <http://www.novayagazeta.ru> № 139 dated December 12, 2016 (the date of circulation is 11/22/2018).
4. "Remote murder is actually committed" [Internet resource]. URL: <http://www.kommersant.ru> (appeal date 11/15/18).
5. National Action Strategy for Children for 2012–2017 (approved by Presidential Decree No. 761 of June 1, 2012) [Internet resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (appeal date: 25.11.2018).
6. The head of Roskomnadzor compared the creators of "death groups" with terrorists. [Internet resource]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/> (appeal date 11/20/2018).
7. Dragunkina Z. Prevention of childhood suicides is in line with the objectives of the national strategy for children and the decade

- of childhood in Russia. Russia // [Internet resource]. URL: <https://gov-news.ru/> (appeal date 11/20/2018).
8. How to ensure the safety of children in the information space? // [Internet resource]. URL: <http://novosti33.ru/2017/03/zakonodатели-planiruyut-vvesti-vozhrazstnoj-tsenz-dlya-internet/> (appeal date 11/20/2018).
 9. Draft No. 145507-7 of the Federal Law "On the Legal Regulation of Social Networks and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // [Internet resource] URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru/> (Spravka)? OpenAgent & RN = 145507-7 (appeal date 11/20/2018).
 10. On the protection of children from information harmful to their health and development: federal law of 29.12.2010 No. 436-FZ (as amended on 07.29.2018) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 (the date of circulation: 10/30/2018). - Art. five.
 11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on October 30, 2017). Access from ATP: Guarantor (date of appeal: 08/11/2018). - Art. 6.17.
 12. Flayer from Khabarovsk court verdict latest news. Urgent news. // [Internet resource]. URL: [http://www.newsru.ru.](http://www.newsru.ru/) (the date of the appeal: 07.11.2017).
 13. A schoolboy who organized a shooting at a school in Ivanteevka warned of a planned attack on the social network [Internet resource]. URL: [https://www.kp.ru.](https://www.kp.ru/) (the date of circulation: 07.11.2018).
 14. Kozlova N., Merzlyakov R., Bogdanov V. Gum with the taste of death // [Internet resource]. URL: [http://www.rg.ru.](http://www.rg.ru/) (the date of circulation: 11/20/2018).

Виктимогенные факторы насильственной преступности в местах лишения свободы

Патрушев Евгений Валерьевич

соискатель, кафедра уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Zhe259@yandex.ru

В данной статье рассматриваются виктимогенные факторы влияющие на совершение насильственных преступлений осужденными в местах лишения свободы. В настоящее время внимание в сфере противодействия преступности в местах изоляции от общества, в общем, и насильственной преступности осужденных исправительных учреждениях в частности, обращено на осужденных склонных к совершению таких деяний и значительно мало внимания уделено «потенциальным жертвам» преступлений. Предупреждение насильственной преступности осужденных в местах лишения свободы будет иметь эффект, если в полной мере будут раскрыты виктимогенные факторы, влияющие на совершение насильственных преступлений в исправительном учреждении. Автором рассматривается социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика потерпевшего от насильственного преступления в местах лишения свободы, при этом выделяются сходные характеристики и отличительные особенности личности насильственного преступника и потерпевшего в исправительном учреждении. На основании полученных данных исследования автором предлагается в зависимости от поведения потерпевших от насильственных преступлений в местах лишения свободы выделять три основных группы осужденных. Также приводятся примеры взаимоотношений преступника и жертвы насильственных пенитенциарных преступлений из реальных уголовных дел.

Ключевые слова: виктимогенные факторы, насильственная преступность осужденных, исправительные учреждения, поведение потерпевших, уголовное дело.

В современный период криминологические исследования в нашем государстве особенно актуальны, так как, помимо неуклонного роста преступной активности, Россия до сих пор входит в число мировых лидеров по количеству осужденных к лишению свободы на душу населения и занимает четвертое место в рейтинге после США, Китая и Бразилии [1, с. 7].

Анализ уровня преступности в местах изоляции от общества свидетельствует о ее неравномерности и довольно трудной предсказуемости.

В связи с тем, что в настоящее время государством взят курс на гуманизацию наказания и замену лишения свободы альтернативными наказаниями, следует сокращение численности осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы. В местах изоляции от общества остаются наиболее опасные преступники, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления на длительные сроки. Подобное сокращение численности осужденных в нашей стране происходило с 1998 по 2002 год, когда из мест лишения свободы были освобождены осужденные, характеризующиеся положительно (амнистия Государственной Думы и условно-досрочное освобождение). В этот временной промежуток в исправительных учреждениях (далее – ИУ) уменьшилось число пенитенциарных преступлений, но при этом возросло количество тяжких и особо тяжких преступлений, в отрицательную сторону изменились криминологические характеристики пенитенциарных преступников.

Таким образом, в ближайшие годы пенитенциарная преступность в России сокращаться не будет. Учитывая, что в РФ реформирования УИС согласно ранее разработанной Концепции (предусматривало создание государственной службы пробации, тюрем особого режима, создание системы административного надзора МВД и т.д.) [2], претерпело изменения, то можно предположить, что в ближайшие 1-3 года в ИУ РФ состояние преступности должно стабилизироваться, общее количество пенитенциарных преступлений сократится (с учетом сокращения численности осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы). При этом доля насильственных преступлений в общей массе пенитенциарных преступлений возрастет, за счет увеличения числа осужденных не желающих вставать на путь исправления.

Если давать среднесрочный прогноз развития насильственной пенитенциарной преступности в

РФ, считаем, что так как в ИУ останутся наиболее опасные преступники, придерживающиеся криминальных обычаев и традиций и нежелающие вставать на путь исправления, для которых совершение преступления является обычным делом, следовательно, в это время в местах лишения свободы сократятся преступления против осужденных характеризующихся положительно и против «нейтральных» (это в основном не большой и средней тяжести преступления – ст. 116, 117, 119 УК РФ и т.п.), а также будут убывать «ответные» преступления, пресекающие эти преступные действия (это также преступления не большой и средней тяжести – ст. 107, 108, 113 и 114 УК РФ). Учитывая специфику мест лишения свободы можно констатировать, что конфликты между осужденными «отрицательной направленности» будут разрешаться с помощью тяжких и особо тяжких насильственных преступлений (ст. 105, 111 УК РФ и т.д.). Поэтому в это время следует ожидать увеличение удельного веса тяжких и особо тяжких насильственных преступлений. В то же время пенитенциарная преступность в ИУ, где отбывают наказание впервые осужденные к лишению свободы и колониях-поселениях, совсем не исчезнет, т.к. неформальная власть в таких учреждениях сохранится, а следовательно свое распространение получит и криминальная субкультура, а значит и будет насильственная преступность, но по сравнению с другими ИУ не такая жестокая (за счет особого контингента).

Если давать прогноз развития насильственной пенитенциарной преступности на срок более 5 лет (долгосрочный прогноз), то следует отметить, что насильственная преступность в местах лишения свободы России будет убывать при условии, убывания всей преступности в целом, так как пополнение рядов осужденных не может не сказаться на увеличении преступности в местах изоляции от общества. Но при этом даже при росте общей преступности, насильственная пенитенциарная преступность будет убывать, если будут разрабатываться эффективные предложения по совершенствованию общих и индивидуальных мер профилактики на основе анализа современных наиболее значимых криминологических, уголовно-правовых проблем борьбы с преступностью в ИУ, а также способности и возможности правоохранительной системы применять эти меры противодействия.

Действия преступника часто зависят не только от его личностных особенностей, наклонностей и стремлений, но и от поведения потерпевшего, который своими неосторожными, аморальными и противоправными поступками может подать «идею» преступления, создать криминальную обстановку, облегчить наступление преступного результата [3, с. 197].

При рассмотрении детерминант насильственной преступности в местах лишения свободы необходимо внимание уделить анализу основных виктимогенных факторов влияющих на противоправные насильственные действия осужденных в ИУ. В настоящее время внимание в сфере проти-

водействия преступности в местах лишения свободы, в общем, и насильственной преступности в ИУ в частности, обращено на осужденных склонных к совершению таких деяний и значительно мало внимания уделено «потенциальным жертвам» преступлений. Предупреждение насильственной преступности осужденных в местах изоляции от общества будет иметь эффект, если в полной мере будут раскрыты виктимогенные факторы, влияющие на совершение насильственных преступлений в ИУ.

В юридической литературе учение о жертве преступления называют виктимологией [4, с. 197]. Термин «виктимизация» означает наращивание опасности для людей стать жертвой [5, с. 198].

Исторически первыми проблему виктимологии затронули Ф.Т. Джас и А. Фейербах в своем исследовании «Убийство и его мотивы». Авторы помимо криминальной проблемы обращаются к жертве, являющейся с моральной точки зрения частично (наряду с преступником) ответственной за убийство! Описывая случай отцеубийства, А. Фейербах так говорит о жертве этого преступления: «Он сам был причиной всего, что с ним произошло, и ему принадлежит большая часть тяжелой моральной ответственности за собственное убийство» [6, с. 19].

В местах лишения свободы виктимогенные факторы насильственной преступности представлены системой отношений криминального характера, складывающихся в ИУ, которые приводят к наступлению криминальной виктимизации осужденных.

Применительно к теме нашего исследования интерес вызывает личностная виктимность осужденных. Предлагаем дать социально-демографическую, уголовно-правовую и уголовно-исполнительную характеристики потерпевшему от насильственного преступления в ИУ, при этом выявить сходные характеристики и отличительные особенности личности насильственного преступника и потерпевшего.

Социально-демографическая характеристика потерпевшего от насильственного преступления в ИУ.

Исследование, проведенное нами в местах лишения свободы, показало, что подавляющее большинство осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ составляют – мужчины (96%), и значительно меньшую часть женщины (4%). Соответственно уровень виктимизации мужчин преобладает над уровнем виктимизации женщин, но при этом уровень криминализации мужчин и женщин имеет такие же показатели, что и уровень их виктимизации.

Возрастной состав осужденных, потерпевших от насильственных преступлений в ИУ распределился следующим образом (таблица 1).

Если сравнивать с криминогенным возрастом осужденных совершивших насильственные преступления, то виктимогенный возраст осужденных потерпевших от насильственных преступлений становится старше, при этом наиболее уязвимым является возраст 25-29 лет.

Таблица 1
Возраст осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ

Возраст осужденных	%
14–18 лет	9
19–24 лет	14
25–29 лет	22
30–35 лет	18
36–40 лет	14
41–45 лет	9
46–50 лет	9
свыше 50 лет	5

Интерес для характеристики потерпевшего от насильственного преступления в ИУ представляет его трудоустроенность. В ходе проведенного нами исследования было выявлено, что осужденные потерпевшие на момент совершения в отношении них насильственного преступления занимались трудовой деятельностью – 38%, не работали – 62%. Как видим значительная часть «жертв» была трудоустроена, при чем по сравнению с насильственными преступниками в ИУ, у них этот показатель выше на 7%.

Полное среднее образование на момент совершения насильственных пенитенциарных преступлений имели 38% потерпевших. Соответственно не имели полного среднего образования – 62%. По данному показателю потерпевшие от насилия более «образованнее» чем насильственные преступники в ИУ на 6%.

В браке состояло 82% потерпевших от насильственных преступлений в ИУ и 65% не имели детей, что практически совпадает с подобными характеристиками насильственных преступников (соответственно 80% и 68%).

В алкогольном опьянении в местах лишения свободы на момент совершения в отношении них насильственного преступления находились 15% потерпевших, в наркотическом опьянении – 5%. Соответственно получается, что насильственных преступников в ИУ, в момент совершения преступления, находилось в алкогольном состоянии в 3 раза больше и под воздействием наркотических средств практически в 2,5 раза больше по сравнению с потерпевшими.

Таблица 2
Количество судимостей у потерпевших от насильственных преступлений в ИУ

Количество судимостей	%
одна	40
две	38
три и более	22

Уголовно-правовая характеристика потерпевшего от насильственного преступления в ИУ.

В зависимости от количества судимостей в ИУ преобладают потерпевшие, имеющие одну и две судимости (40% и 38%) (таблица 2). Как мы отметили, среди насильственных преступников в местах лишения свободы преобладают осужденные с тремя и более судимостями (39%), далее с двумя – 36% и одной – 25%. Следовательно, при совершении насильственных преступлений в ИУ наблю-

дается следующая зависимость: чем больше судимостей у осужденного, тем он более криминализован и чем меньше судимостей, тем он более подвержен виктимизации.

Согласно нашего исследования потерпевшие от насильственных преступлений в ИУ имели судимости за следующие преступления:

- против жизни и здоровья – 38% (у насильственных преступников на 7% больше),
- половые преступления – 22% (у насильственных преступников на 10% меньше),
- преступления против собственности – 21% (у насильственных преступников на 4% больше),
- преступления против общественной безопасности и против общественного порядка – 12% (у насильственных преступников на 2% меньше),
- другие преступления – 7% (у насильственных преступников на 1% больше).

В соответствии с полученными данными можно прийти к выводу о том, что криминальная уязвимость возрастает у осужденных за половые преступления, что вполне согласуется с понятиями криминальной субкультуры. Также необходимо отметить, что как насильственные преступники, так и их жертвы в местах лишения свободы, до попадания в ИУ, уже выступали в роли «насильственных преступников».

Также представляют интерес данные о сроках наказания отбывших осужденными потерпевшими на момент совершения насильственного пенитенциарного преступления. В результате исследования было выявлено, что практически более половины (55%) потерпевших от насильственного преступления в ИУ, отбыли менее 2 лет лишения свободы, где менее 1 года – 28% , от 1 до 2 лет – 27%. Если сравнивать с насильственными пенитенциарными преступниками, то мы получим следующую картину на момент совершения преступления потерпевшие отбыли наказание в виде лишения свободы:

- менее 1 года - 28% (у насильственных преступников на 9% меньше),
- от 1 до 2 лет – 27% (у насильственных преступников на 6% больше),
- от 2 до 3 лет – 20% (у насильственных преступников на 4% больше),
- от 3 до 5 лет – 17% (у насильственных преступников на 1% больше),
- от 5 до 8 лет – 4% (у насильственных преступников на 1% больше),
- от 8 до 10 лет – 3% (у насильственных преступников на 1% меньше),
- более 10 лет – 2% (у насильственных преступников на 2% меньше).

В соответствии с полученными данными можно прийти к выводу о том, что криминальная уязвимость возрастает у осужденных отбывших менее 1 года лишения свободы, что можно объяснить еще не адаптированностью осужденных к условиям ИУ (особенно это проявляется у впервые попавших в места заключения). Также необходимо отметить то, что после 5 лет отбывания наказания в ИУ виктимность, также же, как и криминализация умень-

шается. Считаем, что после 5 лет нахождения, в местах лишения свободы осужденный уже занимает практически всегда постоянное место в тюремной иерархии, согласно норм криминальной субкультуры.

Уголовно-исполнительная характеристика потерпевшего от насильственного преступления в ИУ.

Если сравнивать осужденных насильственных преступников и их жертв в зависимости от места отбывания наказания то мы приходим к выводу, что данные показатели практически совпадают (таблица 3).

*Таблица 3
Распределение осужденных потерпевших от насильственного преступления в ИУ в зависимости от места отбывания наказания*

Место отбывания наказания	Доля осужденных, %
В том районе (городе), где жил до осуждения	10
Не в том районе (городе), но в том же Субъекте РФ, где жил до осуждения	75
В другом Субъекте РФ по месту осуждения	5
В другом Субъекте РФ не по месту жительства и не по месту осуждения	9
Не имел постоянного места жительства	1

Также нами были исследованы следующие уголовно-исполнительные характеристики потерпевшего от насильственного преступления в ИУ (таблицы 4-8): в зависимости от использования права на телефонные разговоры, о количестве предоставленных краткосрочных и длительных свиданий, в зависимости от реализации права на получение посылок (передач) и бандеролей. В результате мы пришли к выводу, что данные статистические показатели имеют практически одинаковые значения как у насильственных преступников в ИУ, так и у их жертв (колебания составляют в зависимости от показателя 1-3%).

*Таблица 4
Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ в зависимости от использования права на телефонные разговоры*

Количество телефонных разговоров	%
1 раз	5
2 раза	5
3 раза	7
4 раза	6
Более 4 раз	24
Не изъявлял желания	53

Считаем, что указанные статистические данные в таблице 4 имели бы другие значения, если бы осужденные не имели возможности использовать «незаконную» сотовую связь, а так получается, что практически половина (53%) осужденных потерпевших от насильственных преступлений не раз-

говаривали по телефону в ИУ (что вызывает большие сомнения). К тому же факт нахождения в местах лишения свободы мобильных телефонов, иногда служит причиной совершения насильственных преступлений.

Так в бытовой комнате помещения СТО ИК строгого режима, между осужденными П. и М., произошла ссора, в ходе которой П. на почве внешне возникших личных неприязненных отношений, из-за того, что М. завладел его мобильным телефоном, с целью причинения смерти М. умышленно нанес М. не менее 3-х ударов имевшимся при себе ножом в область шеи и правой руки. В судебном заседании П. показал: что у него был запрещенный предмет - сотовый телефон, который у него украл М., в «зоне» это делать нельзя; в 11-12 часов он обнаружил пропажу телефона, который ранее спрятал на СТО, о телефоне знал только М., П. сказал М., чтобы тот вернул телефон до 17 часов; после обеда М. сказал, что не отдаст телефон; когда пришло время, он еще раз спросил М. про телефон, М. ответил, что не отдаст телефон, начал на него «кидаться», грубить, начал выражаться матом, чем задел его достоинство, тем самым спровоцировал его. У П. был нож под рукой, которым он резал хлеб, М., так же как и он был осужден за убийство, поэтому от него можно было ожидать чего угодно. М. мог на него наброситься, света в комнате не было, куда он нанес удар М. не видел. Суд признал П. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ и назначил ему наказание в виде 14 лет лишения свободы [7].

*Таблица 5
Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ от количества предоставленных краткосрочных свиданий*

Количество свиданий	%
0	72
1	12
2	9
3	6
Более 3-х	1

Как видим осужденные в ИУ (как насильственные преступники, так и их жертвы) практически не пользуются краткосрочными свиданиями.

*Таблица 6
Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ от количества предоставленных длительных свиданий*

Количество свиданий	%
0	79
1	11
2	3
3	3
Более 3-х	4

Соответственно, также как и краткосрочные свидания, длительные свидания не пользуются «авторитетом» у потерпевших от насильственных преступлений в ИУ (также как и у насильственных пенитенциарных преступников).

Таблица 7

Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ в зависимости от реализации права на получение посылок (передач)

Количество посылок (передач)	%
0	21
1	24
2	19
3	23
4	5
5	4
6	3
Более 6	1

По полученным нами статистическим данным каждый пятый осужденный потерпевший от насилия в ИУ (21%) не получал посылок (передач), более половины (59%) не получали бандеролей. При этом количество посылок (передач) со временем сокращается (резкий спад после получения третьей посылки (передачи)). Также если посмотреть таблицу 8, то можно увидеть аналогичную картину (отличие лишь в том, что резкий спад получения бандеролей начинается после получения двух бандеролей). Такая же практически статистика и у насильственных пенитенциарных преступников. Объясняется такая ситуация приспособляемостью осужденных к условиям ИУ (у впервые осужденных) и возможностью покупать продукты питания и предметы первой необходимости в магазинах при ИУ.

Таблица 8

Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ в зависимости от реализации права на получение бандеролей

Количество бандеролей	%
0	59
1	21
2	10
3	4
4	4
5	1
6	1
Более 6	0

Интерес представляет распределение осужденных потерпевших от насильственного преступления в ИУ в зависимости от числа поощрений и взысканий (таблица 9, 10).

Таблица 9

Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ в зависимости от числа поощрений

Количество поощрений	%
0	53
1	13
2	10
3 и более	24

Как видим более половины (53%) потерпевших от насильственных преступлений в ИУ не имели поощрений, и только примерно четвертая часть таких осужденных имела 3 и более поощрения. Соответственно общее количество поощрений у

потерпевших от насилия в ИУ на 32% больше чем у насильственных преступников. При этом если сравнивать с насильственными пенитенциарными преступниками, то «жертвы» насилия в ИУ заслужили больше поощрений на момент совершения в отношении них преступления. Так в ИУ по 1 поощрению было у 13% потерпевших (у насильственных преступников на 2% меньше), по 2 поощрения – 10% (у насильственных преступников на 7% меньше), по 3 и более – 24% (у насильственных преступников на 23% меньше).

Таблица 10

Распределение осужденных потерпевших от насильственных преступлений в ИУ в зависимости от числа взысканий

Количество взысканий	%
0	19
1	46
2	20
3 и более	15

Как видим практически каждый пятый (19%) потерпевший от насильственных преступлений в ИУ не имел взысканий, почти половина имела по 1 взысканию (46%). При этом у насильственных пенитенциарных преступников не было взысканий у каждого десятого (10%). Если сравнивать с насильственными пенитенциарными преступниками, то «жертвы» насилия в ИУ заслужили меньше наказаний на момент совершения в отношении них преступления. Так в ИУ по 1 наказанию было у 46% потерпевших (у насильственных преступников на 2% меньше), по 2 наказания – 20% (у насильственных преступников на 2% больше), по 3 и более – 15% (у насильственных преступников на 9% больше).

Таким образом, характерными чертами осужденных подверженных виктимизации являются: возраст 25-29 лет (22%), наличие 1 или 2 судимостей (40% и 38% соответственно), при этом наиболее криминально уязвимы осужденные за половые преступления – 22%, отбывшие лишение свободы в ИУ менее 2 лет (55%). Потерпевшие в ИУ от насильственных преступлений по сравнению преступниками, совершившими эти преступления положительно относятся к труду (на 7% больше работают в ИУ) и к учебе (на 6% больше имели полное среднее образование), в момент совершения преступления в ИУ, находились в алкогольном состоянии в 3 раза реже и под воздействием наркотических средств практически в 2,5 раза реже по сравнению с преступниками, соответственно имеющие больше поощрений (на 32%) и меньше взысканий (на 9%).

Применительно к теме нашего исследования следует обратить внимание на взаимоотношения насильственного пенитенциарного преступника и его жертвы в ИУ. Многие преступления демонстрируют нам столь значительный вклад жертвы в то, что с нею произошло, что преступление представляется как результат действий пары – преступник и жертва [8, с. 74].

Потерпевших от насильственных преступлений в местах лишения свободы можно подразделить на три группы:

1) потерпевшие с нейтральным поведением, которые не препятствовали и не способствовали действиям преступника. Таким лицам присущи такие качества как: трусость, нерешительность, неумение ориентироваться в обстановке, неспособность оказывать сопротивление и др.

2) потерпевшие с положительным поведением, которые выступали в свою защиту и защиту другого лица от противоправных действий.

3) потерпевшие с негативным поведением, которые своими действиями (унижение, оскорбление, издевательство и т.п.) подтолкнули преступника к преступлению [9, с. 81-82].

По полученным нами данным потерпевшие от насильственных преступлений в местах лишения свободы распределились по трем группам не равномерно (таблица 11).

Таблица 11

Поведение потерпевших в ИУ от насильственных преступлений

Поведение потерпевших в ИУ	%
нейтральное	25
положительное	14
негативное	61

Как видно из таблицы 11 в местах лишения свободы преобладают потерпевшие с негативным поведением, т.е. которые сами своим поведением подтолкнули осужденных к совершению насильственного преступления.

В значительной массе насильственных преступлений осужденных в ИУ, кто станет преступником, а кто потерпевшим заранее определить довольно сложно.

Так приведем один из типичных примеров совершения насильственного преступления осужденным в ИУ: 03.09.2016 в период времени с 20 час. 30 мин. до 23. час. 55 мин. в помещении спортивного зала корпуса ИК, между находящимся в состоянии алкогольного опьянения Е. и Д. произошла ссора, в ходе которой у Е., на почве личных неприязненных отношений, возник умысел на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Д. Из показаний Е. данных им в ходе предварительного следствия следует, что Е. в отряде проживал с Д., с которым отношения были натянутые. 03.09.2016, около 21 часа, после проверки Е. позвал его поговорить. Они пошли в спортзал, где сидели с ним и разговаривали, после чего Д. стал его оскорблять грубой нецензурной бранью. Затем Е. встал с лавочки и нанес ему несколько ударов по голове. После этого он вернулся в свой отряд и рассказал о случившемся завхозу. Вину в предъявленном ему обвинении Е. признал полностью и впоследствии был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 7 годам лишения свободы [10]. Как видим, оба осужденных (и преступник и жертва) находились в стадии конфликта продолжительное время и если бы Е. не находился в алкогольном опьянении, то возможно и не было бы насильственного преступления. При этом конфликтная ситуация бы продолжалась и преступник с жертвой могли бы «поменяться местами».

Таким образом, в заключении хотелось бы отметить, что среди детерминант насильственной преступности осужденных в местах лишения свободы поведение потерпевшего и его личностные признаки являются одними из определяющих факторов. Соответственно рассмотренные нами виктимогенные факторы будут обуславливать предложения по профилактики насильственной преступности осужденных в ИУ.

Литература

1. Криминология: Учебник и практикум для бакалавриата и специалиста / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. М.: «Юрайт», 2018. - 277 С.

2. Директор ФСИН представил правозащитникам концепцию реформирования [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rg.ru/fsin-site.html>

3. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2004. – 734 С.

4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2004. – 734 С.

5. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2004. – 734 С.

6. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2002. – 734 С.

7. Архив Нерчинского районного суда Забайкальского края. Дело № 1-44/2015.

8. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / Под ред. Сальникова В.П. СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 221 С.

9. Шурухнов Н.Г. Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. №3. 1993. С. 74–83.

10. Архив Ванинского районного суда Хабаровского края. Дело № 1-79/2017.

Victimogenic factors of violent crime in places of deprivation of liberty

Patrushev E.V.

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Department of criminal law

this article discusses the victimogenic factors affecting the Commission of violent crimes by convicts in prison. Currently, the attention in the sphere of combating crime in places of isolation from society, in General, and violent crime of convicted correctional institutions in particular, is drawn to convicts prone to committing such acts and much little attention is paid to "potential victims" of crimes. Prevention of violent crime of convicts in places of deprivation of liberty will have an effect if the victimogenic factors affecting the Commission of violent crimes in the correctional institution are fully disclosed. The author examines the socio-demographic, criminal-legal and criminal-Executive characteristics of the victim of a violent crime in places of deprivation of liberty, while highlighting similar characteristics and distinctive features of the identity of the violent offender and the victim in a correctional institution. On the basis of the obtained research data, the author proposes to distinguish three main groups of convicts depending on the behavior of victims of violent crimes in places of deprivation of liberty. There are also examples of the relationship between the offender and the victim of violent prison crimes from real criminal cases.

Key words: victimogenic factors, violent crime of convicts, correctional institutions, behavior of victims, criminal case.

References

1. Criminology: Textbook and practical work for bachelor and specialist / I.Ya. Kozachenko, K.V. Korsakov. M.: "Yurayt", 2018. - 277 С.

2. The director of the FSIN introduced the concept of reforming to human rights defenders [Electronic resource] // Access mode: <http://www.rg.ru/fsin-site.html>
3. Criminology: Textbook / Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminov. M.: Yurist, 2004. - 734 S.
4. Criminology: Textbook / Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminov. M.: Yurist, 2004. - 734 S.
5. Criminology: Textbook / Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminov. M.: Yurist, 2004. - 734 S.
6. Criminology: Textbook / Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminov. M.: Yurist, 2002. - 734 S.
7. Archive of the Nerchinsky District Court of the Trans-Baikal Territory. Case number 1-44 / 2015.
8. Criminology and crime prevention: Textbook. Course of lectures / ed. Salnikova V.P. SPb.: University Foundation, 2001. - 221 C.
9. Shurukhnov N.G. Personality of the penitentiary offender // Sociological research. Number 3. 1993. pp. 74–83.
10. Archive of the Vaninsky District Court of the Khabarovsk Territory. Case number 1-79 / 2017.

К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений в целях гарантирования прав и свобод человека и гражданина

Семенова Диана Михайловна

старший преподаватель, кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, 5500diana@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений в целях гарантирования конституционных прав и свобод личности. Выявляется соотношение системы прав и свобод, определенных в Конституции Российской Федерации и в Уголовном кодексе Российской Федерации. Делается вывод, что уголовное законодательство является важнейшей гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина. На основе данных статистики и материалов правоприменительной практики обосновывается вывод о неэффективности дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений в УК РФ. На основе изучения норм уголовного законодательства выявляются противоречия в использовании основных средств дифференциации уголовной ответственности за повторную преступность в УК РФ. Разрабатываются авторские предложения по изменению уголовного законодательства в целях эффективного гарантирования прав и свобод человека и гражданина при использовании средств дифференциации уголовной ответственности за повторную преступность в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: множественность преступлений, конституционные права и свободы, гарантии прав и свобод человека и гражданина, дифференциация ответственности, пределы дифференциации ответственности, повторная преступность

Признавая в качестве важнейшего объекта уголовно – правовой охраны права и свободы личности, Уголовный кодекс Российской Федерации основывается на положениях ст. 2 Конституции Российской Федерации, о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – важнейшая обязанность государства.

Уголовный кодекс является средством гарантий прав и свобод человека.

Впервые в УК РФ содержится самостоятельная глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод». При этом, важно отметить, что система прав и свобод человека и гражданина, определенных в гл. 2 Конституции Российской Федерации, не совпадает с кругом конституционных прав и свобод, подлежащих защите нормами гл. 19 УК РФ. Например, гарантированное ст. 20 Конституции Российской Федерации право на жизнь защищается нормами гл. 16 УК РФ и т.д. Не углубляясь в анализ данной проблемы, отметим, что на наш взгляд, защита конституционных прав и свобод личности обеспечивается нормами всего УК РФ, а не только нормами гл. 19 УК РФ, где конституционные права и свободы человека и гражданина выступают основным непосредственным объектом. В нормах других разделов и глав УК РФ права и свободы человека и гражданина выступают дополнительным или факультативным объектами.

Для реализации конституционной обязанности по охране прав и свобод человека и гражданина необходимо не только формальное их закрепление в качестве объекта уголовно – правовой охраны, но и создание механизма, обеспечивающего их гарантии.

Под юридическими гарантиями прав и свобод понимаются закрепленные в правовых актах условия и средства, обеспечивающие реальные возможности охраны и осуществления прав и свобод человека и гражданина, включая восстановление и надлежащего исполнения обязанностей [1, 18].

Соответственно, механизм гарантирования предполагает взаимосвязь норм УК РФ и правоприменения.

Однако, анализ законодательства и правоприменительной практики обнаруживает их противоречивость, несогласованность целей и средств гарантирования прав и свобод человека и гражданина.

Статистика правоприменительных органов показывает, что многие лица привлекаются к уголов-

ной ответственности не в первый раз либо не за одно преступление. Так, в 2012 году из 739 278 осужденных – 34% (254 279 человек), в 2013 году из 735 340 – 34% (250 245 осужденных), в 2014 году из 719 305 осужденных – 34% (241 765 человек), в 2015 году из 733 607 осужденных – 32% (239 794 человека), в 2016 г. из 740 380 осужденных – 30 % (221 250 человек), в 2017 г. – 32 % осужденных имели неснятую или непогашенную судимость [2] при совершении повторного преступного деяния. Такое соотношение первичной и повторной преступности неблагоприятно в организации борьбы с преступностью, на неэффективность системы гарантий защиты прав и свобод человека.

Как представляется, в условиях высоких показателей повторной преступности актуализируется задача повышения качества защиты прав и свобод человека и гражданина, важнейшим средством которой представляется дифференциация ответственности за множественность преступлений [3, 82].

Дифференциация уголовной ответственности – ключевое направление российской уголовной политики, представляющее изменение установленных уголовном законом пределов, вида, размера ответственности с учетом изменения общественной опасности деяния и лица, совершившего. Основанием дифференциации уголовной ответственности при множественности преступлений выступает повышенная общественная опасность повторных преступлений и личности виновного. Лицо, совершившее несколько преступлений должно отвечать за каждое из них, при этом ответственность должна быть соразмерной тяжести и количеству совершенных преступлений. Важное значение для адекватной оценки социальной опасности лица и назначения справедливого наказания имеет установление того, подвергалось ли лицо ранее мерам уголовного воздействия или нет. Иными словами, ответственность должна дифференцироваться с учетом форм множественности преступлений.

Основанием усиления уголовной ответственности выступает повышенная общественная опасность повторных преступлений и личности виновного (кумулятивный эффект, накопление опасности личности). Соответственно вызывает сомнение обоснованность такой же дифференциации уголовной ответственности (с направлением усиления) в отношении одновременного выполненных одним лицом нескольких преступлений, то есть идеальной совокупности преступлений. В уголовном праве повторно совершенные преступления, как и одновременно свершенные, обычно определяются с применением одного понятия - совокупности преступлений.

Дифференциация уголовной ответственности в условиях множественности преступлений возможна путем изменения пределов окончательного наказания за множественность преступлений либо способом изменения пределов санкции статьи Особенной части УК РФ, в которой тот или иной

вид множественности может быть предусмотрен в качестве обстоятельства, усиливающего наказание[4, 55].

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ не образует совокупность преступлений совершение двух или более преступлений, если на это прямо указано в статьях Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Иными словами, совокупность преступлений исключается, если имеется единичное преступление с учтенной совокупностью. В последнем случае квалификация преступления осуществляется с одной ссылкой на одну статью УК РФ. Напротив, при совокупности преступлений каждое из деяний получает самостоятельную квалификацию по соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Использование в УК РФ конструкции составов с учтенной совокупностью преступлений осложняет практику квалификации преступлений и назначения наказания, поскольку спорной является сама идея вынесения составов с учтенной совокупностью преступлений за рамки множественности преступлений.

Например, следуя буквальному толкованию статьи 17 УК РФ, убийство, сопряженное с разбоем, следует рассматривать как пример преступления с учтенной совокупностью. Однако, судебная позиция иная. В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 г. № 1 определено: «Убийство, сопряженное с разбоем, квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьей УК РФ, предусматривающей ответственность за разбой» (аналогичные правила квалификации предложены для вымогательства, похищения человека, бандитизма, изнасилования).

Следует отметить, что Федеральным законом от 30.12.2008 N 321-ФЗ в УК РФ введены составы преступлений, в которых квалифицирующим признаком, повышающим общественную опасность, названо умышленное причинение смерти другому лицу (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206 УК РФ, ч. 3 ст. 281 УК РФ). Для целей квалификации данных преступлений Верховный Суд РФ выработал противоположный подход. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» закреплено, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует». Захват заложника и диверсию, сопряженные с умышленным лишением жизни, в судебной практике квалифицируют так же - как учтенную законом совокупность преступлений. Различный подход к схожим правовым ситуациям представляется недопустимым.

Большое удивление вызывает, что смежные преступления в виде похищения человека и захвата заложника, будучи сопряженными с убийством,

получают разную уголовно – правовую оценку и за их совершения наступают разные правовые последствия.

Представляется, что решение уголовно – правовых вопросов дифференциации уголовной ответственности, которое содержится в актах судебной практики, относится к недостаткам действующего УК РФ, и это обстоятельство не должно влиять на ключевое положение: место дифференциации уголовной ответственности – в уголовном законе [5,57].

Если в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ выделен квалифицирующий признак убийства двух лиц, то для подавляющего числа умышленных преступлений не предусмотрена дифференциация уголовной ответственности с учетом направленности преступления против нескольких потерпевших. Верховный Суд РФ сформировал позицию, согласно которой деяния в отношении нескольких потерпевших не образуют совокупность преступлений, даже если данное обстоятельство не предусмотрено статьями Особенной части УК в качестве признака, повышающего пределы наказания. Так, переqualифицировав действия С. со ст. 317 УК РФ, ст. 317 УК РФ на ст. 317 УК РФ, Верховный Суд РФ разъяснил: «Действия виновного, связанные с посягательством на жизнь нескольких сотрудников милиции, совершенные с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, образуют единое преступление и подлежат квалификации по одной статье (ст. 317 УК РФ)» [6].

Использование законодателем санкций с чрезмерно широкими пределами наказания и, следовательно, предоставление суду право почти неограниченного усмотрения актуализирует проблему регламентации ответственности за совершение преступлений в отношении нескольких потерпевших.

Следующий вопрос связан с тем, что уголовно-правовые последствия совершения нескольких преступлений до осуждения не дифференцируются в зависимости от их характера (тождественности, нетождественности).

Федеральными законами от 21 ноября 2003 г. и от 7 декабря 2011 г. в основном унифицированы принципы и правила назначения наказания за множественность преступлений. В случае совокупности преступлений предусмотрена возможность применения метода поглощения при определении окончательного наказания, если совершены преступления небольшой и средней тяжести, а также если имели место приготовление или покушение на тяжкие или особо тяжкие преступления. Значит, лицо, совершившее несколько таких тождественных преступлений до осуждения, несет ответственность в рамках той же санкции, что и лицо, совершившее одно преступление. Однако, общественная опасность совокупности преступлений вбирает общественную опасность входящих в нее преступлений и, как представляется, повторение преступлений является признаком профессионализации преступника. В данном случае назначение наказания за совокупность тождественных преступлений методом полного поглощения ниве-

лирует значение взаимосвязи преступлений и снижает превентивное значение наказания. Нарушается принцип справедливости, поскольку лицо отвечает за несколько преступлений, так же, как другое лицо за одно преступление. Более того, при назначении наказания методом поглощения лицо de facto освобождается от ответственности за некоторые из совершенных преступлений (когда их больше двух).

Считаем, регламентация дифференцированного порядка назначения наказания по видам совокупности преступлений (тождественных и нетождественных) в уголовном законе необходима для назначения соразмерного наказания характеру, степени общественной опасности совершенных деяний.

Будучи социальным явлением, множественность преступлений свидетельствует об особой опасности взаимосвязанных преступлений и повышенной опасности личности преступника.

В целях обеспечения эффективного гарантирования защиты прав и свобод человека от повторной преступности считаем целесообразным:

1. Усилить ответственность за повторное совершение преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ;

2. Исключить усиление ответственности по правилам множественности преступлений при единичных преступлениях с учтенной совокупностью, идеальной совокупности;

3. Восстановить с закреплением в УК РФ дифференцированный порядок назначения наказания с учетом вида рецидива;

4. Расширить круг преступлений с квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком специального рецидива.

Литература

1. Ануфриева Т.Н. Ходусов А.А. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности: Учебное пособие. М.: Международный юридический институт, 2011.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 - 2017 гг.; Статистические сведения по показателю «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу» за 2012 - 2016 гг. Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2356> (дата обращения: 16.10.2018).

3. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. - Красноярск, 1991.

4. Кругликов Л.Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части УК// Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995.

5. Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности //Журнал российского права. - 1998. - №9.

6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2008 г. N 163-П08. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11.

On the issue of differentiation of criminal responsibility for the multiplicity of crimes in order to guarantee the rights and freedoms of man and citizen

Semenova D.M.

Samara National Research University

The article deals with the problems of differentiation of criminal responsibility for the multiplicity of crimes in order to guarantee the constitutional rights and freedoms of the individual. The relationship between the system of rights and freedoms defined in the Constitution of the Russian Federation and in the Criminal Code of the Russian Federation is revealed. It is concluded that the criminal law is the most important guarantee of constitutional rights and freedoms of a person and citizen. Based on statistical data and law enforcement materials, the conclusion is substantiated that the differentiation of criminal responsibility for the multiplicity of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation is ineffective. On the basis of a study of the norms of criminal legislation, contradictions are revealed in the use of the basic means of differentiating criminal responsibility for repeated crime in the Criminal Code of the Russian Federation. Author's proposals are being developed for amending the criminal law in order to effectively guarantee the rights and freedoms of a person and citizen when using the means of differentiating criminal responsibility for repeated crime in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: multiple crimes, constitutional rights and freedoms, guarantees of rights and freedoms of a person and a citizen, differentiation of responsibility, limits of differentiation of responsibility, repeated crime

References

1. Anufrieva T.N. Khodusov A.A. Criminal law protection of the rights and freedoms of the individual: Textbook. M.: International Law Institute, 2011.
2. Summary statistics on criminal status in Russia for 2012-2017; Statistical information on the indicator "The proportion of persons previously convicted of committing crimes in the total number of persons convicted on the basis of convictions that have entered into legal force" for 2012 - 2016. Access mode: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2356> (access date: 10/16/2018).
3. Korobeev, AI, Uss, AV, Golik, Yu.V. Criminal law policy: trends and prospects. - Krasnoyarsk, 1991.
4. Kruglikov L.L. On the means of differentiation of responsibility in the General Part of the Criminal Code // Actual problems of natural and human sciences. Yaroslavl, 1995.
5. Kostareva, T.A. Differentiation of criminal liability // Journal of Russian law. - 1998. - №9.
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 18, 2008 N 163-P08. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 11.

Принцип взаимности по вопросам экстрадиции

Содиков Шарбатулло Джаборович

научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, sodikovsh@mail.ru

Статья посвящена месту и роли принципа взаимности в экстрадиционной практике. Автор анализирует многосторонние, региональные и двухсторонние соглашения, а также национальное законодательство о выдаче. Автор приходит к мнению о том, что принцип взаимности, зачастую воспринимается не в таком виде, в котором он был изначально.

Ключевые слова: Экстрадиция, принцип взаимности, международные договора, прокуратура.

Процедура выдачи лиц, нарушивших уголовное законодательство представляет собой, согласованный между заинтересованными государствами, на основе норм международного права, акт правовой помощи, заключающийся в передаче физического лица, совершившего преступление, другому государству в целях привлечения его к уголовной ответственности или для приведения в исполнение вступившего в силу приговора суда в отношении данного лица¹⁵.

Данное определение говорит о том, что все процессы, касающиеся выдачи лиц совершивших преступление, относятся сугубо к внутренней компетенции страны, на территории которой данное лицо совершило преступление¹⁶. Однако, выдача подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления является в первую очередь правом государства, нежели его обязанностью. Обязанность выдачи присутствует только при наличии соответствующего международного договора о выдаче.

В современной практике распространены случаи, когда требуют и передают не осужденного, а обвиняемого в совершении преступления, поэтому у выдаваемого государства могут возникнуть здоровые сомнения в доказанности виновности выданного подозреваемого лица. В связи, с чем возникает процессуальный вопрос о проверке обоснованности выдвигаемого обвинения со стороны государства, от которого требуют выдачи.

Выдаваемому государству необходимо убедиться в отсутствии политизированности дела и фальсификации доказательств. Поэтому выдаваемое государство обязано руководствоваться международными правовыми основаниями экстрадиции. А именно:

1. Многосторонние соглашения по борьбе с отдельными видами международных преступлений и преступлений международного характера: «Конвенция о неприменении срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества 1968 г.», «Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.», «Монреальская конвенция о борьбе с незаконны-

¹⁵ Коснареева Н.Е. Выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора в российской системе судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 СПб., 2005 254 с.

¹⁶ Пантеева Н.В. Международное право как регулятор современных международных отношений: науч. моногр. / Н.В. Пантеева; М-во образования и науки РФ, Моск. гос. обл. ун-т. - Москва: Изд-во МГОУ, 2004. - 497 с.; 21

ми актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.», «Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.».

2. Региональные и двухсторонние соглашения о правовой помощи: «Конвенция Совета Европы о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.», «Конвенция Совета Европы о выдаче правонарушителей 1957 г.», «Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.», «Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам между РФ и Литовской Республикой 1992 г.».

3. Национальные законодательства. Так, к примеру, обязанность соблюдения условий взаимности провозглашена в действующем законодательстве Испании – «Закон о выдаче преступников 1958 г., ст. 2», Люксембурга – «Закон 1870 г., ст. 1», Израиля - «Закон 1954 г., ст. 2», а также в законодательстве многих других государств.

В случаях, не урегулированных межгосударственными соглашениями о выдаче преступников, для ее осуществления требуется соблюдение государствами принципа взаимности. Основным аргументом здесь выступает необходимость в уважении равенства всех государств и соблюдении их суверенных прав.

В то же время государству ничто не препятствует для того, чтобы добровольно лимитировать уровень своего суверенитета и производить выдачу преступников при отсутствии других исключаящих этот процесс обстоятельств. Так как, зачастую прикрываясь своим суверенитетом, государства рискуют стать ничем иным как убежищем для уголовных преступников. Поэтому в национальном законодательстве большинства государств обозначилась ярко выраженная тенденция в пользу исключения из национальных правовых норм требований взаимности как неприемлемого условия выдачи преступников, передавая процесс выдачи на усмотрение выдаваемого государства¹⁷.

Так, на сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и нормы международного права не исключают возможности выдать Россией лицо, в условиях отсутствия международного договора о выдаче лица, конкретному государству.

Основываясь на п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 N 11 "О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания", ч. 2 ст. 462, ст. 469 УПК РФ Российская Федерация может выдать лицо иностранному государству, признать приговор суда иностранного государства на основе принципа взаимности, в соответствии с которым от ино-

странного государства можно ожидать, что в аналогичной ситуации такое государство выдает российской стороне лицо для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передаст гражданина России, осужденного судом указанного иностранного государства, для отбывания наказания в России, признает приговор, вынесенный российским судом в отношении своего гражданина, для отбывания наказания в данном иностранном государстве.

Процедура выдачи на сегодняшний день является весьма актуальной и количество подобных дел, рассматриваемых российскими судами, за последние годы, возросло почти вдвое. В основном экстрадиция производится в страны СНГ, отношения с которыми урегулированы международными договорами. Однако, не мало экстрадиционных дел, в условиях, когда международных договоров между государствами нет, либо они не охватывают большинство вопросов. Так обстоят дела в отношениях с западными государствами, когда вопрос выдачи регулируется принципом взаимности.

В ст. ст. 463, 469 УПК РФ говорится, что Россия может выдать, передать лицо иностранному государству, а также признать приговор суда иностранного государства на основе принципа взаимности. Этот принцип следует понимать, в большей степени, как возможность «ожидать» от иностранного государства, что оно в аналогичной ситуации поступит аналогичным образом. Но в тоже время сложность представляет исследование норм иностранного права, особенно в случаях, когда отдельные признаки составов преступления не совпадают. В этом случае формального отказа в экстрадиции быть не должно, а должны быть оценены фактические обстоятельства имевшие место в деянии и его наказуемость по законам обоих государств¹⁸.

Не маловажной проблемой является также угроза применения к выдаваемому лицу смертной казни, а также пыток и бесчеловечного обращения. В этом случае, ни при каких обстоятельствах, экстрадиции быть не должно, однако на практике подобные риски оцениваются далеко не всегда. В частности, в 2011 году Страсбургский суд вынес решения по 11 делам об экстрадиции из России, где признал нарушения Россией ст. ст. 3 и 5 Конвенции – «выдача лиц в страны, где они могут быть подвергнуты незаконному содержанию под стражей и угрозе применения пыток».

Однако нельзя сказать, что российская правовая система дает сбой. Отнюдь, в 2017 году Теучежский районный суд Республики Адыгея отка-

¹⁸ Содиков Ш.Д., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. О проблемах экстрадиции в современном международном праве интервью с содиковым шарбатулло джаборовичем, кандидатом юридических наук, старшим научным сотрудником института международных исследований мгимо (у) мид рф, заместителем председателя московской городской коллегии адвокатов "право и справедливость" по международно-правовым отношениям / Содиков Ш.Д., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 10-14.

¹⁷ Кулаков В.С. Особенности и формы борьбы с международной преступностью / Кулаков В.С. // Право и образование. №4. 2014. – с. 64-72.

зал в выдаче властям Украины коммерческого директора «Торговый Дом Никатэн» гражданина Украины Алексея Сальникова, задержанного на территории Российской Федерации. Суд счел, что Сальников в случае его выдачи может быть подвергнут наказанию не соразмерному совершенному им преступлению.

В свою очередь Украина требовала экстрадиции Сальникова, мотивируя это тем, что он совершил на ее территории ряд преступлений – «покушение на завладение имуществом путем злоупотребления своим служебным положением, совершенном в особо крупном размере и в служебном подлоге (составлении и выдаче служебным лицом заведомо ложных официальных документов)».

В России эти преступления относятся к области предпринимательской деятельности, наказание за совершение которых может быть определено в виде штрафа, а на Украине за эти преступления предусмотрено наказание в виде двенадцати лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Стороне защиты, удалось убедить суд в том, что постановление прокурора Теучежской межрайонной прокуратуры Республики Адыгея, добивавшегося экстрадиции Сальникова на Украину, является незаконным, необоснованным, немотивированным и противоречащим действующему законодательству Российской Федерации и нормам международного права¹⁹.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что принцип взаимности по вопросу выдачи преступников иностранному государству должен, в первую очередь строиться не на условиях «ты мне - я тебе», а на объективном понимании обстоятельств каждого экстрадиционного случая, принимая во внимание соразмерность степени общественной опасности совершенного деяния и наступления возможных последствий исполняемого, в запрашиваемой стране, наказания. Ведь цена человеческой жизни и достоинства не может быть ниже политической экономии. Жаль, что это не осознают многие прокурорские работники из СНГ и ЕС, которые замыленным взглядом смотрят на человеческие судьбы, проносящиеся возле них на конвейере правосудия.

Литература

1. Пантеева Н.В. Международное право как регулятор современных международных отношений: науч. моногр. / Н.В. Пантеева; М-во образования и науки РФ, Моск. гос. обл. ун-т. - Москва: Изд-во МГОУ, 2004. - 497 с.; 21
2. Коснареева Н.Е. Выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора в российской системе судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 СПб., 2005 254 с.

3. Кулаков В.С. Особенности и формы борьбы с международной преступностью / Кулаков В.С. // Право и образование. №4. 2014. – с. 64-72.

4. Содиков Ш.Д., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. О проблемах экстрадиции в современном международном праве интервью с содиковым шарбатулло джаборовичем, кандидатом юридических наук, старшим научным сотрудником института международных исследований мгимо (у) мид рф, заместителем председателя московской городской коллегии адвокатов "право и справедливость" по международно-правовым отношениям / Содиков Ш.Д., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 10-14.

5. Трапаидзе К.З., Содиков Ш.Д. Адвокатура в системе правового государства / К.З. Трапаидзе, Ш.Д. Содиков // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 312-313.

The principle of reciprocity in extradition matters Sodikov Sh.D.

Moscow state Institute of international relations (University) of the Russian foreign Ministry

The article is devoted to the place and role of the principle of reciprocity in extradition practice. The author analyzes multilateral, regional and bilateral agreements, as well as national legislation on extradition. The author comes to the opinion that the principle of reciprocity is often not perceived in the form in which it was originally.

Key words: Extradition, principle of reciprocity, international treaties, procuracy.

References

1. Panteeva N.V. International law as a regulator of modern international relations: scientific. monograph / N.v. Pantheev; The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Mosk. state region un-t - Moscow: Publishing house MGOU, 2004. - 497 p.; 21
2. Kosnareeva N.E. Extradition of a person for criminal prosecution and execution of a sentence in the Russian court system: Dis. ... Cand. legal Sciences: 12.00.09 SPb., 2005 254 p.
3. Kulakov V.S. Features and forms of combating international crime / Kulakov V.S. // Law and education. №4. 2014. - p. 64-72.
4. Sodikov Sh.D., Bondarenko A.V., Lukiyanov M.Yu. On the problems of extradition in contemporary international law, interviews with Sodikov Sharbatullo Dzhaborovich, PhD in Law, Senior Fellow at the Institute of International Studies MGIMO (y) Mid RF, Vice-President of the Moscow City Bar Association "Law and Justice" on International Legal Relations / Sodikov Sh. D., Bondarenko A.V., Lukiyanov M.Yu. // Eurasian Law Journal. 2018. No. 3 (118). Pp. 10-14.
5. Trapaidze K.Z., Sodikov S.D. Bar in the system of the rule of law / K.Z. Trapaidze, Sh.D. Sodikov // Eurasian Law Journal. 2017. № 11 (114). Pp. 312-313.

¹⁹ Трапаидзе К.З., Содиков Ш.Д. Адвокатура в системе правового государства / К.З. Трапаидзе, Ш.Д. Содиков // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 312-313.

Принцип социальной справедливости в доктрине и решениях конституционного трибунала Польши

Чехарина Валентина Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук, chekharina@mail.ru

Предметом исследования является принцип социальной справедливости в контексте конституционных установлений Польши, польской правовой доктрины, решений Конституционного Трибунала. Методологию исследования составили сравнительный, аналитический методы, системный подход. Принцип социальной справедливости в польской доктрине рассматривается в контексте основных принципов современного государства: правового государства, равенства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, защиты человеческого достоинства. Он представляется еще не вполне определенным. Подчеркивается связь социальной справедливости с моделью рыночной экономики. Выделяются положительные и негативные аспекты социальной справедливости, которые отражаются в решениях Конституционного трибунала. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях этого вопроса.

Ключевые слова: принцип социальной справедливости, Польша, конституция, польская доктрина, Конституционный Трибунал

Социальная справедливость является одной из универсальных конституционных ценностей, являющихся общим достоянием человеческой цивилизации и занимает особое место в политических и философских исследованиях. В концепции справедливости проявляется своеобразие справедливости как ценности и справедливости в качестве регулятивного принципа. Понятие «справедливость» в западноевропейском понимании отождествляют с понятием «право».²⁰ Термин «*justitia*» принято переводить как справедливость.²¹ В российской теории понятия право, закон и справедливость не только связываются, но и утверждается, что "право, справедливость, правда однокоренные слова, причем не только в русском языке".²²

Особенности содержания и реализации социальной справедливости соотносятся с контекстом изменений конституционно-правовой парадигмы современных государств, доктриной конституционного права и практикой конституционных судов. Социальная справедливость как принцип или отдельные его элементы все чаще закрепляются в современных европейских конституциях.²³

В европейских государствах обращение к социальной справедливости вызвано многими причинами, в том числе и практического характера, например, поиском оптимальной социальной модели. Запрос на социальное государство в разных формах поддерживается в европейских странах. Неравенство в доходах снижает удовлетворенность жизнью всего общества. Часто сравниваются представления о социальном обеспечении, особенно в Восточной Европе.²⁴ Оценивается также индекс справедливости.

²⁰Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.

²¹*Exemplum Tractatus de Justitia Universali, sive de Fontibus Juris // The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England / Collected and edited by J. Spedding, R.S. Ellis and D.D. Heath. Vol. 1. London, 1875. См. также Бэкон Ф. Философское наследие. Соч. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 484 - 512.*

²²Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 2-9.

²³Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. №5. С.72-83.

²⁴ См.: Широканова А. А. Установки в отношении социального обеспечения в Польше и России: результаты Европейского

В последние годы лидерами индекса справедливости являются скандинавские страны Дания, Швеция и Финляндия, Норвегия. Исследования, проведенные Фондом Бертельсмана (*Bertelsmann Stiftung*) в 2017 году, показывают, что по индексу социальной справедливости Польша позиционируется в середине рейтинга всех стран ЕС и находится на 15 месте. В этом плане она не характеризуется высокой однородностью социальной справедливости, однако низкой ее тоже не назовешь. Оценивается также, что Польша на протяжении многих лет развивается быстрее, чем в среднем страны ЕС. Отмечается, что в 1991-2016 гг. ВВП Польши вырос на 170%, и это был самый большой рост по сравнению с остальными постсоциалистическими странами²⁵.

В Конституции Польши 1997 года, в статье 1, закрепляется, что Республика Польша есть общее благо всех граждан. В статье 2 Конституции устанавливается, что Республика Польша есть демократическое правовое государство, осуществляющее принципы социальной справедливости.

Принцип социальной справедливости в польской доктрине рассматривается в контексте важнейших принципов современного государства: правового государства, равенства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, защиты человеческого достоинства. В связи с этим политика государства социальной справедливости должна следовать в первую очередь обеспечению защиты достоинства человека как принципа, который является точкой отсчета системы конституционных ценностей, а также фундаментальным положением для всего правопорядка²⁶.

Принцип справедливости и принцип равенства, находящийся с ним в тесной взаимосвязи, имеют, будучи общими правилами, существенное значение при анализе вопросов, связанных с понятием демократического, правового и социального государства.²⁷ В польской науке присутствует общее представление, что правовое государство, демократическое государство и принцип справедливости являются тремя основами конституционного порядка.²⁸

В то же время принцип социальной справедливости представляется еще не вполне системати-

зированным. В польской литературе представлено мнение о неопределенности понятия «социальная справедливость», что дает возможность трактовки этого понятия, базируясь на разных социально-политических программах. Эта неопределенность способствует перенесению его анализа из строго догматической плоскости в политико-юридическую область. Вместе с тем в литературе показано, что установление о социальной справедливости не имеет «бланкетного» содержания²⁹. Принцип социальной справедливости по своему характеру является открытым и нуждается в конкретизации.

Принцип социальной справедливости обязывает государство проводить активную социальную и экономическую политику с помощью средств конкурентного развития и в целях достижения, в частности, условий здорового и стабильного экономического развития и бюджетного равновесия, что подчеркнул в решениях Конституционный Трибунал Польши.³⁰

Конституционный Трибунал Польши подтвердил, что в судебной практике применение принципа социальной в качестве самостоятельного (исключительного) основания для принятия решения о неконституционности норм допустимо лишь только в порядке исключения. Общий принцип может служить лишь дополнительным аргументом, обосновывающим нарушение конкретной конституционной нормы³¹.

Из понятия социального государства вытекает содержание общего обязательства государства социальной справедливости, охватывающего конституционно-правовую обязанность влиять (воздействовать) на экономические отношения, которые не могут формироваться исключительно как самонастраивающиеся рыночные механизмы.

Авторы польской конституции, закрепляя постулаты о социальной справедливости, исходили из экономической составляющей этого понятия, связывая его с моделью рыночной экономики. Это подтверждается закреплением в ст. 20 Конституции Польши положения о том, что социальное рыночное хозяйство, опирающееся на свободу хозяйственной деятельности, частную собственность, а также солидарность, диалог и сотрудничество социальных партнеров, образует основу экономического устройства Республики Польша³². В польской доктрине отмечается взаимосвязь со-

социального исследования // Журн. Белорус. гос.ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 135–143. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe//Econ. The Open-Access. 2014. Vol. 8. P. 1–29.

²⁵ См.: Fundacja Bertelsmanna: Polska 15 w Indeksie Sprawiedliwości Społecznej. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1090548,fundacja-bertelsmanna-polska-15-w-indeksie-sprawiedliwosci-spolecznej.html> (дата обращения: 10.10.12)

²⁶ Wyrok TK z 23 marca 1999 r. Sygn. K. 2/98. OTK ZU 1999. Poz. 38. Wyrok TK z 4 kwietnia 2001 r. Sygn. K 11/00. OTK ZU 2001. Nr 3. Poz. 54.

²⁷ Собчак Я. Справедливость и равенство в судебной практике польского конституционного суда. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23520/1/9_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%87%D0%B0%D0%BA.pdf (дата обращения 08.06.18).

²⁸ Wyrzykowski M. Przepisy utrzymane w mocy, art. 1//Komentarz do Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej/ red. Garlicki L. Warszawa, 1995. С. 4.

²⁹ Ziemiński Z. O pojmowaniu sprawiedliwości. Lublin, 1992. S. 133. Ziemiński Z. Wartości konstytucyjne. Warszawa, 1993. S. 84 i in.

³⁰ Oniszczyk J. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego na początku XXI wieku. Kraków, 2004. S. 271.

³¹ См.: Garlicki L. Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego w 1998 roku // Przegląd Sądowy. 1998. № 6. С. 124.

³² Sokolewicz W. Komentarz do art. 2// Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej/ red. Garlicki L. Warszawa, 2003. S. 16–17. Garlicki L. Komentarz do art. 20 //Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. T. IV. S. 6. Banaszak B. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz. Warszawa, 2009. S. 125. Pysz Por. P. Społeczna gospodarka rynkowa. Ordoliberalna koncepcja polityki gospodarczej. Warszawa, 2008. S. 8. Klimczyk P. Nierywności dochodowe w gospodarce polskiej w okresie transformacji// Społeczna gospodarka rynkowa/red. Włodarczyk R. W. Warszawa, 2011. S. 110–111.

держания принципа социальной справедливости со сферой распределения доходов государства.³³

Квалификация социальной справедливости, как правило, связывается с развитием отраслей публичного права, регулирующих экономические отношения, и заключается в том, что этот принцип определяет направление развития этих отраслей, а также влияет на правоприменительную практику. В совокупности конкретных юридических установлений, относящихся к отраслям публичного права, связанным с регулированием экономического развития, выражается основное предписание по отношению к законодателям, органам, организациям, использующим эти нормы, - руководствоваться принципом социальной справедливости в своей деятельности.

Ссылка на юридические установления придает принципу социальной справедливости программный характер, указывающий на цель государства без определения конкретного поведения ее адресатов. Таким образом, принцип социальной справедливости определяет целевые установки в отношениях между государством, действующим на основе этого принципа, и конкретными субъектами по типу цель – средства. Вместе с тем, по мнению авторов, целевые программы могут создавать угрозу для правовых инструментов, когда цель, либо конкретные меры навязываются адресатам без их согласия (согласования) и тем самым осуществляют вмешательство в предмет и полномочия³⁴.

Из принципа социальной справедливости следует, что у государства есть обязанность создания справедливого общественного порядка, в частности, выравнивания социальных различий, так как государство социальной справедливости не может ограничивать себя ролью „охранника” правил рыночной экономики, осуществляющего интервенции в целях защиты безопасности экономического развития и предоставления населению необходимых благ или услуг для достойного существования. Государству присуща обязанность по проведению активной экономической политики³⁵.

С функциональной точки зрения можно говорить о положительном и негативном аспектах социальной справедливости. Положительный аспект является следствием программного установления в ст. 2 Конституции Польши 1997 г. и возлагает на государственные органы обязанность проведения политики (социальной и экономической) в духе социальной справедливости. Эта политика может быть реализована по-разному. Возможно принятие решений, предусмотренных законом, с учетом социально-экономической ситуации, финансовых возможностей государства и других субъектов, в первую очередь, органов местного самоуправле-

ния. Конституционный принцип социальной справедливости возлагает на органы публичной власти обязанности по принятию мер, направленных на достижение состояния социальной справедливости в той степени, в какой это возможно на практике и юридически.

Негативный аспект заключается в запрете принятия органами государственной власти мер, в том числе законодательных актов, несовместимых с принципом социальной справедливости. Гарантией реализации этого запрета должна являться компетенция Конституционного Трибунала Польши по установлению несоответствия положений законов принципу социальной справедливости. В своей деятельности Конституционный Трибунал неоднократно призывал соблюдать принцип социальной справедливости как основы контроля соответствия Конституции.³⁶

С учетом отдаленной перспективы рассматривается общий принцип экономической ответственности государства за экономическое равновесие, который выводится из общих постулатов права Евросоюза, ограничивающего в определенной степени структурирование социальных институтов и экономического порядка государств-членов ЕС, поскольку основы экономической политики (денежного, валютного регулирования, стабильность цен, публичных финансов) требуют точной координации политики государств - членов ЕС.

Конституционный Трибунал Польши оценил значение принципа пропорциональности во взаимосвязи с принципом справедливости и подчеркнул, что нарушение пропорциональности означает нарушение принципа справедливости, «которому без сомнения должен следовать рациональный законодатель»³⁷.

Следует обратить внимание на решения Конституционного Суда применительно к социальной справедливости в контексте защиты социальных прав. Как констатировал Конституционный Трибунал, их содержание надлежит понимать, прежде всего, как каталог ценностей, которые нужно принимать во внимание и защищать в ходе реализации принципов социальной справедливости демократическим правовым государством. В то же время содержащиеся в этих предписаниях «операционные директивы» для политики государства и для законодательства, а также конкретные «гарантии» для граждан должны интерпретироваться таким образом, чтобы их реализация не вступала в противоречие с претворением в жизнь других ценностей, образующих собой социальную справедливость и демократическое правовое государство.³⁸

Дебаты вокруг принципа социальной справедливости развиваются с точки зрения поисков путей

³³ Stemplowski R. O sprawiedliwości społecznej w polityce polskiej //Sprawiedliwość społeczna w polityce polskiej/pod red. Arndt W., Boberka S. Krakow: Wydawnictwo Ademia ignatianum, 2016. S. 11-12.

³⁴ Morawski L. Instrumentalizacja prawa (Zarys problemu)// Państwo i Prawo.1993. N 6. S.27.

³⁵ Ehlers. D. Verwaltung in Privatrechtsfor. Berlin, 1984. S. 90.

³⁶ Oniszczyk J. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego na początku XXI wieku. Kraków, 2004. S. 266.

³⁷ OTK 1996 (1). S. 39-40.

³⁸ См.: Garlicki L. Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego w 1998 roku // Przegląd Sądowy. 1999. № 6. С. 58. См. Garlicki L. Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego w 1997 roku // Przegląd Sądowy. 1998. № 6. С. 54.

его реализации в социальной практике. Выделяется несколько его важных и постоянных черт, таких как соблюдение принципа правового государства, равноправие граждан по отношению к закону, доверие граждан государству, которое базируется на основании закона, соблюдения и охраны прав человека и гражданина. При этом равенство всех граждан, защита более «слабых» в экономическом отношении граждан, групп населения, организационных единиц выражается в политике государства по социальному обеспечению. Принцип социальной справедливости связан с развитием системы социальных прав, их концептуальной трактовкой, повышением эффективности механизмов судебной защиты.

Литература

1. Бэкон Ф. Философское наследие. Соч. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 484 - 512.
2. Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017.
3. Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 2-9.
4. Собчак Я. Справедливость и равенство в судебной практике польского конституционного суда. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23520/1/9_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%87%D0%B0%D0%BA.pdf (дата обращения: 08.06.2018).
5. Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. №5. С.72-83.
6. Широканова А. А. Установки в отношении социального обеспечения в Польше и России: результаты Европейского социального исследования // Журн. Белорус. гос.ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 135–143.
7. Banaszak B. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz. Warszawa, 2009.
8. Exemplum Tractatus de Justitia Universali, sive de Fontibus Juris // The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England / Collected and edited by J. Spedding, R.S. Ellis and D.D. Heath. Vol. 1. London, 1875.
9. Garlicki L. Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego w 1998 roku // Przegląd Sądowy. 1998. № 6. S. 95 -124.
10. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe // Econ. The Open-Access. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
11. Klimczyk P. Nierywności dochodowe w gospodarce polskiej w okresie transformacji // Społeczna gospodarka rynkowa/red. Włodarczyk R. Warszawa, 2011. S. 95–126.
12. Morawski L. Instrumentalizacja prawa (Zarys problemu) // Państwo i Prawo. 1993. № 6. S. 16-27.
13. Oniszczyk J. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego na początku XXI wieku. Kraków, 2004.
14. Pysz Por. P. Społeczna gospodarka rynkowa. Ordoliberalna koncepcja polityki gospodarczej. Warszawa, 2008.
15. Sokolewicz W. Komentarz do art. 2 // Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej/ red. Garlicki L. Warszawa, 2003.
16. Stemplowski R. O sprawiedliwości społecznej w polityce polskiej // Sprawiedliwość społeczna w polityce polskiej/pod red. Arndt W., Boberka S. Krakow: Wydawnictwo Ademia Ignatianum, 2016. S. 9-25.
17. Wyrzykowski M. Przepisy utrzymane w mocy, art. 1 // Komentarz do Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej/ red. Garlicki L. Warszawa, 1995.
18. Ziemiński Z. O pojmowaniu sprawiedliwości. Lublin, 1992.
19. Ziemiński Z. Wartości konstytucyjne. Warszawa, 1993.
20. Муромцев Г.И., Кривельская О.В. Соотношение административного и конституционного права в зарубежных странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 100-108
21. Кривельская О.В. Административная юстиция в Федеративной Республике Германии. Москва, 2012
22. Кривельская О.В. Административная юстиция Германии: статус судей // Право и образование. 2005. № 1. С. 144-154.

The principle of social justice in the doctrine and decisions of the constitutional tribunal of Poland

Chekharina V.I.

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

The subject of the study is the principle of social justice in the context of the Constitutional provisions of Poland, the Polish legal doctrine, the decisions of the constitutional Tribunal. The methodology of the study was comparative, analytical methods, systematic approach. The principle of social justice in the Polish doctrine is considered in the context of the most important principles of the modern state: the rule of law, equality, respect for the rights and freedoms of man and citizen, protection of human dignity. It is not yet fully defined. The connection of social justice with the market economy model is emphasized. Positive and negative aspects of social justice are highlighted, which are reflected in the decisions of the constitutional Tribunal. The results of the study can be used in further studies of this issue.

Key words: the principle of social justice, Poland, the Constitution, the Polish doctrine, the Constitutional Tribunal

References

1. Bacon F. Philosophical Heritage. Cit. M.: Thought, 1977. T. 1. S. 484 - 512.
2. Vaipan V.A. Theory of Justice: Law and Economics. M.: Yustitsinform, 2017.
3. Zorkin V.D. The rule of law and the meeting of civilizations // Journal of constitutional justice. 2008. № 1. S. 2-9.
4. Sobchak J. Justice and equality in the judicial practice of the Polish constitutional court. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23520/1/9_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%87%D0%B0%D0%IB.pdf (date of 08.06.2018).
5. Chirkin V.E. The principle of social justice in comparative measurement // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. №5. Pp.72-83.
6. Shirokanova A. A. Installations in relation to social security in Poland and Russia: the results of the European social research // Zhurn. Byelorussian. state un. Sociology. 2018. No. 1. P. 135–143.
7. Banaszak B. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz. Warszawa, 2009.

8. Exemplum Tractatus de Justitia Universal, sive de Fontibus Juris // The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England / Collected and edited by J. Spedding, R.S. Ellis and D.D. Heath Vol. 1. London, 1875.
9. Garlicki L. Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego w 1998 roku // Przegląd Sądowy. 1998. No. 6. S. 95 -124.
10. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe // Econ. The Open-Access. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
11. Klimczyk P. Nierówności dochodowe w gospodarce polskiej w okresie transformacji // Społeczna gospodarka rynkowa / red. Włodarczyk R. Warszawa, 2011. S. 95–126.
12. Morawski L. Instrumentalizacja prawa (Zarys problemu) // Państwo i Prawo. 1993. No. 6. S.16-27.
13. Oniszczuk J. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego na początku XXI wieku. Kraków, 2004.
14. Pysz Por. P. Społeczna gospodarka rynkowa. Ordoliberalna koncepcja polityki gospodarczej. Warszawa, 2008.
15. Sokolewicz W. Komentarz do art. 2 // Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej / red. Garlicki L. Warszawa, 2003.
16. Stemplowski R. O sprawiedliwości społecznej w polityce polskiej // Sprawiedliwość społeczna w polityce polskiej / pod red. Arndt W., Boberka S. Krakow: Wydawnictwo Ademia ignatianum, 2016. S. 9-25.
17. Wyrzykowski M. Przepisy utrzymane w mosy, art. 1 // Company do Konstytucji Rzesurosłitej Polskiej / red. Garlicki L. Warszawa, 1995.
18. Ziemiński Z. O pojmowaniu sprawiedliwości. Lublin, 1992.
19. Ziemiński Z. Wartości konstytucyjne. Warszawa, 1993.
20. Muromtsev G.I., Krivelskaya OV Correlation of administrative and constitutional law in foreign countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence. 2012. No 2. S. 100-108
21. Krivelskaya OV Administrative justice in the Federal Republic of Germany. Moscow, 2012
22. Krivelskaya O.V. Administrative Justice in Germany: Status of Judges // Law and Education. 2005. No. 1. S. 144-154.

Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования незаконного предпринимательства

Зевакина Диана Дмитриевна,
студент, Института права, Волгоградский государственный университет, zevakinadiana@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с отграничения преступлений, предусмотренных статьей 171 Уголовного Кодекса Российской Федерации, от иных противоправных деяний. Проводится анализ законодательства и правоприменительной практики расследования по уголовным делам данной категории. Выделяются возможные основания разграничения смежных составов. Отмечаются трудности и перспективы взаимодействия уполномоченных органов в ходе расследование незаконного предпринимательства. Также в статье раскрывается сущность выполнения органом дознания следственных действий по поручениям следователя, основой которого являются полномочия следователя, закрепленные в пункте 4 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса. Рассматривается содержание такой формы взаимодействия как содействие органа дознания следователю при производстве отдельных следственных действий. Автор формулируются наиболее проблемные аспекты взаимодействия органов следствия и дознания, которые выявлены в результате изучения нормативного материала и практики. Кроме того анализируется процесс взаимодействия органов следствия с налоговыми органами, органами, осуществляющими лицензирование деятельности. Важность этого взаимодействия обусловлена прямой взаимосвязью между предпринимательством, осуществляемым в определенных сферах, и органами власти, контролирующими такие сферы. Отмечается нормативная база, регламентирующая такое взаимодействие.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, смежные составы, незаконное изготовление огнестрельного оружия, мошенничество, неправомерные действия при банкротстве, взаимодействие органов, расследование.

При анализе уголовных дел, связанных с незаконным предпринимательством необходимо отграничивать состав, предусмотренный статьей 171 УК РФ, от смежных. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем». [9]

В п.5 разграничиваются нормы об ответственности за незаконное предпринимательство и незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ). Основным критерием разграничения в данном случае выступает характер общественно опасных последствий как элемент деяния. Значение общественно опасных последствий заключается в их важности для определения объекта преступного посягательства, что в свою очередь способствует правильному установлению соответствия между совершенным деянием и составом одной из предусмотренных статей.

В научной литературе можно наблюдать дискуссию о разграничении незаконного предпринимательства и таких видов незаконной деятельности как незаконное изготовление огнестрельного оружия, боеприпасов, сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В данных случаях некоторыми авторами предлагалась возможность вменения в определенных случаях совокупности соответствующих составов. Указанные виды деятельности можно расценивать как преступный бизнес, так как они отвечают некоторым признакам предпринимательства. В этих случаях также как и при незаконном предпринимательстве отсутствуют важные обстоятельства: регистрация в определенном статусе и лицензия на занятие определенной деятельностью. [1]

Ссылаясь на большую разницу между объектами вышеназванных деяний, а также отмечая, что «экономический» объект может характеризоваться как дополнительный по отношению к основному объекту, Пленум не видит возможности квалифицировать такие деяния по совокупности.

Интересно также разграничение состава ст. 171 УК РФ и норм об ответственности за мошенничество. Данные составы имеют достаточно много точек соприкосновения. Диспозиции обеих норм имеют абстрактный характер и их

необходимо тщательно толковать при уяснении круга деяний, ими предусмотренных. Общей характерной чертой является относимость к имущественным преступлениям и связанность с договорными отношениями. [3]

Основаниями для разграничения этих составов выступают объекты преступлений – при мошенничестве объектом признаются отношения собственности, а при незаконном предпринимательстве – установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности. Но вместе с тем предметом обоих составов выступают товары, работы, услуги, что порождает большое количество сложностей на практике.

Наиболее распространенной ошибкой считается квалификация мошенничества как незаконного предпринимательства в случае, когда мошеннические сделки скрываются под предпринимательскими формами в целях сокрытия. В описанном случае разграничение необходимо проводить по объективной стороне деяния. При незаконном предпринимательстве совершаются те действия, которые подпадают под признаки недействительных сделок. В случае с мошенничеством объективная сторона представляет собой завладение чужим имуществом или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. В данном случае речь идет о фиктивной сделке, которая по своей правовой природе отличается от недействительной. «Фиктивная сделка в предпринимательской деятельности – противоправные действия граждан, совершенные с целью причинения ущерба участнику сделки или третьим лицам посредством введения их в заблуждение относительно действительных обстоятельств и намерений либо путем заведомого неисполнения обязательств по сделке». [7]

Неадекватная оценка правового характера сделок способствует возникновению серьезных ошибок в области применения как ст. 171, так и ст. 159 УК РФ, которые условно можно разделить на 2 вида: 1) отказ в возбуждении уголовного дела с рекомендацией рассматривать его в гражданском порядке, в то время как в деянии может содержаться состав мошенничества, предусмотренный ст. 159 УК РФ; 2) квалификация деяния по ст. 171 УК РФ при наличии в нем признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, т. е. мошенничества. Первую ошибку порождает заблуждение в оценке деяний, внешне носящих законный характер за счет их облечения в гражданско-правовые формы. Отграничение мошенничества с использованием договорных форм и предпринимательских договорных отношений надлежит осуществлять не потому, как оформлены эти договоры, а потому, что именно стало результатом этой договорной деятельности.[2]

Часто на практике встречается вопрос не поглощает ли незаконное предпринимательство преступления предусмотренные ст. 171-1, 180, 238 УК РФ. Пленум по таким случаям дает пояснение, согласно которому содеянное следует рассматривать как совокупность. Многие авторы отмечают, что недостаток Постановления заключен в том, что не освещен

актуальный вопрос о возможности вменения состава ст. 171 УК РФ в совокупности с составом мошенничества, в ситуациях, когда субъект, например, без лицензии распространяет изготовленную самостоятельно спиртосодержащую продукцию под видом водки. На практике суды чаще всего не усматривают в таких деяниях совокупности, поскольку похищенные мошенническим путем у покупателей спиртного денежные средства нельзя одновременно признавать и доходом как признаком незаконного предпринимательства. [11]

Статьи 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» и 171 УК РФ необходимо ограничивать по признаку объективной стороны. В статье 195 УК РФ объективная сторона охватывает деяния, выражающиеся в сокрытии имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе; сокрытии, уничтожении, фальсификации и иных документов, отражающих экономическую деятельность. А статья 171 УК РФ регламентирует осуществление незаконного предпринимательства, а именно такую деятельность без регистрации либо без лицензии и негативные последствия вызванные такой деятельностью, в виде крупного ущерба гражданам, организациям, государству, или извлечении дохода в крупном размере. [6]

Таким образом, хотелось бы заметить, что вопросы квалификации, отграничения схожих составов являются актуальными и дискуссионными, а значит, требуют большей проработки. Причиной этого является бланкетный характер диспозиции статьи 171 УК РФ.

К вопросу о разграничении преступлений предусмотренных статьей 171 УК РФ от смежных составов необходимо подходить всеобъемлюще и внимательно учитывать все признаки незаконного предпринимательства.

Органы, осуществляющие расследование, должны опираться на знания и опыт в уголовно-правовой сфере для отграничения вышеназванных составов и качественной квалификации противоправных деяний. Несомненно, необходимо продуктивное сотрудничество следователей и органов дознания, заключающееся во взаимодействии с применением навыков, относящихся к компетенции каждого из данных субъектов.

В результате анализа действующего законодательства, ведомственных нормативно-правовых актов можно сформулировать определение форм взаимодействия следователей и органов дознания – установленные правовыми актами условия, способы и порядок их совместной и согласованной деятельности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства.[8]

Одной из таких форм взаимодействия является выполнение органом дознания следственных действий по поручениям следователя. Основой такого взаимодействия являются полномочия следователя, которые закреплены в пункте 4 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса.[13]

Нормами действующего Уголовно-процессуального кодекса. Например, зачастую в ходе расследования преступления по факту незаконного предпринимательства свидетель может находиться в другом городе и не может явиться на допрос к следователю. В таком случае следователь направляет соответствующее поручение на имя руководителя органа дознания по месту фактического нахождения свидетеля. В данном поручении необходимо отразить известные анкетные и контактные данные допрашиваемого, адрес его фактического нахождения.

Другой формой взаимодействия является содействие органа дознания следователю при производстве отдельных следственных действий. Например, при производстве обыска по делу о незаконном предпринимательстве следователь вправе привлекать сотрудников органа дознания для более полного и тщательного проведения следственного действия. Такая необходимость часто возникает, когда необходимо обыскать производственные помещения, площадь которых достаточно велика. Для этого следователю необходимо направить письменное поручение на имя начальника органа дознания о выделении необходимого количества сотрудников с целью производства отдельных следственных действий.

Выполнение органом дознания оперативно-розыскных мероприятий по поручениям следователя. Например, возникла следственная необходимость в установлении наружного наблюдения за подозреваемым. Соответственно, следователем направляется соответствующее поручение руководителю органу дознания о том, что возникла следственная необходимость в установлении наружного наблюдения за определенным лицом.[14] Иногда по делам о незаконном предпринимательстве необходимо установить круг лиц, с которыми свидетель или же подозреваемый встречались после того, как их уведомили о возбуждении уголовного дела. Такая информация может иметь для следователя важное значение.

Существует и ряд других форм взаимодействия, однако перечисленные выше формы взаимодействия в большей степени применены непосредственно к расследованию преступлений в сфере незаконного предпринимательства.

Наиболее проблемными аспектами взаимодействия органов следствия и дознания являются такие как несвоевременное выполнение поручений и недостаточное качество выполнения данных поручений.[5] На практике следователи, направляя поручение в другой регион о проведении отдельных следственных действий (допросе свидетеля) зачастую получают лишь формально выполненное поручение, но не в соответствии с теми требованиями, которые они указывали, направляя его. Допрос свидетеля может быть проведен не по всему перечню вопросов, которые указывались в поручении, а лишь по отдельной взятой части вопросов.[4] Данные особенности на практике встречаются

регулярно. Другим проблемным аспектом является несоблюдение следователем процессуальной формы поручения. Например, следователь может устно попросить оперативного сотрудника о приводе лица, однако без письменного поручения оперативный сотрудник не обязан исполнять подобные поручения.

Помимо вышеописанного взаимодействия не малую роль играет взаимодействие органов следствия с налоговыми органами, органами, осуществляющими лицензирование деятельности.

Взаимодействие органов следствия с другими государственными организациями основывается на положениях федерального законодательства о том или ином органе следствия. Например, ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» предусматривает что требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

Помимо органа дознания органы следствия по делам о незаконном предпринимательстве взаимодействуют с налоговыми органами путем направления различных запросов по организациям в отношении которых ведётся предварительное следствие или проводится процессуальная проверка. В запросах, направляемых в налоговые органы может содержаться требование о предоставлении в адрес следствия заверенных копий учредительных документов или о предоставлении иных сведений. Под иными сведениями в данном случае стоит понимать сведения:

- о доходах и расходах организации за определенный период времени;
- о проводимых проверках и результатах таких проверок;
- о взаимосвязи одной организации с другими (одни лица являются учредителями множества организаций);
- о регулярности и полноте уплаты налогов;
- о специфике деятельности организации.

Подобные сведения как правило запрашиваются следствием для установления всех обстоятельств дела изобличения возможно причастных или виновных лиц. На практике встречаются случаи, когда граждане пишут заявления по факту незаконного предпринимательства о котором им стало известно, не в органы следствия на прямую, а подают данное заявление в налоговую инспекцию. В подобных случаях налоговая служба передает заявления граждан в следственные органы – пример формы взаимодействия.

На практике встречаются случаи, когда работники налоговых органов формально не участвуют в предварительном следствии (при условии, что сотрудник ФНС не привлекался в качестве свидетеля), но фактически оказывают помощь след-

ствию, путем консультирования и разъяснения некоторых спорных вопросов. [10]

По делам на законном предпринимательстве, например, в случаях, когда лицензия на осуществление лицензируемой деятельности была просрочена органам следствия необходимо взаимодействовать с органом, осуществляющим лицензирование в той или иной сфере. [12] Для выяснения всех обстоятельств и полноты сведений по рамках расследуемого дела. Если разобрат на примере медицинской сферы, то органом, осуществляющим лицензирование в соответствии с Положением о лицензировании медицинской деятельности будет являться в данном случае региональный комитет здравоохранения. Так, например, при расследовании преступлений в сфере незаконного предпринимательства (при условии, что деятельность осуществлялась с просроченной лицензией) на территории Волгоградской области органам следствия придется взаимодействовать с Комитетом здравоохранения Волгоградской области. Так как именно этот орган отвечает за лицензирование частных медицинских учреждений на территории области. Наиболее распространенная форма взаимодействия между органами следствия и иными учреждениями осуществляется путем направления запросов о предоставлении необходимой информации в рамках предварительного следствия или процессуальной проверки.

Таким образом, расследование данного вида преступления требует всестороннего изучения обстоятельств противоправного деяния, и должно проводиться комплексно с привлечением субъектов, способных предоставить необходимую информацию и оказать иное содействие.

Литература

1. Горелов А. Как квалифицировать незаконное предпринимательство // Российская юстиция. - 2013. - № 12. - С.56
2. Горелов А. Незаконное предпринимательство и мошенничество // Законность.- 2011. - №1. - С.57.
3. Евсеев А.И. Проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного предпринимательства // Информационный бюллетень.- 2013. - №1. - С.63.
4. Захарова В.О. Оптимизация осуществления уголовного преследования (на примере деятельности следственной группы) / В.О. Захарова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2015. - № 1 (29). - С. 85
5. Зеленский В.Д. Организационные функции субъектов расследования преступлений / В.Д. Зеленский. - Ростов-на-Дону, 2005. - 112
6. Коровинских С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Российская юстиция. - 2014. - № 4. - С.66.
7. Котин В. Фиктивные сделки в предпринимательской деятельности // Законность. - 2012. - № 10. - С. 17

8. Липка Е. С. Взаимодействие следователя с органом дознания полиции при осмотре места происшествия // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2012. №76. - С.32

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 года № 23 // Бюллетень Верховного суда РФ. - №1. - 2005.

10. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 N 506 (ред. от 23.09.2017) "Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе»

11. Толкачев В.В. Незаконное предпринимательство // ПБОЮЛ. - 2013. - № 4. - С.22

12. Тонкий Е.С. Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства. МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва 2015.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. - Москва: Проспект, 2017.

14. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519]

Criminal legal and criminalistic aspects of the investigation of illegal entrepreneurship Zevakina D.D.

Volgograd State University

In this article the problems which are connected with difference between the crimes provided by Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation from other illegal acts are considered. The analysis of the legislation and law-enforcement practice of investigation on criminal cases of this category is carried out. The possible bases of differentiation of adjacent structures are allocated. Difficulties and the prospects of interaction of authorized bodies in the course investigation of illegal business are noted. Also in article the essence of performance by body of inquiry of investigative actions in order of the investigator whose basis are the investigator's powers enshrined in Paragraph 4 of Part 2 of Article 38 of the Code of Criminal Procedure reveals. The maintenance of such form of interaction as assistance of body of inquiry to the investigator by production of separate investigative actions is considered. The author formulates the most problem aspects of interaction of investigation authorities and inquiry which are revealed as a result of studying of standard material and practice. Besides process of interaction of investigation authorities with the tax authorities, bodies which are carrying out activity licensing is analyzed. Importance of this interaction is caused by direct interrelation between the business which is carried out in certain spheres and the authorities controlling such spheres. The regulatory base regulating such interaction is noted.

Key words: illegal business, related structures, illegal manufacture of firearms, f

References

1. Gorelov A. How to qualify illegal entrepreneurship // Russian justice. - 2013. - № 12. - С.56
2. Gorelov A. Illegal business and fraud // Legality.- 2011. - №1. - p.57.
3. Evseev A.I. Problems of criminal law qualification of illegal business // Informational bulletin.- 2013. - №1. - p.63.
4. Zakharov V.O. Optimization of the implementation of criminal prosecution (on the example of the activities of the investigation team) / V.O. Zakharova // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. - № 1 (29). - p. 85
5. Zelensky V.D. Organizational functions of the subjects of crime investigation / V.D. Zelensky. - Rostov-on-Don, 2005. - 112

6. Korovinsky S. Criminal liability for illegal business // Russian justice. - 2014. - № 4. - С.66.
7. Kotin V. Fictitious transactions in business activities // Legality. - 2012. - № 10. - p. 17
8. Lipka E.S. The interaction of the investigator with the police inquiry body during the inspection of the scene of an accident // Scientific journal of KubSAU - Scientific Journal of KubSAU. 2012. №76. - p.32
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of illegal business and the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means" dated November 18, 2004 No. 23 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - №1. - 2005.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.09.2004 N 506 (as amended on 09.23.2017) "On the approval of the Regulations on the Federal Tax Service"
11. Tolkachev V.V. Illegal entrepreneurship // PBOYUL. - 2013. - № 4. - P.22
12. Thin E.S. Organization and algorithmization of the investigation of illegal business. MSLA them. O.E. Kutafina, Moscow 2015.
13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2017.
14. Federal Law "On operational investigative activities" of 12.08.1995 N 144-ФЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519]raud, illegal actions in bankruptcy, interaction of authorities, investigation.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения в разрезе крайней необходимости

Журавлев Владимир Вячеславович, майор полиции, преподаватель-методист факультета профессиональной подготовки Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, vz15111982@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению аспектов применения понятия крайней необходимости, как обстоятельства исключающего привлечение к ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения. Дается юридическая характеристика совокупности условий, позволяющих ограничить действия водителя, находящегося в состоянии опьянения, как правомерные либо содержащие признаки наказуемого деяния, предлагается единый подход к формированию правоприменительной практики, связанной с реализацией данного института, обобщаются имеющиеся в законодательстве не урегулированные вопросы и пробелы.

Ключевые слова: крайняя необходимость, степень общественной опасности, безопасность дорожного движения, управление транспортным средством в состоянии опьянения, юридическая ответственность.

Юридической природе освобождения от административной ответственности за совершение правонарушений в состоянии крайней необходимости посвящены многие научные исследования, содержащие различные мнения по реализации данного института в правоприменительной практике. Несмотря на это, рассматриваемый вопрос продолжает оставаться дискуссионным, поскольку в законодательстве сформулированы лишь общие признаки состояния крайней необходимости, которые подлежат рассмотрению в совокупности с обстоятельствами и условиями причинения вреда отношениям, защищаемым административным правом. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях³⁹ содержит большое количество составов, общественная опасность которых зачастую очень сильно различается. Управление транспортными средствами в состоянии опьянения является грубым проступком, посягающим на охраняемые государством общественные отношения в области безопасности дорожного движения, жизни и здоровья граждан. В связи с этим возникает вопрос, возможно ли применение института крайней необходимости к данной категории нарушений?

В статье 2.7 КоАП РФ законодатель установил критерии крайней необходимости, в соответствии с которыми, не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред. В этой связи можно выделить следующие условия, соблюдение которых позволяет принять решение о том, что совершенное деяние не является административным правонарушением:

³⁹ Далее – КоАП РФ.

- причинение вреда охраняемым законом интересам для устранения непосредственно угрожающей опасности;

- опасность не могла быть устранена иными средствами;

- причиненный вред является по своему характеру менее значительным, чем предотвращенный.

Как отмечает Иванов И.С., состояние крайней необходимости исключает противоправность имевшего место деяния, образующего объективную сторону правонарушения, в силу:

а) объективно сложившейся обстановки - опасности;

б) цели, которую преследует лицо, - устранить опасность.

Сказанное позволяет утверждать, что состояние крайней необходимости изменяет объективную и субъективную стороны содеянного настолько, что факультативные их элементы (обстановка и цель) становятся доминирующими и выводят деяние из разряда противоправных⁴⁰.

Рассмотрим более детально приведенные требования. Первым моментом, требующим оценки, является понятие опасности - ситуации, создающей угрозу жизни, здоровью или имуществу, требующей быстрого принятия мер, направленных на ее предотвращение или максимальной снижение вреда, который может быть причинен. В этом случае, опасность должна обладать признаком реальности, то есть быть действительной, а не мнимой и основанной не только на внутреннем отношении нарушителя к происходящим событиям, но и признаваемой в таком качестве обществом. Возникновение опасности, по нашему мнению, должно происходить внезапно и лишать возможности водителя транспортного средства предвидеть ее наступление и, как следствие, заранее принять меры к ее предотвращению. В качестве обстоятельств, создающих реальную опасность, следует в первую очередь выделить угрозу жизни и здоровью водителя транспортного средства или иных лиц, в том числе в следствие явлений природного или техногенного характера. Так, например, к указанным случаям, возможно отнести получение травм, которые могут быть расценены как тяжкий вред здоровью или повлечь смерть человека. Помимо этого возможны ситуации, когда вред еще не причинен, но вынужденное бездействия может служить основанием к наступлению опасных последствий, например, в случае пожара в лесу. Следует учесть, что крайняя необходимость, как возможность отступления от правомерного поведения в целях устранения опасности, как правило, является кратковременной мерой, действие которой прекращается в момент исчезновения реальности угрозы. То есть, действие крайней необходимости, в части управления транспортным средством в состоянии опьянения, заканчивается в

момент доставления больного в медицинское учреждение или покидание территории охваченной чрезвычайными обстоятельствами природного или техногенного характера. Злоупотребление со стороны водителя правом управлять транспортным средством в состоянии опьянения после исчезновения опасности, безусловно, служит основанием для его привлечения к юридической ответственности.

Таким образом, давая правовую оценку наличию в действиях водителя, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, признаков крайней необходимости следует сопоставлять момент исчезновения опасности, создавшей угрозу охраняемым законом интересам, и момент прекращения противоправных действий, как внутреннего отношения нарушителя к возможности возникновения опасных последствий, например дорожно-транспортного происшествия, и его желания не допустить их наступления.

Следующим условием применения понятия крайней необходимости является невозможность устранения опасности другими средствами. В рассматриваемой ситуации, это означает отсутствие для водителя иных, альтернативных путей избежания возникшей угрозы, кроме как личное управление транспортным средством в состоянии опьянения. Данный критерий определяется прежде всего реальным отсутствием возможности предотвратить наступление вредных последствий путем, не связанным с необходимостью нарушения правил дорожного движения. Наличие иного возможного варианта, которое бы позволило лицу, находящемуся в состоянии опьянения, не использовать транспортное средство, пусть и сопряженного с возможным причинением вреда охраняемым государством общественным отношениям, но не ставящем под угрозу, например, жизнь, безусловно, не должно трактоваться, как крайняя необходимость.

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие авторы, например Салищева Н.Г., которая отмечает, что причинение вреда правоохраняемому интересу можно признать оправданным, если у человека не было иного выхода для спасения более ценного блага. Поэтому при обнаружении угрозы правоохраняемым интересам должны изыскиваться непротивоправные пути предотвращения или устранения такой угрозы. Если такой возможности нет, должны приниматься меры, минимально нарушающие правоохраняемый интерес, то есть совершаться такие действия, которые образуют наименее опасные правонарушения⁴¹.

В качестве примера рассмотрим конфликтную ситуацию, произошедшую на почве внезапно сложившихся неприязненных отношения между лицами, находящимися в общественном месте. Если в ходе нее один из участников, находясь в состоя-

⁴⁰ Иванов И.С. Практический комментарий к главе 12 КоАП РФ "Административные правонарушения в области дорожного движения". 2-е изд., испр. и доп. 2013 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 04.09.2018)..

⁴¹ Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях» (постатейный) (7-е издание) (под общ. ред. Н.Г. Налищевой) («Перспектива», 2011) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 04.09.2018).

нии опьянения и опасаясь за свою жизнь, воспользовался транспортным средством, чтобы покинуть место происшествия, имея реальную возможность убежать или использовать иную помощь, то такие действия, по нашему мнению, не могут образовывать состояние крайней необходимости.

Аналогичной ситуацией является пример, когда нарушитель мотивирует факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, как обусловленный необходимостью доставить человека в медицинское учреждение, игнорирую при этом возможность вызова «скорой помощи» или использования иного транспортного средства под управлением трезвого водителя.

Так, отказывая в удовлетворении жалобы заявителя, признанного виновным в совершении правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, судья Глушковского районного суда Курской области в решении от 12.08.2015 № 12-13/2015 указал, что доводы заявителя о том, что он действовал в состоянии крайней необходимости, поскольку управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения в связи с тем, что его супруга нуждалась в срочной медицинской помощи, ее необходимо было отвезти в роддом, являются несостоятельными, так как он знал о том, что его супруга находилась на позднем сроке беременности и должен был предвидеть возможность возникновения опасности ее жизни и здоровью, однако допустил употребление алкоголя и управление транспортным средством в состоянии опьянения⁴².

Вместе с тем, судебная практика знает и противоположные примеры. Так, Иванов И.С. отмечает, что в ходе интервьюирования мировых судей г. Астрахани и Астраханской области был выявлен случай, когда водитель - житель села, привлекаемый к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, документально доказал, что в этот день его ребенка укусила собака и он вынужден был ради спасения жизни ребенка сесть за руль и везти его в районную больницу. Учитывая, что происшествие имело место в сельской местности, в которой отсутствует транспортная инфраструктура, сопоставимая по возможностям с городской, принимая во внимание представленные справки из медицинского учреждения, суд признал в действиях водителя состояние крайней необходимости и дело производством прекратил⁴³.

Таким образом, понятие возможности устранения опасности иными средствами необходимо оценивать через призму временного и географического факторов, находящихся в тесной связи между собой. Анализируя их совокупность, следует соизмерять возможность и характер наступле-

ния вредных последствий, как условие управления транспортным средством в состоянии крайней необходимости.

Третьим условием крайней необходимости является причинения вреда, который по своему характеру должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Оценивая степень общественной опасности правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, следует учесть, что составы этих проступков являются формальными и не требуют обязательного наступления последствий, выражающихся в причинении вреда жизни, здоровью или имуществу, которые в большинстве случаев являются следствием дорожно-транспортных происшествий. Правонарушение считается оконченным в момент начала движения транспортного средства под управлением лица, находящегося в состоянии опьянения. Вместе с этим, на наш взгляд, на чаше весов необходимо соотносить не столько факт осязаемых последствий в виде травм или повреждения имущества, которые могут и не наступить, сколько саму возможность их наступления, поскольку речь идет об использовании источника повышенной опасности. То есть, оценивая вред, как причиненный, так и предотвращенный, необходимо правильно классифицировать степень значимости интересов, которые защищались и которые были нарушены. В соответствии с Конституцией Российской Федерации жизнь человека признается высшей ценностью, а ее защита является приоритетным направлением деятельности государства. В этой связи не вызывает сомнений, что интересы, связанные с жизнью, здоровьем человека, более значимы, чем имущественные интересы. Из этого, по нашему мнению, следует, что возможность применения критериев крайней необходимости к правонарушениям, связанным с управлением транспортными средствами, в абсолютном большинстве случаев должна быть вызвана именно необходимостью защиты жизни. Вместе с этим, следует признать, что действия водителя, повлекшие наступление последствий, связанных с причинением вреда здоровью или смертью другого участника дорожного движения, хотя формально и содержащие признаки крайней необходимости, не должны признаваться таковыми, поскольку причиненный вред тождественен предотвращенному.

Отождествление действий водителя, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, с крайней необходимостью, как средство защиты имущественных интересов, на наш взгляд, теоретически возможно, но при наличии исключительных обстоятельств, к которым, например, можно отнести отсутствие опасности, создаваемых таким лицом, для других участников дорожного движения или чужого имущества.

Рассмотрим ситуацию, когда в ходе сельскохозяйственных работ уборочная техника была оставлена рядом с лесом, где, вследствие не преодолимой силы, начался пожар. Учитывая возможность полного уничтожения техники, водитель

⁴² Решение Глушковского районного суда Курской области от 12.08.2015 № 12-13/2015/ sudact.ru/regular/doc/Ba1Koa5X3yLT (дата обращения 30.08.2018).

⁴³ Иванов И.С. Практический комментарий к главе 12 КоАП РФ "Административные правонарушения в области дорожного движения". 2-е изд., испр. и доп. 2013 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 04.09.2018).

перемещает ее по полю, не выезжая на дороги общего пользования и не создавая угрозу безопасности для других участников движения.

Другим примером может служить случай, когда лицо, находясь в состоянии опьянения, перемещает транспортное средство в пределах своего домовладения в гараж или под навес, как средство защиты имущества от внезапно начавшегося урагана или выпадения града, реально могущих причинить существенный вред.

При описанных обстоятельствах, по нашему мнению, применимо использовать понятие крайней необходимости, как возможность освобождения лица, находящегося в состоянии опьянения от юридической ответственности.

Аналогичные ситуации, имеющие место в населенных пунктах и на дорогах, характеризующихся высокими транспортными потоками и создающие реальную опасность для людей или имущества, безусловно, не могут рассматриваться в разрезе крайней необходимости.

Как верно отметил Попугаев Ю.И., общественная опасность как причинение (или возможность причинения) вреда (ущерба) охраняемым общественным отношениям является объективной реальностью социальной действительности. Ее наличие или отсутствие не обусловлены волей законодателя. Он способен лишь выявить и оценить степень опасности тех или иных деяний, возможность и необходимость установления правового запрета на их совершение и определить адекватные этой опасности правовые последствия нарушения установленного запрета⁴⁴.

Обобщая изложенные доводы, отметим, что практическая реализация института крайней необходимости в разрезе вопроса управления транспортным средством в состоянии опьянения является достаточно сложным вопросом и требует аккуратного подхода. Это обусловлено с одной стороны повышенной степенью опасности данной категории проступков, которая признается подавляющим большинством членов общества и государством, служит предпосылкой для дорожно-транспортных происшествий, гибели людей, а с другой стороны может являться единственной возможностью сохранить жизнь человека, избежать наступление других вредных последствий. В этой связи рассмотрение дел об административных правонарушениях, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, должно основываться на тщательном анализе обстоятельств, предшествующих началу таких действий, установлении степени опасности и характере вреда, причиненного охраняемым общественным отношениям в области безопасности дорожного движения. В этой связи, следует объективно оценивать реальность наступления опасных последствий, наличие других вариантов, прежде

всего правомерного поведения, способных исключить необходимость нарушения установленных государством правил эксплуатации транспортных средств. Решая вопрос возможности освобождения от юридической ответственности следует учесть время, в период которого лицо управляло транспортным средством в состоянии опьянения, как обстоятельство наглядно свидетельствующее о его внутреннем отношении к нарушаемому запрету и готовности прекратить свои противоправные действия по достижении цели, связанной с устранением угрозы.

Литература

1. Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».
3. Иванов И.С. Практический комментарий к главе 12 КоАП РФ "Административные правонарушения в области дорожного движения". 2-е изд., испр. и доп. 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) (7-е издание) (под общ. ред. Н.Г. Налищевой) («Проспект», 2011) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Глушковского районного суда Курской области от 12.08.2015 № 12-13/2015/sudact.ru/regular/doc/Ba1Koa5X3yLT.
6. Иванов И.С. Практический комментарий к главе 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения». 2-е изд., испр. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Попугаев Ю.И. Статья: О признаках административного правонарушения с позиции процесса деликтивизации деяния («Административное право и процесс», 2014, № 1) // СПС «КонсультантПлюс».

Driving while intoxicated in the context of extreme necessity Zhuravlev V.V.

Ryazan branch

Moscow University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya

The article is devoted to the consideration of aspects of the use of the concept of extreme necessity, as circumstances precluding the bringing to justice of a person driving a vehicle while intoxicated. Given the legal characteristics of the set of conditions that allow to distinguish between the actions of the driver who is intoxicated, as legitimate or containing signs of punishable actions, a unified approach to the development of law enforcement practices associated with the implementation of this institution is proposed, the unresolved issues and gaps in the legislation are summarized.

Keywords: emergency, degree of public danger, road safety, driving while intoxicated, legal liability.

⁴⁴ Попугаев Ю.И. Статья: О признаках административного правонарушения с позиции процесса деликтивизации деяния («Административное право и процесс», 2014, № 1) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 04.09.2018).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // SPS Consultant Plus.
2. Code of the Russian Federation on administrative offenses // ATP "Consultant Plus".
3. Ivanov I.S. Practical commentary to Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in the Field of Road Traffic. 2nd ed., Corr. and add. 2013 // ATP ConsultantPlus.
4. Comment to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses "(itemized) (7th edition) (under the general editorship of NG Nalischeva) (" Prospectus ", 2011) // SPS" Consultant Plus".
5. The decision of the Glushkovsky District Court of the Kursk Region dated August 12, 2015 No. 12-13 / 2015 / sudact.ru/regular/doc/Ba1Koa5X3yLT.
6. Ivanov I.S. Practical commentary on Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in the Field of Road Traffic. 2nd ed., Corr. and add. // ATP "Consultant Plus".
7. Parrots Y.I. Article: On the signs of an administrative offense from the standpoint of the process of delictizatsii act ("Administrative law and process", 2014, № 1) // ATP "Consultant Plus".